

ФОРУМ

ФОРУМ

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

5

5

1983

1983

Ф О Р У М

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

5

1983

«СУЧАСНІСТЬ»

Ответственный редактор:

ВЛАДИМИР МАЛИНКОВИЧ

Консультативный совет:

Петр АБОВИН-ЕГИДЕС, Владимир БОРИСОВ, Борис ВАЙЛЬ, Николай ДРАГОШ, Кронид ЛЮБАРСКИЙ, Михайло МИХАЙЛОВ, Сергей ПИРОГОВ, Игорь ПОМЕРАНЦЕВ, Галина САЛОВА, Тамара САМСОНОВА, Надия СВИТЛЫЧНА, Сейтхан СОРОКИНА, Виктор ФАЙНБЕРГ, Борис ШРАГИН.

Статьи, подписанные авторами, выражают их собственное мнение.

Журнал выходит четыре раза в год.

Für den Inhalt verantwortlich: Dr. W. Malinkowitsch.

Адрес редакции: Georg-Mauerer-Weg 11, 8000 München 50, BRD.

Оформление подписки на журнал: «Sučasnist» e. v. München, Müllerstr. 33, Rgb, 8000 München 5, BRD.

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

Василь Стус

ИЗ ЛАГЕРНОЙ ТЕТРАДИ

Итак, пятого марта я прибыл на Колыму. Позади осталось 53 дня этапа, почти два месяца. Вспоминаю камеру Челябинской тюрьмы со скопищем тараканов по стенам — насмотревшись на них, я чувствовал, как зудит все тело, и потом — Новосибирская пересылка, где пребывал вместе с В. Хаустовым; страшная Иркутская тюрьма — меня бросили в камеру с бичами-алиментщиками: вшивые, грязные, отупевшие, они распространяли дух затхлой периферийной свободы, — от всего этого хотелось быть волком: оказывается, и так можно жить, и так переживать тюремную муку! Пьяные надзиратели в Иркутске — словно выхваченные из когорты жандармов-самодуров времен Николая I или Александра II. Один из них едва не побил меня за высказанное вслух замечание о его грубом поведении. Наконец — Хабаровск, потом — пассажирский самолет, где вольные и невольники разделены рядами кресел: тут уж стесняться некого. Меня сковали наручниками с каким-то рецидивистом — и так мы провели два часа полета. И вот Колыма. Холодное низкое небо, маленькая тюрьма на каком-

* Василь Стус (1938 г. рожд.) — известный украинский поэт, член международного ПЭН-клуба, участник правозащитного движения на Украине, член Украинской хельсинкской группы. 12 января 1972 года арестован КГБ и в сентябре того же года приговорен к 5 годам лагеря строгого режима и 3 годам ссылки. Ссылку отбывал на Колыме. В августе 1979 г. вернулся в Киев, а в мае 1980 года был вновь арестован. Приговорен к 15 годам неволи. Срок отбывает в лагере N 36-1 (поселок Кучино Пермской области).

то выгоне, сравнительно хорошая пища и теплая полутемная одиночка. После прожарки можно было терпеть свою одежду. Вызвал начальника тюрьмы: он якобы никогда не видел политзаключенного.

Через несколько дней воронок с буржуйкой внутри подкинул меня в Усть-Омчуг. Это 400 километров от Магадана. Бросив в камеру КПЗ и продержав несколько дней, меня вызвали к начальнику милиции Переверзеву и тот объявил, что работать я буду на руднике им. Матросова, жить в общежитии в комнате N 56, а поскольку я пожаловался на нездоровье, то обещал показать врачам. За каких-то 20 минут меня осмотрели заранее подготовленные врачи все заявили, что я здоров.

Вечером 5 марта 1977 года меня привезли в поселок. В комнате, словно поджидая меня, сидели несколько молодых парней и пили водку. Мое появление никого не удивило. Ревело радио, визжали магнитофон и транзистор — парням было весело. Началась моя работа. Бригада — ударная, коммунистическая. Чуть ли не половина рабочих — партийные. Это — показательная бригада. Они должны были меня воспитывать. Страшная пыль в забое, так как вентиляция отсутствует: бурят вертикальные глухие штреки. Молоток весит около 50 кг, штанга — до 85. Когда бурят «окна», приходится лопатить. Респиратор (марлевая повязка) за полчаса становится непригодным: он намокает и покрывается толстым слоем пыли. Тогда снимаешь его и работаешь без защиты. Говорят, молодые парни сразу же после армии за полгода такой адской работы становятся силикозниками. Из-за пыли не видно лопаты, которой работаешь. Когда кончаешь работу — нет сухой нитки, — выходишь в клеть под ледяной воздух, который не подогревается. Пневмония, миозит, радикулит — преследуют каждого шахтера. А к тому же вибрация и силикоз. Но за 500—700 рублей в месяц люди не боятся ничего. Через 5 лет он соберет деньги на машину, если не сопьется и не искалечится. Травматизм на шахте — довольно высокий. То обрушился потолок, придавив жертву «заколом», то бурильщик упал в «лунку», то попал под вагонетку; перебитые руки, ноги, ребра — чуть ли не у каждого второго. Но колымчане — люди крепкие. Они знают, что благосостояние дается нелегко. За

него надо платить — молодостью, здоровьем, а то и жизнью. Жизнь жестокая — ничего не поделаешь. А на Колыме есть продукты, хотя и не всегда достанешь мяса. Но где оно есть, это мясо?

Я возвращался в общежитие и падал, как убитый. Была работа и сон. Промежуток не существовало. Так я смог выдержать три месяца. Пришлось заявить, что такая работа не для моего здоровья. Милиция возмутилась, начались первые неприятности. К тому же я сменил комнату, перешел в другую. Это было новым нарушением: как я смел, если мне, вопреки положению о ссылке, приказано жить именно в этой комнате и именно с этими людьми. Но их постоянная пьянка не давала мне покоя. В мае вызвали в райцентр и стали угрожать: в случае дальнейшего нарушения режима будут судить. Я сослался на положение о ссылке, позволяющее мне жить в пределах района и выбирать жилище по своей воле. Переверзев только злобно усмехался, переходил на грязную брань. Пришлось его поставить на место: «Со мной даже в концлагере не разговаривали таким тоном, так что прекратите ругаться, иначе я уйду. Я не собирался ехать к вам, а вызвали — так разговаривайте по-человечески». Вскоре приехала жена — нас поселили в так называемой гостинице, подселив одновременно двух кагебистов, которые синхронно подслушивали все наши разговоры. Как-то они ворвались к нам, сели к столу, а один из них, вынув нож, начал испытывать мои нервы. Я просто не реагировал на эту дешевую выходку. Другой жилец хотел подарить мне нож — я отказался от подарка, даже не зная, что это провокация с возможным осуждением (хранение холодного оружия). Когда жена уехала, со мной произошел несчастный случай: стараясь попасть домой (сосед подался в залет на несколько дней, не оставив мне ключа), я попытался проникнуть в комнату через окно, но упал и поломал себе обе пяточные кости. Меня отвезли в больницу, наложили гипс, а в комнату подселили нового жильца. Уже привыкнув к тому, что за мной установили тотальную слежку, я не сомневался в том, откуда этот жилец. Пробыв (в больнице) два месяца, я возвратился в комнату. На ногах был гипс с металлической дужкой — ниже Plattfus'a. На дворе мороз, снег. Отхожее место — в 200 метрах. У меня два костыля и гипсовые башмаки, из которых выглядывают

пальцы. На сей раз комната была пуста. Принести воды, сходить в буфет или по нужде — стало очень сложной проблемой. Из этих вояжей я возвращался, ощущая на лбу цыганский пот. Было невесело.

Я засиживался над стихами, разрешив транспортную проблему — просто пришлось срезать гипс, который я должен был носить еще два месяца. Изредка ходил на почту, поскольку для ссыльного она превратилась в полужизнь со своими встречами и контактами: почта объединяла нас, соыльных, возвращала голоса Чорновола и Шабатуры, Садунайты и Коцюбинской, приносила вести из-за рубежа. За письма приходилось выдерживать настоящую войну с КГБ. Десятки и десятки писем просто исчезали. А на мои жалобы отвечали своеобразно: в Магаданском аэропорту мешок, в котором носят корреспонденцию, дырявый. Пришлось несколько раз отбивать телеграмму Андропову: «Ваша служба крадет мои письма». Телеграммы отсылали, но пользы никакой не было. Только вред: появилась новая обязанность — ежемесячно посещать милицию (так называемая регистрация). Ездить туда надо было за 30 км (в пос. Гастелло). Чувствовалось, что в воздухе — гроза. 10 февраля 1978 года, когда я, едва передвигаясь на ногах, уже работал на шахте, меня вызвали в отдел кадров. Оказалось — налетели на меня с обыском. Группу возглавлял майор Грушецкий с Украины. Обыск был по делу Лукьяненко. Неважно, что Лукьяненко я не знал, разве что обменялся с ним одним-двумя письмами, — у меня изъяли черновики моих писем к Гамзатову, Григоренко, некоторые письма других друзей, тетрадь стихов. Потом три дня допрашивали в Усть-Омчуге. Показаний я не дал, лишь выразил возмущение. Теперь травля пошла по новому кругу. В комнату подселили пьяниц (это они со временем оказались свидетелями на новом процессе). Они пили, и один из них даже помочился в комнате в чайник. Когда я протестовал, мне говорили: «молчи, а то опять попадешь, где был». Я требовал отселить их — это ничего не дало. Я пытался найти где-нибудь комнату — мне было запрещено это сделать. Стало известно, что КГБ, милиция, партком старательно натравливают на меня людей. Одному из них, например, предложили подложить в мои вещи ружье или нож, другому — подпоить меня. За это обещали вознаграждение —

1500 руб. (то есть две месячные зарплаты колымские). А до какого состояния? Лишь бы запах был — отвечали ему. Но я этого еще не знал. Каждый вечер ко мне кто-нибудь являлся — то комсомольский патруль, то милиция. Разговор был недоброжелательный, провокационный. Особенно донимал капитан Любавин. Пришлось просто не реагировать на его появления. И тут я получил телеграмму, что отец при смерти. Но милиция меня домой не пустила — мне пришлось объявить голодовку в знак протеста. Через неделю они все-таки позволили, но перед тем продержали целую ночь в КПЗ — за то, что на дверях комнаты я прицепил объявление: «Прошу не мешать. Голодовка с требованием дать возможность похоронить отца». Все время — от Усть-Омчуга до Донецка — меня сопровождал отряд шпионов от КГБ. Так было в аэропорту, так было в Донецке. Похоронив отца, я возвратился на Колыму — будто в тюрьму. Я чувствовал, что в любой момент меня могут запереть снова. Когда я вернулся в Магадан, в аэропорту меня ожидал вызов — немедленно явиться в областное КГБ. Ночевать пришлось в гостинице. В понедельник я поехал в город (это 60 км пути). Принял меня заместитель начальника Сафонов. Он прочитал мне второе предупреждение — с угрозой судить. В Усть-Омчуге, когда я зашел к начальнику милиции Переверзеву, меня ожидал новый сюрприз — зам. редактора рай. газеты «Ленинское знамя» Супряга. Она заявила, что собирается писать обо мне статью и задала несколько провокационных вопросов. Я ответил, что жанр этот мне известен, а потому разговаривать я не желаю. И в самом деле — через некоторое время появилась длинная статья «Друзья и враги Василия Стуса». В ней припомнили все. И то, что я получаю посылки из-за границы, и что я разорвал свой профсоюзный билет, узнав, что именно профсоюз возражает против оказания мне медицинской помощи, и «свидетельства» многих жителей рудника. Как потом оказалось, Супряга не теряла времени: пока я был в Донецке, она вояжировала по руднику, готовила статью. Немало людей заявило мне потом, что ничего подобного тому, что оказалось в статье, они не говорили, но свои журналистские обязанности Супряга, обеспеченная броней КГБ, понимала по-своему. Стус готов грабить и убивать — свидетельствовала одна медсестра из транспортного. Он

похож на фашиста, такой на моих глазах убивал детей — ломали комедию другие. Досадно было за такой факт. Как-то я оказался приступить к работе, поскольку респираторов не было. Мне обещали выдать персональный. Я отказался, делая ударение на том, что респиратор — это обязательная защита для каждого шахтера. Итак, я отстаиваю общий принцип, протестуя против нарушения техники безопасности. Респираторы потом нашлись. Разумеется, их выдали всем. А меня наказали за «забастовку». Супруга не обошла и этот случай, вконец переврав факты. Как раз в это время приехала жена. Газета повлияла на людей. Они шарахались от меня, как от чумного. Я понял, что манипулировать общественным мнением — очень легко. Особенно, если общества нет, а значит, у него нет и своего мнения. И я, видя, что подавать иск на Супругу бессмысленно (ни один суд не возьмет такое дело на рассмотрение), настоял на том, чтобы ответить ей публично. На это администрация согласилась. Собрали расширенное заседание шахткома, куда пригласили подготовленную публику. Был и журналист из газеты (Супруги не было). Я стал отвечать на вранье довольно резко и аргументированно. Режиссеры увидели, что спектакль может не получиться — начали обструкцию, не давая мне говорить. Ничего не оставалось, как покинуть вместе с женой зал, обвинив публику в трусости. А в прессе не утихала буря — десятки читателей возмущались моим поведением — по обычной советской привычке. Теперь положение мое стало еще более драматичным. Прощаясь с женой, я сказал ей, что увидеться вновь придется, вероятно, в лагере. Она согласилась с этим, сдерживая слезы. Но голову гнуть я не собирался — чтобы там ни случилось. За мной стояла Украина, мой угнетенный народ, честь которого я должен отстаивать до смерти.

Все это время я фактически не имел медицинской помощи. Возвращаясь с работы и не чуя под собою ног, я грел воду в миске и, вложив электронагреватель, готовил себе раствор — чтобы попарить ноги. Левая пятка так и осталась смещенной — хирург просто не заметил этого. Парафиновые аппликации приходилось делать самому. Зато провокации усилились. Однажды после тяжелой простуды (в этот вечер вернулся жилец с «материка») я выпил с другими 100-150 г

коньяка, еще не зная, что мне это запрещено. Милиция тут же узнала об этом — и стала поджидать меня. Едва вечером, уже перед сном, я вышел на минутку из общежития — как на меня набросилась милиция и повезла в вытрезвитель. Я заявил, что начну политическую голодовку протеста, если они не прекратят комедию. Врач, вызванный в милицию, установил легкое опьянение. Я сел писать протест прокурору. За это время налетчики переиграли ситуацию — отвезли меня в общежитие. После этого я узнал, что милиция решила оформить меня на принудительное лечение от алкоголизма — им нужен был хоть какой-нибудь эпизод. Тогда они и предложили 1500 руб., чтобы меня подпоить. Но номер не прошел. Пришлось обыскивать свои вещи в комнате, дабы предупредить случаи подбрасывания: ружья, ножа, порнографического текста и тому подобного. Возвращаясь ночью с работы, я не раз заставал взломанными двери. Вот и пришлось обратиться к прокурору со специальным заявлением: если в моих вещах обнаружат оружие, взрывчатку или золотой песок и т. п. — это будет следствием реализованной провокации. Доведенный до крайности, я сделал заявление в Верховный Совет СССР с другим заявлением об отказе от гражданства. Это было в конце 78 года. В нем я писал, что запрет заниматься творческой работой, постоянное унижение моего человеческого и национального достоинства, положение, при котором я чувствую себя вещью, государственным имуществом, которое КГБ записало на свое konto; ситуация, когда мое чувство украинского патриотизма возведено в ранг государственного преступления; национально-культурный погром на Украине — все это вынуждает меня признать, что иметь советское гражданство — для меня невозможно. Быть советским гражданином — это значит быть рабом. Я же для такой роли не гожусь. Чем больше мучений и издевательств я претерпеваю — тем сильнее мое сопротивление системе надругательства над человеком и его элементарными правами, сопротивление рабству. По велению патриотического чувства. Это заявление — от 18. 10. 78 уже второе на эту тему (первое я написал в лагере), конечно, осталось без ответа. Позже, в марте 1979 г., меня вызвали к директору шахты Войтовичу. В кабинете сидело около 20 человек так называемой общественности, несколько

неизвестных людей и нач. милиции Переверзев. Этот последний заявил, что по поручению Президиума Верховного Совета он намерен ответить на мое заявление. И стал его читать, каждый раз повторяя, что это клевета, за которую меня следует судить. Он начал меня пугать, что отправит на Омчак (поселок в 6 км от Матросова, где есть лагерь особого режима). Я оценил ситуацию как крайнюю и решил отвечать ему соответственно. Когда директор пытался немного разрядить атмосферу, я остановил его: «О чем речь? У него, сказал я, в одном кармане ордер на арест, а в другом наручники». Это кабинетное судилище продолжалось с час. Этим эпизодом, кажется, закончилась попытка КГБ взять меня штурмом. До самого конца ссылки, кажется, больше не имел неприятностей. Только уже на суде я увидел, что первые судебные допросы так называемых свидетелей датируются апрелем 1979 г. В большинстве это были все те, кого Супруга упомянула в своей статье; вот только тон клеветы стал еще возмутительней и страшней. Читать эти свидетельства было смешно. Наверное, на суде я проявил мало чувства юмора, когда для одного такого лжесвидетеля, лагерного уголовника-бытовика Сирыка (за сотрудничество с КГБ его дострочно освободили из 19 лагеря) сделал исключение: как сам адвокат начал задавать ему каверзные вопросы. Ошибкой это назвать нельзя, но немного жалею: пусть сам дьявол устраивает суд для себя, обставляя его комедией правдоподобия — какое мне до этого дело?

Так я возвратился в Киев. Там меня ждал сюрприз. Оказалось — за неделю до моего приезда кагебисты ворвались в мою квартиру, а жену, которая в это время добиралась домой, схватили на улице, насильно бросили в машину и два часа возили по Киеву, пока налетчики не убрались из нашего жилища. В Киеве я узнал, что людей, близких к хельсинкской группе, репрессируют грубейшим образом. Так, во всяком случае, судили Овсиенко, Горбала, Литвина, так вскоре расправились с Черноволом и Розумным. *Такого* Киева я не хотел. Видя, что группа фактически брошена на произвол судьбы, я вступил в нее, так как не мог иначе. Если забрали жизнь, в крохах не нуждаюсь. Пришлось заняться тем, чтобы спасти свои стихи и писать ин-

формационные материалы группы. Работа на заводе им. Парижской Коммуны (меня взяли туда формовщиком) оказалась слишком тяжелой для меня: наносившись опок, я едва мог ходить (так болела нога). Пришлось поменять работу — снова-таки получил работу не по специальности. Стоя у конвейера, я мазал щеткой подошву обуви — за это мне платили от 80 до 120 руб. ежемесячно. Психологически я понимал, что тюремные ворота уже открылись для меня, что на днях они закроются за мною — и закроются надолго. Но что я мог поделать? За границу украинцев не выпускают, да и не очень хотелось — в эту за границу: кто же здесь, на Большой Украине станет горлом возмущения и протеста? Это уж судьба, а судьбу ни выбирают. Стало быть, ее принимают — какая уже она не есть. А если не принимают, тогда она силой выбирает нас. 14 мая кагебисты пришли на работу. Ночью отвезли в КГБ, там я увидел, что ордер на мой арест был выписан еще в понедельник. Так что два дня мне подарили. Ордер подписали прокурор Глух и заместитель Федорчука генерал Муха. Тут уже ничего не поделаешь. Суд неминуем. А следствие — лишняя и ненужная процедура. В СССР нужно садиться во второй раз — тогда все понятно и просто. Никаких сюрпризов.

Попытка дневника в этих условиях — дело отчаянное: таких условий люди не помнят в Мордовии — ни на черных зонах, ни в Сосновке. Одним словом, режим, установленный в Кучино, достигает полицейского апогея. Любая апелляция к верховной власти остается без ответа, или — чаще всего — за ней следует наказание. Буквально за полгода меня трижды лишали свидания, чуть ли не через месяц т. наз. ларька, подряд три раза отсидел в изоляторе. Кажется, нигде не было такого, чтобы из-за голодовки лишали свидания, так как голодовка — это нарушение режима. Меня дважды карали за голодовку — 13 января 1982 года и в годовщину гибели Ю. Кукка, подельника Марта Никлуса. Нигде не доходило до того, чтобы надзиратель бил заключенного — как это случилось с Никлусом. Март сидел в ШИЗО и писал жалобы. Пьяный надзиратель Кукушкин открыл камеру, ударил его кулаком в лицо, а потом начал пинать сапогами. Никлус поднял крик. Мы все начали звонить и громко возмущаться, и

это остановило пьяного хама, который слегка испугался. Но администрация взяла его под свою защиту, а за требования наказать Кукушкина стала наказывать Никлуса — якобы за клевету на старательного надзирателя. Одним словом, Москва дала здешним властям все полномочия, и кто сохраняет иллюзию, что какой-то закон должен регулировать наши отношения с администрацией, — очень ошибается. Закон полного беззакония — вот единственный регулятор наших т. наз. взаимоотношений. Нигде в лагере не запрещали раздеваться до пояса во время прогулки — здесь запрещают и карают, если кто-нибудь захочет поймать чуточку солнца. Обыски проводят совершенно произвольно: все, что хотят, отбирают — даже без акта и без уведомления. Мы утратили всякое право принадлежать себе, не говоря о том, чтобы иметь свои книги, тетради, записи. Говорят, если Господь хочет кого-то покарать, он отбирает разум. Так долго продолжаться не может — такое давление возможно перед гибелью. Не знаю, когда придет гибель на них, но лично я чувствую себя смертником. Кажется все, что я мог сделать за свою жизнь, я сделал.

Заниматься творчеством здесь невозможно абсолютно: каждую стихотворную запись отбирают при первом же обыске. Приходится заниматься языками. Если я за время этого безголовья овладею французским и английским языками, будет хоть какой-то прок. Собственно, и читать нечего, хотя мы в камере получаем 20 или 30 журналов, — целую страну посадили на голодную блокадную пайку. Если в русских журналах еще можно кое-что прочитать (В. Белова, Ч. Айтматова и т. д.), то в украинской литературе — нет ничего абсолютно. Культ бездарных Яворивских, их время, их час. Талантливые авторы либо молчат (как Андрияшик), либо занимаются бог знает чем (скажем, Дрозд или Шевчук). Лина Костенко прорвалась несколькими талантливыми книжками, но так и осталась на беспутье сиюминутности-безвременья. Не ее время. Не время Винграновского. Не время Драча — капитулянта поэзии. Время обрекает каждого творца на воловье терпение, на сопротивление. Когда начали тянуть жилы — первыми покорились талантливые. Что ни год — то черты женственные все ярче проявляются у Драча. Сегодня он — как болтливая тетушка. Ему хочется старой своей

стилистки, но с оглядкой на новые условия. Выходит же так, что он много тараторит, а все без толку. Его статья о Киве Винграновского — и хороша и грешна. Потому что время твое, Иван, прошло. Потому что невозможно писать сегодня о Винграновском, поэте начала 60-х годов. В конце концов и сам Дзюба — это критик начала 60-х годов. А в 80-х они чувствуют себя не в своей атмосфере. Они выброшены из своего времени на произвол судьбы. Талантливые люди — какой мастер — Дрозд! , но к чему применить ему свое мастерство? И он расписывает общественные туалеты, ибо это единственно дозволенная форма общественного служения украинского искусства.

Вспоминаю письмо Павлычко к Юрию Бадзьо. Это письмо-отповедь на реплику Бадзьо о том, что напрасно Павлычко в каком-то из публичных выступлений говорил о Франко как о борце против украинского буржуазного национализма — едва ли не главнейшая, по-советски, примета гения Франко. Павлычко был крайне возмущен репликой — он разразился искренним гневом против лживой философии, которой отдал дань и Дзюба (это язык Павлычко). Никогда не хвалите меня, — закончил свое письмо Павлычко, демонстрируя свою полярную по отношению к Бадзьо позицию. Это относилось к 1978, приблизительно, году. Потом Бадзьо был репрессирован как автор националистической работы «Право жить». Националистической потому, что, по Бадзьо, каждый народ должен дышать, а не влачить жалкое существование под имперским ярмом. Интересно, как чувствует себя Павлычко теперь, когда Ю. Бадзьо в неволе? Не понимаю, неужели не наскучило до сих пор так называемой украинской интеллигенции топтаться на старом стойбище между мазепинским патриотизмом и кочубеевским интернационализмом по-русски — исповедовать философию большего или меньшего национального предательства. Неужели ей, этой интеллигенции, недостаточно того, что уже имеем? Когда у нас забрали историю, культуру, весь дух, а взамен позволили творить душу младшего брата. Неужели вот таким холуйством можно послужить чему-то доброму? Только умалишенный может надеяться, что официальная форма национальной жизни может что-то дать. Все, что создано на Украине за последние

60 лет, источено бациллой недуга. Как может развиваться национальное дерево, если у него обрубили полкроны? Что такое украинская история — без историков, когда нет ни казачьих летописей, ни истории Руси, ни Костомарова, ни Марковича, Бантыш-Каменского, Антоновича, Грушевского? Какая может быть литература, если в ней недостает доброй половины авторов? И авторов первоклассных — таких как Винниченко, Хвылевый, Пидмогильный. Вот и имеем породу колхозных недорослей — один сладкоголосее другого, один приторнее другого, с языком сельской бабуши, что без «енька» и слова не вымолвит — т. е. типичную колониальную литературу-потешку. Киев — это такая прекрасная флора, но уж фауна...— говорил Виктор Некрасов. И как с ним не согласиться, видя этот набор холуев от литературы, обозных маркитанок эстетики, которые на национальной трагедии шьют себе размалеванные шаровары шутов-плясунов, что на трупе Украины отплясывают удалого гопака. Воистину, рехнуться легче, чем быть самим собою, ведь нет «ни зубила, ни молотка».

Собственное бессилие перед неправдой — оскорбительно. Когда знаешь, что где-то там, за стенами, Олекса — в критическом состоянии, а над ним издеваются. — как молчать? Но голос тут бессилён. Как бессильны жалобы к прокурору (в каждой жалобе обязательно найдутся «недопустимые выражения» — и покарают: думаю, наказывают за саму форму жалобы-протеста). Когда на прогулке — вопреки советским кодексам — запрещают раздеваться до пояса, а немощного Скалича заставляют сидеть в бушлате в страшную жару, оскорбительно разговаривать с прокурором и начальником колонии, который на все жалобы цинично отвечает как автомат: «Не положено», и тогда срываешься с голоса — или перестаешь разговаривать с капитаном Долматовым (нач. участка), или называешь его палачем, убийцей и т. д. Форма существования здесь не найдена. Ничье индивидуальное поведение я не назвал бы идеальным, потому что идеально вести себя здесь — просто невозможно. Март Никлус, скажем, взял за правило писать длинные частые жалобы — он верит, что они могут принести пользу. Иные

отказываются от массовых голодовок (как правило, это 30. 10 и 10. 12, но в этом году мы отметили 10-летие репрессий на Украине и годовщину гибели Ю. Кукка), ибо считают, что они неэффективны. И каждая позиция хорошо аргументирована. Итак, каждый ведет себя так, как ему подсказывают его разум и совесть.

Работа очень утомительная: чтобы выполнить норму, нужно работать все 8 часов, не отрываясь ни на минуту. Но к чему только не привыкаешь. Оскорбительно, когда в камеру врываются надзиратели и отбирают все записи, все книги, оставляя только по 5 книг (считая и журналы). Оскорбительны конфискации писем — почти никто не получает писем от не прямых родственников или друзей. У каждого есть только один дозволенный адресат, но и от него письма доходят не так легко. Одним словом, правительство позволяет с нами делать все, что угодно. Больницы практически не существует, медицинской помощи также. Дантиста дожидаются по 2—3, а то и больше месяцев. И если он появляется, то уже только для того, чтобы вырвать зубы. Тем временем почти все заключенные — больны. Особенно тяжелое состояние у покутника Семена Скалича, Ю. Федорова, В. Курило, О. Тихого. Но и остальные — чувствуют себя не намного лучше. За последний год зона количественно не изменилась. Некоторые военные заключенные (полицаи) перешли на черную зону, другие — добавились (И. Кандыба, В. Овсиенко, уголовник Острогляд). Должен подъехать М. Горынь, заключенный из тюрьмы — И. Сокулский. А зона держится 30 людьми, 20 из них — под замком, а 10 — на одной трети, т. е. в открытой тюремной секции — пока что там только три диссидента: О. Бердник, Яшкунас и Евграфов (бывший бытовик). Интересно, не предложит ли КГБ еще и другую часть бытовиков на эту зону, где примесь «полицаев» уменьшается с каждым годом (ныне их около 10-12 душ, но через год под замком может не остаться никого). Пока что, кроме военных, нашу жизнь отравляют двое — В. Федоренко и бытовик Острогляд. Что же будет дальше?

Киев празднует свое 1500-летие. Реставрированы Золотые Ворота, через которые никто не въезжает и не выезжает. Символом Киева были для меня ворота Заборовского.

Замурованы. Ибо этот Киев запечатан. Чем краше становится Киев, тем он страшнее. Вместо живого города, превратился в маскарад, в маску вампира, что пьет кровь своих сынов и дочерей — и от этого хорошеет. Вспоминаю женщину из «Солнечной машины», голова которой была похожа на змейку. Златоглавый Киев — змееголовый. Не могу избавиться от впечатления, что над юбилейным Киевом висит образ Ивана Свитлычного (жив ли он?) — как статуя Иисуса Христа. Кичиться юбилеем Киева — гордость приبلуд и подхалимов. Ибо гордиться они не умеют, ибо любят лишь хамской любовью. Право на официальную любовь к Киеву имеет лишь сонм чиновников — так. наз. интеллигенция по-советски. Собственно, есть ли украинская интеллигенция? Думаю — либо ее вовсе нет, либо она все еще молодая и все еще недозревшая. Она утратила свои качества, а возможно — никогда их и не имела. Украинский интеллигент на 95% чиновник и на 5% патриот. Стало быть, он и патриотизм свой хочет оформить в бюрократическом параграфе, его патриотизм и не глубок и ни к чему не обязывает. Ибо на Украине до сих пор нет патриотической гравитации. Введенная в систему государства, эта интеллигенция не чувствует ни малейшей ответственности перед народом, который так и не приобрел индивидуального лица. Он тоже многоликий, как збручский Световит.** Эта интеллигенция официоза, стремясь жить, движется к бесславной смерти, мы, узники истории, — идем в жизнь (если только она примет нас — жизнь, через столько поколений?). Думаю о 1000-летию христианства на Украине. Полагаю, что была сделана первая ошибка: византийско-московский обряд, который нас, самую восточную часть Запада, приобщил к Востоку. Наш индивидуалистически-западный дух, сдавленный деспотическим византийским православием, так и не смог освободиться от этой двойственности духа, двойственности, которая породила со временем комплекс лицемерия. Кажется, что пассаестический дух православия тяжелым камнем упал на молодую невызревшую душу народа — привел к женственности духа, как атрибута у нашей духовности. Железная дисциплина татаро-

** Збручский Световит — найденная в р. Збруч статуя четырехликого славянского языческого бога Световита (Святовита, Свантовита). — Ред.

монголов оплодотворила русский дух, придав ему агрессивность и пирамидальность строения. Украинский же дух так и не смог пробиться из-под тяжелого камня пассаистической веры. Может, это одна из причин нашей национальной трагедии. Не люблю христианства. Нет.

Возможно, имело вес и то, что огромная глыба духовного христианства упала на еще слишком юную душу, на ее еще не окрепшие плечи. Во всяком случае жертвой православия мы являемся наибольшей. Выйти из-под его восточных чар мы так и не смогли. Это подавило нашу витальную, жизненную энергию. Отрицательное влияние христианства на язык, кажется, можно вычленить. Но там уже был поток, влияние национальной истории. Возможно, эти размышления слишком неподготовленные, черновые. Но жизнью живу такой, что негативизм к пассаистическому православию не может не развиваться. Думаю о мировоззрении: по-моему, это понятие очень метафизично. Более действенное понятие — соотношение долга и желания, воли и логики, воли и долга. Мировоззрение — это в большой мере вопрос темперамента и совести, нашей жизненной активности. Иногда мировоззрение определяется шансом на выживание, на социальное влияние, на массовость. Но меняются жизненные обстоятельства, а с ними меняются и составные мировоззрения. В моем нынешнем состоянии никакие эгоистически-расчетливые соображения уже его не определяют. Что же тогда? Взгляд вечности или отчаяния? Нестерпимо надоели обломки судеб, ломаные линии желаний и свершений, гримасы последствий. Жутко ощущать себя без края своего, без народа, которых должен создавать себе сам из своего изболевшегося сердца. Может, выпало жить в период межвременья, может быть, когда исторические условия изменятся (но — к лучшему ли?), можно будет выявить линию жизни народа, его жизненный порыв. Пока что его не видно. Отсюда и наше суперотчаяние, кусучесть душ, что проявляется и среди наилучших. Но пока я не вижу — никого и ничего. Ни малейшего признака надежды.

Летом 1981 года в ШИЗО бросили Олексу Тихого — трижды подряд по 15 суток. Было очень холодно и его начал

мучить больной желудок. За эти 45 суток он уже не мог и подняться. Заметив его катастрофическое состояние, врач разрешил подавать ему ночью грелку с горячей водой. Прямо из ШИЗО Олексу перевели в больницу, где он отлежал еще 3 месяца и, как снятый с креста, вернулся в камеру. Как больно, что в наших условиях невозможна обычная человеческая солидарность — общей голодовки и протеста. Одно — люди истощены долгой борьбой, другое — полная неэффективность какого-либо сопротивления в этих абсолютно закрытых условиях. Но как это калечит душу — когда ты видишь и молчишь. Виталий Калиниченко сделал несколько попыток связаться с волей — и все неудачно. Ему не везет. В руки КГБ попало его острое заявление протеста — его посадили на год в одиночку (15. X. 1981). Через полгода (с 8. 04. 82) год одиночки получил Март Никлус. Я был на очереди — после трех лишений свиданий и трех недель ШИЗО. Последнее выпало за то, что, не выдержав, я обозвал кагебиста Черкасова фашистом и гестаповцем. Заявления перестал писать — из-за полной их безрезультатности.

Чуть ли от самого Киева слежу за событиями в Польше. Да здравствуют волонтеры свободы! Радует их, поляков, непокорность советскому деспотизму, их всенародные взрывы поражают — рабочие, интеллигенция, студенчество — все, кроме армии и полиции. Если дальше так пойдут события, то завтра пламя охватит и армию. Что тогда будут делать Брежнев-Ярузельские? В тоталитарном мире нет другого такого народа, который так самоотверженно защищал бы свое человеческое и национальное право. Польша подает Украине пример (психологически мы, украинцы, близкие, может быть, самые близкие к польской натуре, но в нас нет главного — святого патриотизма, который консолидирует поляков) Как жаль, что Украина не готова брать уроки у польского учителя. Но режим СССР и официальной Польши, отважившись бороться с собственным народом грубейшим полицейским давлением, вновь проявил свою антинародную деспотическую сущность. После Польши — так мне кажется — верить в московские идеалы может лишь последний дурак и последний негодяй. К сожалению, не

знаю, какое впечатление произвела Польша на народы СССР и всего лагеря. Профсоюзный вариант освобождения — необычайно эффективный был бы и для СССР. Если бы начало, сделанное инженером Клебановым, было поддержано по всей стране, правительство СССР имело бы перед собой, может быть, самого современного антагониста. Ибо хельсинкское движение — это высшая математика для этой страны, как, может, и движение национально-патриотическое. Зато движение за жилище и кусок хлеба, движение за нормальную заработную плату рабочему — это язык понятный каждому, общепринятый. Я восхищен польскими подвижниками духа и сожалею, что я не поляк. Польша творит эпоху в тоталитарном мире и готовит его крах. Но станет ли польский опыт и нашим — вот вопрос. Польша пыталась поджечь Россию все 19-ое столетие, и теперь она продолжает эту свою попытку. Желая наилучшей доли для польских инсургентов, надеюсь, что полицейский режим 13 декабря не задушит святого пламени свободы. Надеюсь, что в подневольных странах найдутся силы, которые поддержат освободительную миссию польских волонтеров свободы. С оглядкой на польские события, еще заметнее стали недостатки хельсинкского движения — трусливо-респектабельного. Если бы это было массовое движение народной инициативы — с широкой программой социальных и политических требований, если бы это было движение с замыслом будущей власти — тогда бы оно имело какие-то надежды на успех. А так — хельсинкское движение похоже на младенца, который собирается говорить басом. Конечно же, оно и должно было быть разгромлено, ибо своими жалобными интонациями предвосхищало этот погром. Возможно, предстоящее обновление власти в СССР изменит шансы к лучшему, но пока социальный пессимизм советского диссидентства железно аргументирован.

Большевики, оглушив народ своей репрессивной пропагандой, выработали построенный на исключительном лицемерии метод. Факты никогда не проверяются, аргументами служат большевистские версии фактов. Такой, скажем, представляется статья Куроедова в «Литературной газете» (июль 1982). Там упомянут С. Ф. Скалич, украинский

покутник, мученик польской политики санации и большевистского освобождения. В 16 лет (1936) он заболел туберкулезом ног — стал инвалидом-калекой. В 1945 году большевики отправили его на Балхаш — за то, что нашли у него партизанскую брошюру. Мук, какие перенес он за 10 лет заключения, хватило бы на святого великомученика. С 1953 года он связал свою жизнь с покутничеством — своеобразной народной версией украинского мессианства. Но то, что пишет Куроедов, — 100% ложь. В ОУН его, Скалича не было. Он Божий человек, очень совестливый по природе, верует в новое пришествие Христа с фанатичной убежденностью. Мария Куц, которую упоминает Куроедов, никакого отношения к покутничеству не имела. Ее увечье — следствие помешательства. Но большевики использовали этот факт для дискредитации покутничества. За что судили Скалича? За религиозные убеждения, за опасную для Москвы националистическую версию христианства. 700 стихотворений, изъяли у Скалича, это плод его размышлений о мире, вере, христианстве. Можно ли было судить Скалича? За что? Большого злодейства, чем то, что учинили над Скаличем, я в лагере не видел. Я верю, что судьбой украинского мученика проникнутся все честные люди мира. Особенно он нуждается в поддержке конфессиональных организаций мира. Человек, который не имеет ни писем, ни денег (даже на то, чтобы купить продукты на 4 рубля в месяц), он держится с исключительным достоинством. Положившись на волю Божию, он уверен, что здесь, на этом кресте он погибнет. Но не сетует на судьбу: она у него прекрасна, ведь он — мученик за веру.

Недавно же лишили свидания О. Тихого. Украинцев прессуют прежде всего. Эта тюрьма — антиукраинская по назначению. Стало быть, угроза украинского бунта для власти очень страшна.

Наконец, прошу не забывать, что целый ряд здешних заключенных нуждается в материальной, денежной помощи — хотя бы для того, чтобы подписаться на литературу. Так что при возможности 50-100 рублей ежегодно существенно бы помогли таким заключенным, как М. Никлус, И. Кандыба, В. Овсиенко, В. Стус, В. Калиниченко, О. Тихий.

Прошу не оставить на произвол судьбы мою маму, Стус Олену Яковлевну, 1900 года рождения. Ее адрес: 340026, Донецк-26, Чувашская 19. Живет она с дочерью, Марией Семеновной (1935 г. рожд., учительница математики). Нуждается мама в основном в моральной поддержке, выплакивая глаза по сыну. Люди добрые, пишите ей, пусть не будет она одинока в своем горе — поддержите ее дух!

(Перевела с украинского Галина Малинкович)

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В. Малинкович

ЗАЩИЩАЯ ПРАВО

(О некоторых проблемах диссидентского движения)

Диссидентское движение в Советском Союзе переживает кризис. Волна арестов в 1980-82 гг. привела к спаду активности правозащитников. Это не может не беспокоить тех, кто искренне заинтересован в радикальных политических и социальных изменениях в стране. Проблемы будущего оппозиции обсуждаются и в диссидентской среде у нас на родине, и в среде политэмигрантов из СССР. Высказываются мнения, что, де, правозащитное движение себя изжило и следовало бы перейти к иным формам сопротивления тоталитаризму. Не соглашаясь с этой точкой зрения, хочу поделиться своими соображениями о проблемах и перспективах движения за права человека в Советском Союзе.

Права человека и демократия

В английском и французском языках — языках народов, заложивших основы современной демократии — два слова определяют два различных понятия права. Слова Law и Loi означают право как совокупность действующих юридических норм, словами right и droit определяют право как субъективное представление людей о пределах свободы личности, группы, ассоциации, нации по отношению к другим людям, группам, ассоциациям, нациям и государственной власти.

Различие понятий отражает извечный конфликт между личностью и социумом, конфликт, в большой мере влияющий на направление и ход человеческой истории.

Впервые право стало юридической нормой (Law) и было возведено в закон, сила которого обеспечивалась наличием специального аппарата принуждения, в деспотических государствах Древнего Востока (древнейший памятник —

законы Хаммурапи, XVIII век до н. э.). И с тех пор, в течение тысячелетий, в различных странах, при различных социальных режимах господствовало такое право, которое ставило нормы поведения людей в зависимость от воли властителя (или властителей). Субъективные представления подданных властителя о пределах их свободы, т. е. о своих личных правах (rights) оказывали лишь косвенное влияние на его волю.*

На протяжении многих веков уровень общественной свободы каждого человека определялся не им самим по согласованию с остальными согражданами, а лишь волей властителя-суверена. Властители бывали более жесткими и более либеральными, в зависимости от конкретной исторической обстановки и личных качеств, но всегда только им одним принадлежало право решать, что можно и чего нельзя делать их подданным. И потому борьба за демократию по существу всегда означала борьбу против такой привилегии единиц, за равное право каждого участвовать в определении уровня личных прав и общественных свобод.** Лишь в условиях равноправия правовые представления (rights) каждого в той или иной мере находят свое отражение в законе (Law).

Принцип равноправия (и связанный с ним принцип суверенитета народа) — идеологическая основа всех демократических революций. Неслучайно в Конституции Соединенных Штатов Америки есть «Билль о правах», а Конституция победившей Французской революции 1789 года называется «Декларацией прав человека и гражданина».

Принцип равенства прав, а не разделения властей, является условием *sine qua non* всякой демократии. Разделение же властей на законодательную, судебную и исполнительную играет чисто служебную (хотя и обяза-

* Правда, порой властитель был вынужден считаться с давлением, оказываемым на него теми или иными слоями общества, и ограничивать свою самодержавную волю (пример тому, Magna Charta, подписанная Иоанном Безземельным).

** Рабовладельческие демократии не являются демократиями в полном смысле этого слова, т. к. признают существование рабства.

тельную) роль в целях обеспечения нормального функционирования современной демократической системы.

Демократическая система — это прежде всего система правовая, система, призванная защищать как интересы всего общества от злоупотреблений отдельных лиц, так (и ничуть не в меньшей мере) права каждого человека. И следовательно, правозащитное движение как движение за регулирование общественных отношений посредством права является движением в защиту демократии — демократическим движением по своим целям.

Тем более является демократическим движение за права человека в Советском Союзе.

Большевики никогда не ставили целью создать правовое государство. Ленин заявлял, что право — институт буржуазный, который коммунисты должны использовать в своих интересах в переходной период строительства социализма. Так как, согласно марксистско-ленинской доктрине, под правом понимается возведенная в закон воля господствующего класса, оно необходимо коммунистам до тех пор, пока есть класс-гегемон и враждебные ему классы, которые и надо с помощью права додавить, ликвидировать. После ликвидации антагонистических классов право в советском государстве теряет, согласно Ленину, всякий смысл. Хотя советские теоретики права утверждают, что роль правовой регуляции в период развитого социализма повышается, т. к. усложняются социальные отношения, на самом же деле в наше время «советское право» все больше выступает лишь в качестве камуфляжа для прикрытия (и сокрытия) государственного произвола. Общественные же отношения (это знает в Советском Союзе каждый) регулируются отнюдь не правовыми нормами, а решением партийных органов, деятельность которых строго централизована. Даже в Конституции СССР ныне «закреплена» руководящая роль партии.

Как в древних восточных деспотиях, поведение граждан в советском тоталитарном государстве полностью зависит от воли немногих, стоящих у власти. Люди давно привыкли к тому, что начальник всегда прав, а у того правого начальник и так вплоть до Генерального секретаря ЦК и Председателя Президиума Верховного Совета (а то и премьер-министра) в

одном лице. И с точки зрения властей, и с точки зрения обывателя. советское право — вариант казарменного устава, где приказ командира — закон для подчиненного, а старший по званию имеет право «казнить и миловать». И спасибо ему, если он не только казнит, но иногда и милует. Правосознание граждан, которое и в дореволюционной России было развито слабо, в советское время почти совсем исчезло. Участие отдельных граждан в правотворчестве ныне практически исключено (нельзя же принимать всерьез комедию «все-народного обсуждения» проектов конституции и т. д.), и это сводит на нет роль советского права как регулятора общественных отношений внутри страны.

Поскольку советское право по форме — в значительной мере право «буржуазное» (как писал Ленин), т. е. построено по образцу права демократических стран, оно внутренне противоречиво. Субъективно выражая лишь волю правящей элиты, объективно оно закрепляет довольно широкий спектр прав граждан. Это противоречие власти всячески стремятся скрыть, стараются убедить советских людей в том, что произвол — это и есть право. Убеждение с помощью кнута принесло результаты. Создалась парадоксальная ситуация: объем закрепленных в законе прав граждан значительно превышает их субъективное представление о своих правах.

В несколько иной роли выступает советское право на международной арене. Советский Союз очень заинтересован в связях с Западом (прежде всего, в экономических) и, следовательно, заинтересован в доверии западных стран к его международноправовым обязательствам. Но на международной арене советское право встречается с правом демократических стран, основанном на иных концепциях. Здесь Советский Союз вынужден лавировать, приспосабливаться, признавать существование общедемократических норм права, которые он якобы готов соблюдать. А среди этих правовых норм — те, что обязывают государства уважать права своих граждан.

Чтобы продемонстрировать свое уважение к международному праву, Советский Союз вынужден принимать на себя и такие обязательства, которые, в случае их реализации, способствовали бы демократизации общественной жизни в СССР. В чем другом, но в этом руководители правящей

партии никак не заинтересованы. И потому, принимая на себя подобные обязательства, руководители страны (они же руководители партии) рассчитывают, что выполнять их не придется и что в тоталитарном государстве не найдется людей, которые смогли бы авторитетно свидетельствовать перед миром о невыполнении Советским Союзом своих обязательств.

Но такие люди нашлись. В середине 60-х годов в СССР возникло движение за права человека. Правозащитное движение в СССР информировало мир о нарушениях органами советского государства прав отдельных граждан и целых народов — тех прав, которые государство обязалось соблюдать.

Часть этих прав (rights) закреплена в советском законе (Law). Объем их ограничен из-за отсутствия четких норм, из-за множества оговорок, из-за коллизий различных юридических норм и т. д.

И все же: если бы даже эти урезанные права могли быть реализованы, общественная жизнь стала бы качественно иной. Тоталитаризм был бы немыслим. Государство постепенно превращалось бы в правовое, а значит и в демократическое. Особенно, если бы граждане могли реализовать те права, которые Советский Союз вынужден был признать в соответствии со своими международными обязательствами.

Создать систему независимого и широкого общественного контроля за соблюдением прав личности, групп граждан, ассоциаций и отдельных республик — такова, на мой взгляд, основная задача правозащитного движения в СССР.

Так как создание такой системы несомненно будет способствовать демократизации страны и общества, можно утверждать, что правозащитное движение в Советском Союзе по своим целям — движение демократическое.

Важен вопрос о том, сможет ли в нынешних условиях правозащитное движение добиться желаемого (своей программы-максимум), или оно способно стать лишь информатором о состоянии общества, но не его преобразователем.

В отличие от многих диссидентов (может быть, большинства) я верю, что правозащитное движение в Советском Союзе, в принципе, способно решать не только тактические, но и стратегические задачи, т. е. способно создать

широкую и эффективную систему общественной защиты прав граждан. Добиться этого движение сможет, если ему удастся, с одной стороны — заразить общество вирусом уважения к личной правосубъектности, а с другой — убедить демократический мир, с которым СССР вынужден поддерживать различного рода отношения, в том, что в интересах взаимовыгодности этих отношений и стабильности мира на земле необходимо заставить Советский Союз серьезно относиться к своим международным обязательствам и тем общедемократическим принципам, которые он формально признает. Успех, в конечном счете, будет зависеть от того, в какой мере правозащитное движение, демократическое по своим целям, станет демократическим по своим движущим силам, т. е. от того, станет ли оно массовым.

Успех «безнадежного» дела

Нечего греха таить — правозащитное движение в стране ни сейчас, когда оно из-за репрессий КГБ очень ослабло, ни даже во времена своего наибольшего подъема в прошлом, не было массовым.

Движение это возникло как реакция части интеллигенции (прежде всего, творческой) на попытку официальной ресталинизации, на преследования людей за слово, за высказанную мысль. Большинство участников вновь зарождающегося движения не строило никаких далеко идущих планов преобразования общества. Просто совесть этих людей не позволяла им стоять в стороне, зная, что возвращаются времена сталинского произвола. Конечно, была небольшая надежда, что после хрущевской «оттепели» их письма протеста против нарушений прав человека в СССР привлекут внимание западного общественного мнения к происходящему в Советском Союзе, и полностью закрытое общество превратится в частично открытое. Но думаю, что если бы эта надежда и не осуществилась, первые диссиденты-правозащитники все равно поступали бы так, как они поступали. Именно в те годы (конец 60-х — начало 70-х) и был популярен в диссидентской среде застольный тост: «За успех нашего безнадежного дела».

Но дело оказалось не таким уж безнадежным. И Запад

неожиданно откликнулся на обращения правозащитников (в сталинские времена реакция Запада на более страшные и более массовые карательные акции советских властей была значительно слабее), и внутри страны движение нашло поддержку довольно широких групп населения различных республик Союза. (К правозащитникам примкнули: движение за украинское культурное возрождение, движение крымских татар за реабилитацию и возвращение на родину, национальные движения Литвы, Грузии, Армении, движение евреев и немцев за право на репатриацию, преследуемые группы верующих-баптистов, пятидесятников, адвентистов, католиков и украинских греко-католиков и т. д.)

Около двадцати лет существует уже в СССР правозащитное движение. Сотни людей за участие в нем были брошены в лагеря и тюрьмы. Но не только потерями отмечен путь движения за права человека. Сопротивление произволу властей принесло и конкретные плоды. Изменился нравственный климат в стране. Все меньше людей сохраняет веру в мертвые догмы официальной идеологии. Жестоко преследуя активистов правозащитного движения, власти вынуждены расширять общую сферу дозволенного. Самиздат и тамиздат стали довольно обычным явлением в жизни сравнительно широких слоев населения. Движение завоевало авторитет на Западе, с помощью оказавшихся в эмиграции диссидентов информация о нарушении прав человека в СССР повлияла на отношение общественности и политических деятелей демократических стран к Советскому Союзу. Удалось добиться права (хотя и очень урезанного) на репатриацию евреев и немцев. В ряде случаев под давлением западного общественного мнения были освобождены советские политические заключенные. Конечно, все это произошло в результате воздействия не одного, а многих факторов, среди которых один из наиболее существенных — движение за права человека.

Правозащитное движение становится все более организованным. Уже пятнадцать лет выходит самиздатский информационный бюллетень «Хроника текущих событий». Возникли и работали в течение 5-6 лет общественные группы по проверке выполнения Хельсинкского Заключительного Акта в Москве, на Украине, в Литве, Грузии, Армении — эти

группы стали инициаторами международного хельсинкского движения. Были созданы Рабочая комиссия по исследованию использования психиатрии в политических целях — благодаря ее деятельности психиатрические преследования инакомыслящих в СССР осудил весь мир; комитеты защиты прав верующих, прав инвалидов, права на эмиграцию и т. д. В самиздате выходят общественно-политические и литературные журналы различных направлений.

Даже сегодня, когда интерес Запада к проблеме защиты прав человека в Советском Союзе (в силу различного рода причин) снизился, а репрессии против диссидентов, напротив, усилились, КГБ не удалось окончательно подавить деятельность правозащитных организаций. Более того, возникли новые организации, такие, например, как независимые группы за установление доверия между Востоком и Западом (в Москве, Ленинграде, Новосибирске и Одессе) — группы, которые не считают себя диссидентскими и не критикуют советские официальные установки, но по существу защищают право каждого человека лично участвовать в решении жизненно важной для него проблемы сохранения мира. В этих группах работают сотни людей.

«Безнадежное» дело оказалось успешным.

Проблема выбора

Что же все-таки мешает правозащитному движению стать массовым?

Прежде все, конечно, условия, в которых приходится работать правозащитникам. КГБ следит буквально за каждым шагом диссидента, за каждым его контактом (поскольку правозащитники действуют открыто, это делать совсем несложно) и при малейшем повышении активности тотчас же его изолирует, т. е., попросту говоря, бросает в концлагерь на долгие годы. КГБ изолирует не только правозащитников от общества, но и общество от правозащитников — при помощи клеветы и запугиваний. Да и всеобщий страх перед всемогущим и всепроникающим комитетом госбезопасности никак не способствует широкому распространению правозащитных идей.

Это так называемые «объективные причины». Но есть

препятствия для распространения и восприятия идеи правового общества, связанные с внутренними противоречиями правозащитного и всего диссидентского движения.

Собственно говоря, какую-либо границу между движением за права человека и другими формами оппозиции режиму провести трудно. Многие считают, что такая граница и не нужна. Что сейчас не время разбираться в точках зрения различных групп оппозиции — сначала следует всем сообща повалить режим. На Западе часто не понимают, почему диссиденты-эмигранты так много времени и сил тратят попусту на бесплодные споры (и ссоры) — не лучше ли то и другое употребить с большой пользой на противостояние тоталитаризму. Мне кажется, что бесконечность и бесполезность (а чаще всего — вредность для общего дела) споров объясняются именно бесформенностью оппозиции, нечеткостью различий в исходных позициях участников диссидентского движения в стране при общем неприятии существующего тоталитарного строя (объединение против, но не во имя чего-то) и неумением быть терпимым к чужим взглядам и мнениям (порок этот связан, на мой взгляд, с отсутствием плюралистических традиций у нас в стране).

Но все это вовсе не означает, что наша оппозиция должна быть единой. Единство оппозиции, мне кажется, является свидетельством ее неразвитости. И история, и современность демонстрируют, что в любой стране, при любых условиях оппозиция правящим режимам (в том числе и диктатурам) состоит из различных партий, политических группировок и, уж как минимум, различных направлений.

Не к чему скрывать, что различие направлений существует и в нашей оппозиции. И не было бы ничего страшного в ее размежевании, не будь этот процесс столь болезненным из-за нашей взаимной нетерпимости. Если бы произошло такое размежевание, не было бы необходимости тратить время и силы на бесплодные попытки убедить тех, кто стоит на иных исходных позициях, в чем-то для вас совершенно очевидном. И в то же время было бы легче объединить усилия различных групп оппозиции для совместных акций в защиту преследуемых в СССР за свои убеждения.

Мне кажется, преодоление аморфности оппозиции

необходимо уже сейчас, когда движение за демократизацию страны и общества делает свои первые шаги.

Начнем с того, что некоторые оппозиционеры вообще не считают нужной борьбу за демократию и плюрализм. Полудиссидент Г. Шиманов считает, что для России «западная демократия с ее „колосьбой мыслей“, „свободой творчества“ и заключающим все это в себя духовным бессилием... — национальная смерть»¹.

Весьма скептически к ценностям плюралистической демократии относится А. Солженицын: «„Плюрализм“ как принцип деградирует к равнодушию, к потере всякой глубины, растекается в релятивизм, в бессмыслицу, в плюрализм заблуждений и лжей»². (Конечно, пророки знают всю полноту истины, но нам-то, смертным, как быть, как избежать заблуждений? Возможность, видимо, одна: послушно следовать за пророком)*. Здесь же, в статье «Наши плюралисты», Солженицын выявил свое отношение к плюрализму на практике: одновременно отвечает сразу всем диссидентам-демократам, не различая лиц, точек зрения, социальных позиций, религиозных убеждений, приписывая взгляды одного всем остальным, не прислушиваясь к доводам оппонентов и не заботясь о корректности формы и убедительности доводов своих (как бы доказывая от обратного, что плюрализм — это прежде всего уважение к людям, к личности).

Критику в адрес плюрализма, утверждения, что демократия не нужна и невозможна в России (для всех противников плюрализма и демократии Россия равновелика всей империи), можно услышать из уст многих диссидентов. Имеет ли неприятие демократии частью диссидентов какое-либо

1. Г. Шиманов, Как понимать нашу историю и к чему в ней стремиться, АС N1801.

2. А. Солженицын, Наши плюралисты, «Вестник РХД», N139, с. 134.

* Интересно, что такая позиция Солженицына идет вразрез с традицией русской религиозной философии — от Достоевского и Соловьева до Бердяева и Франка, — для которой как раз характерна убежденность в том, что Истина познается человеком в свободном поиске (т. е. не без ошибок и заблуждений).

практическое значение теперь, когда до решения вопроса о том, каким будет общественно-политический строй нашей страны, еще очень далеко? Думаю, что имеет.

Отказ уже сейчас решать вопрос о демократии, о правовом государстве как о цели оппозиционного движения несомненно повлияет на средства и формы его нынешнего сопротивления режиму. Этот отказ делает борьбу за права человека либо вовсе бессмысленной, либо оправданной тактически лишь до тех пор, пока Запад не поймет, что СССР — страна бесправия. А значит теперь, когда демократические страны (не без помощи правозащитников) убедились, что Советский Союз не собирается соблюдать свои внутренние и международные правовые обязательства (и, к сожалению, их интерес к проблеме в значительной мере снизился), задачу правозащитного движения можно считать выполненной и оно больше не нужно.

В этом случае, вероятно, оппозиция должна уйти в подполье, взять на вооружение антисоветские лозунги и готовить свержение режима с помощью заговора, военного переворота, всенародного восстания и прочих мало вероятных сегодня вещей. В успех такой тактики я не верю.

Нынешний КГБ — не царская охранка. Он во много раз мощнее, обладает гораздо более широкой сетью информаторов и, боюсь, сможет с помощью провокаторов парализовать и уничтожить подпольные группы, лишённые защиты гласностью. Из-за отсутствия такой защиты, идеологическому аппарату режима будет легко с помощью средств массовой информации, опорочив и оклеветав подполье, лишить его авторитета у населения страны.

Уход в подполье оторвет оппозицию от той части общественности, которая, оставаясь лояльной режиму, сочувствовала и помогала правозащитному движению. Среди довольно широких слоев населения, критически относящихся к режиму и желающих преобразований, совсем немного, на мой взгляд, людей, готовых на прямую конфронтацию с ним. Тем более, на войну под лозунгом «антикоммунизма», но не известно за что. А те, кто все же решится на участие в такой войне, — как будут они координировать свои действия? Грузинский сепаратист и сторонник «неделимой России», социалист и монархист, да и

масса тех, кто и вовсе не имеют никакой позиции и готовы лишь разрушать, а не созидать**.

В условиях подпольной борьбы с сильным, циничным, готовым на любые провокации КГБ, не будет ли велик соблазн обратиться к насилию, к террору, как наступательному оружию? И не покатится ли кровавое колесо...? А если само не покатится, а КГБ его подтолкнет? Как отвести обвинения в кровавых преступлениях от подполья? — ведь куда труднее, чем правозащитникам, чья деятельность у всех на виду.

И разве, возложив на подполье ответственность за сделанное и несделанное, не усилит КГБ давления на гражданские права, не снизит уровень дозволенного, не задавит действующую в рамках закона независимую общественность (вроде нынешних Групп доверия), не выбросит начисто правдивое слово из всего легального и будет самым жестоким образом преследовать за любое нелегальное и, наконец, не создаст ли атмосферу всеобщего страха и доносительства.

А либеральный Запад промолчит: он уважает закон, он слишком привык к нормам жизни в системе права, чтобы понять и оправдать внеправовые формы борьбы. (Довольно широкие круги западной общественности поддерживают различные левые движения, которые далеко не всегда используют «законные» формы борьбы, но это потому, что их объединяет с левыми единство, или схожесть, идеологии. А кто будет поддерживать наше подполье? Антикommунизм — это не идеология, а понятные Западу демократические принципы мы не считаем нужным провозгласить).

Но допустим, случилось невероятное — в один прекрасный день режим свергнут. И что же дальше?

Победители перессорятся между собой: до этого были все против одного врага, теперь — каждый за свое. Народы не

** В лагере, откуда все стремятся вырваться, объединение всех политзаключенных (без различия их взглядов) против произвола администрации возможно, но подпольная война против режима будет идти на той же территории, где потом придется строить новое — кто сможет не думать о будущем?

готовы принимать решения... Пьяные беспорядки, вспышки национальной вражды, разруха..? Или же власть берет новоявленный Корнилов и превращает тоталитарный режим сначала в диктаторский, а потом в демо..? Нет, от власти так просто не отказываются. Именно жажда власти увела Ленина от марксизма, а Сталина — от ленинизма. Путь от диктатуры к тоталитаризму гораздо проще, чем к демократии.

Солженицын называл послефевральскую (1917-го года) республику в России «бушующим кабаком, за 8 месяцев развалившим страну»³. Боюсь, что «народная распушенность», о которой он пишет, связана не столько с «образованскими подстрекательствами», сколько с воспитанной веками народного бесправия непривычкой участвовать в решении государственных дел, с неумением, добиваясь прав, возлагать на себя обязанности, т. е. с отсутствием правосознания у большей части населения.

А теперь, через почти 70 лет еще большего бесправия? Не будет ли кабак пострашнее и погрязнее? Где же выход? Либо в день, когда наступит час «X» и свершится чудо, ответственность за страну возьмет в свои руки один из «великих патриотов», и с правом граждан участвовать в решении государственных дел придется подождать (может быть еще лет 70, а возможно раньше наступит мировая катастрофа). Либо...

Кто сомневается, что подготовленный в ходе борьбы за свои права польский народ, заставив отступить режим (а он, безусловно, добился бы этого, если бы не советские танки у границы), смог бы достойно распорядиться судьбой своей родины и превратить Польшу в подлинно демократическую республику? Так, может быть, и нам стоит все же пойти по польскому пути — пути общественной защиты гражданских прав от произвола тоталитарного режима: 1956—1968—1970—1976—1980—19.. годы; диссиденты... студенты и интеллигенция... рабочие... все польское общество?

Менять тактику, но не принципы

Но Советский Союз — не Польша. Нет традиций многовековой борьбы за освобождение, нет столь влиятель-

3. А.Солженицын, там же, с. 140.

ной и независимой церкви, а главное — нет единства народа в противостоянии тоталитаризму. Советский Союз — многонациональная империя. Это в корне меняет всю ситуацию. Единого всенародного сопротивления в СССР быть не может уже хотя бы потому, что там нет единого народа.

Половина населения страны, которую так часто называют Россией, — нерусские. Советский Союз формально (т. е. в соответствии с конституционным *правом*) является *союзом равноправных республик*, и Россия в нем — одна из пятнадцати. Этот факт всячески замалчивают советские власти. И его же стараются не замечать некоторые оппозиционеры.

Как сказал в интервью недавно приехавший на Запад писатель Г. Владимов, в Союзе сложилась довольно-таки сильная оппозиционная группировка, которую можно условно назвать «Русской партией». В самом существовании русской национальной оппозиции ничего плохого нет — тоталитарный «коммунизм» подавляет культурные, материальные и духовные ценности всех народов, в том числе и русского. Но кто из членов «Русской партии» мыслит Россию в пределах ее этнографических границ, а не границ бывшей Российской, а ныне Советской империи? Иванов-Скуратов, Шиманов, Глазунов? Или полковники Генерального штаба Советской Армии (ведущей войну в Афганистане), «которые понимают необходимость исполнения своих национальных задач, угнетены тем, что нет сейчас в России руководящей национальной идеи»?⁴ Увы, такая идея есть, и ее хорошо усвоили граждане нерусских республик. Это — идеология российского империализма (не путать с подлинно национальными ценностями русского народа!) Не этой ли идеологии служили кумиры оппозиционеров из «Русской партии», журналов «Вече» и «Многая лета», полковников из генштаба — генералы Суворов, в крови потопивший польское восстание за независимость, и Скобелев, выжигавший посевы и обрекавший на голодную смерть тысячи жителей Средней Азии?

4. Г. Владимов, Что происходит в стране, «Посев», июль 1983, с. 28.

А вот еще из журнала «Посев» — печатного органа НТС, довольно широко распространяемого в Союзе. В статье «Будет ли русский народ каяться?» некто О. Поляков пишет: «Русский народ в своей массе не понимает смысла и цели сепаратистских движений, во всяком случае понимает, что эгоистическая, экономически и культурно замкнутая, часто враждебная России и русскому народу „самостоятельность“ народов России, проповедуемая шовинистически настроенными сепаратистами, принесет вред как русскому, так и этим народам — для них она может обернуться национальной катастрофой. Русский народ обижен и оскорблен тем, что кто-то хочет уйти из общего дома — российского государства — и искать какого-то своего собственного счастья...»⁵

Конечно, О. Поляков не имеет никакого основания вещать от имени всего русского народа, но среди части русской оппозиции (как и среди многих советских руководителей) подобное отношение к движениям народов СССР за право на независимость действительно бытует. И вызывает порой негативную реакцию у экстремистов в этих движениях ко всему русскому.

К чести правозащитного движения надо сказать, что оно с самого начала занималось не только личными, но и национальными правами всех граждан Советского Союза. И это обеспечило ему поддержку большей части оппозиции в нерусских республиках. Точнее говоря, движения за национальные права народов стали частью всего правозащитного движения. И при этом полностью сохранили свою самостоятельность. Наряду с «Хроникой текущих событий» — «Хроника Литовской католической церкви» и «Украинский вестник», наряду с Московской хельсинкской группой — хельсинкские группы на Украине, в Армении, Грузии, Литве. Сегодня правозащитное движение в национальных республиках — наиболее массовая часть оппозиции в Советском Союзе. И среди политзаключенных — больше всего участников национальных движений.

И все же, чтобы иметь более массовую поддержку у

5. О. Поляков, Будет ли русский народ каяться?, «Посев», июль 1983, с. 59.

народов империи, правозащитники должны, на мой взгляд, четче отмежеваться от идеологии российского империализма, яснее заявить о своем уважении к праву народов на суверенитет и независимость, информировать мир не только о преследованиях участников национальных движений, но и о нарушениях тех прав народов, которые записаны в международных документах, признанных Советским Союзом, и в Конституции СССР. Наиболее важные примеры таких нарушений: дискриминационная политика по отношению к национальным языкам, русификация всех областей социальной жизни в республиках, фактическое лишение союзных республик экономической самостоятельности и права участия в международных отношениях.

Не сомневаюсь, что подобная линия поведения правозащитников в национальном вопросе встретит понимание, симпатии и поддержку широких слоев населения республик Союза — как тех, кто находится в прямой оппозиции к режиму (их все еще мало), так и тех, кто относится к нему критически, но лояльно (таких гораздо больше).

И если в Советском Союзе невозможна, как у поляков, всенародная оппозиция, то вполне возможны совместные действия оппозиции из различных республик (в том числе и из самой большой — России, если она будет защищать подлинные ценности русского народа, а не империалистическую идею). И эффект таких действий может оказаться не меньшим, чем в Польше.

Нынешняя ситуация в Советском Союзе отличается от польской и тем, что в СССР нет развитого рабочего движения.

В начале 60-х (до диссидентского движения) прокатилась по стране волна рабочих выступлений (Александров, Куйбышев, Новочеркасск). Стихийные забастовки на отдельных заводах различных городов время от времени проходят и сейчас. Судя по всему, рабочие недовольны, в первую очередь, системой оплаты труда и плохим продовольственным снабжением. Массовым рабочим движением не стало, и связей с правозащитниками оно практически не имеет (если не считать общего изменения атмосферы в стране, на которое, безусловно, диссиденты повлияли).

Первые попытки создания в СССР свободных проф-

союзов (Клебановский профсоюз, СМОТ) еще не привели к созданию независимой массовой организации рабочих. По данным членов Совета Представителей СМОТ, в этом Свободном Межпрофессиональном Объединении — около 3000 рабочих. Насколько плодотворна деятельность большинства членов СМОТ судить трудно, но активистам этой организации удалось выпустить уже около 40 информационных бюллетеней и распространить некоторое количество листовок и брошюр. К сожалению, на мой взгляд, большая часть материалов СМОТ посвящена резкой критике существующего режима, а не защите конкретных прав трудящихся.

Здесь хотелось бы напомнить, что польская «Солидарность» не выступала против существующего в стране строя, а защищала права (и не только экономические, а и гражданские и политические — но всегда конкретные) граждан, требовала социальных реформ, но не свержения режима. И такая тактика принесла успех.

Тактика «Солидарности» — это по существу тактика правозащитного движения, отличная от тактики партийно-политической борьбы за власть. Опыт «Солидарности», мне кажется, достоин самого серьезного анализа.

Рабочие в СССР должны убедиться в том, что правозащитников действительно интересуют их жизненные проблемы. Было бы хорошо наладить сбор информации о социальном положении тружеников, об их повседневном быте, о продовольственной ситуации в городах и селах Союза. Диссидентам удалось наладить систему информации о нарушениях личных и гражданских прав в стране («Хроника текущих событий», бюллетень «В», «Хроника ЛКЦ», «Вести из СССР»), но где информация о нарушениях социально-экономических прав? Даже в Информационных бюллетенях СМОТ ее очень мало. Ее мало не только потому, что ее трудно достать (что верно), но и потому, что не всегда диссиденты считают нужным ее искать (о чем можно только сожалеть).

Может быть сто́ит использовать все возможности (их сейчас очень немного) для распространения среди рабочих материалов самиздата и тамиздата о признанных во всем мире правах профсоюзов, об их деятельности в условиях свободы, о положении рабочих в демократических странах. И

для того, чтобы просто оказать рабочему правовую помощь, когда его права ущемляются. Вряд ли сегодня можно говорить о большем, но, думаю, наладив живые, человеческие, связи с рабочими, правозащитники смогли бы в будущем стать инициаторами требования социальных реформ.

Сложными, неустоявшимися являются отношения с либеральной, но все же лояльной режиму, интеллигенцией. Не хочу сейчас подробно обсуждать столь многослойную проблему (это особая тема), лишь скажу, что нельзя не делать различия между теми, кто пытается принести пользу обществу, действуя в рамках официально дозволенного, и теми, кто прямо коллаборирует с режимом. И еще хочу напомнить, что либеральная интеллигенция всегда была естественным союзником диссидентов и некоторым начинаниям, ныне ставшим вехами в истории диссидентства, дала дорогу в жизнь.

Традиционно правозащитники поддерживают преследуемые властями церкви: малые церкви баптистов-инициативников, пятидесятников и адвентистов, Украинскую грекокатолическую церковь, католическую церковь Литвы и т. д. Все больше людей, разочаровавшихся в догмах официальной идеологии, ищет духовный смысл своего существования либо в традиционных религиях, либо в новых (или забытых старых) этико-философских учениях. Поскольку всякая независимая мысль в СССР преследуется, все эти люди нуждаются в защите гласностью. Сейчас много пишут и говорят о русском (читай — православном) религиозном возрождении, которое преобразует Россию. Признаться, я не особенно верю в то, что официальная православная церковь, принципиально не изменив своего приспособительского отношения к советскому атеистическому государству, сможет стать серьезной оппозиционной силой. Конечно же, несмотря на такую позицию церкви, правозащитники должны по-прежнему активно защищать преследуемых режимом православных и требовать реализации права каждого на свободу совести.

Но не забыл ли я о реальности, об «объективных причинах», которые ставят правозащитников в такие условия,

что они не могут защитить даже самих себя? Выдержит ли движение волну столь жестоких репрессий? — вопрос, волнующий сегодня многих.

Уверен, движение выдержит: оно и в прошлом знало периоды спадов, за которыми вновь начинался подъем. Оно будет жить уже хотя бы потому, что является реальной альтернативой режиму, который не имеет жизненных сил, идеологически и экономически одряхлел и держится лишь на силе аппарата принуждения. Оппозиционное движение выживет, но останется ли оно правозащитным? Не покажутся ли кому-то слишком скромными успехи правозащитников? Не станет ли преобладающим в диссидентской среде представление о том, что движение за права человека не сможет привести к радикальным преобразованиям, а потому от него следует отказаться? То, что этот вопрос уже обсуждается — очевидно.

Конечно, что-то в тактике правозащитников нужно менять. Конкретные методы работы можно выработать только там, на родине — отсюда из эмиграции плохо видно, да и не имеем мы права из безопасности определять меру чужого риска. Кажется лишь, что было бы рациональным избегать чрезмерной открытости (подписывать, например, самиздатские материалы псевдонимами, пытаться наладить не прямую, а многоступенчатую сеть передачи информации и т. д.). Могут сказать, что усиление конспирации и означает переход в подполье. Нет. Подпольные организации, о которых речь шла выше, не будут, думаю, ограничивать свои цели и средства рамками закона (в том числе и нормами права, которые вытекают из международных обязательств СССР) и возьмут курс на решение всех проблем путем свержения режима. Правозащитное же движение не имеет никаких целей, которые возможно объявить противозаконными. И если движение вынуждено скрывать какие-то свои действия, то вовсе не потому, что эти действия являются противоправными, а потому, что право нарушает само советское государство. И соблюдая необходимую конспирацию, правозащитники должны продолжать работать в открытом обществе. Не для того, чтобы готовить там будущих революционеров-подпольщиков, а для того, чтобы нести в общество идеи права и защищать преследуемых гласностью.

Отказываясь же от легальности, оппозиционное движение теряет всякие шансы стать массовым.

Мне кажется, что правозащитное движение не станет массовым, если будет распространяться из одного-двух центров (активистов легко выследить, а затем выйдут и на контакты). Расширение движения могло бы идти за счет образования местных правозащитных групп, которые работали бы автономно и были связаны с другими группами через посредников. Впрочем, проблема связей и контактов еще долго будет главной проблемой правозащитного движения в нашем полицейском государстве.

Изменение тактики правозащитного движения, видимо, необходимо. Но принцип движения должен остаться прежним — борьба за демократию посредством защиты прав человека.

Вряд ли стоило бы рассчитывать на серьезный успех правозащитного движения, если бы правящий режим имел перспективы для своего, пусть даже извращенного, развития. Но сегодня таких перспектив у режима нет. В этих условиях правозащитное движение может стать единственной реальной силой, способной сдерживать разрушительные инстинкты недовольных масс и выступить в качестве инициатора *конструктивной* борьбы за демократию.

Цель этой статьи — привлечь внимание читателя к вопросу о перспективах правозащитного движения в Советском Союзе, попытаться убедить его в том, что движение это еще далеко не исчерпало всех своих возможностей.

Движение за права человека исключительно современно. В прошлом (да чаще всего еще и сейчас) люди стремились улучшить свою судьбу, пытались изменить политическую систему в государстве (или государствах). Вопросы борьбы за власть выдвигались на первый план и решались чисто политическими методами. Но в последнее время человечество приобрело опыт и прямой общественной защиты прав граждан — это опыт профсоюзной борьбы, опыт широко распространенных на Западе движений гражданских ини-

циатив, опыт массового гражданского неповиновения (с помощью которого, например, завершилась успехом борьба за гражданские права негров в США). Основа всех этих движений — солидарность людей в деле защиты их конкретных прав.

Мне могут возразить, что все это возможно лишь в свободном мире, где борьба за права граждан лишь способствует дальнейшему развитию демократии, но не в полицейских государствах тоталитарного типа. А как же Польша? Разве солидарность польских рабочих не нанесла едва не смертельный удар правящему режиму (был бы смертельный, если бы за спиной Ярузельского не стоял мощный союзник)? Тоталитаризм — потому и тоталитаризм, что господствует над всеми, без исключения, сторонами общественной жизни (да и жизни отдельных граждан). В условиях советской действительности защищать права человека — значит бороться против самой природы тоталитаризма. И если эта борьба получит широкую общественную поддержку — тоталитаризм не устоит (ведь за спиной советских ярузельских нет никого).

ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ

Адам Михник

АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Письмо из Mokotowskiej тюрьмы

Дорогой мой,

Четыре года назад, перед самым визитом Папы, я попал в «котел». Полиция искала листовки у моего товарища из руководства «Независимого издательства», куда я забежал на минутку по какому-то делу. Не нашли листовок, зато нашли нас, и с триумфом, как военную добычу, завезли в Дворец Мостовских. В этот раз я просидел лишь 24 часа вместо sacramентальных 48-и. Утром, в день приезда Иоанна-Павла II в Варшаву, меня уже освободили. То был рыцарский жест герексовской полиции по отношению к официально объявленному противнику. День визита Папы должен был быть днем перемирия. И пожалуй был им. Было такое впечатление, что с людей спало нервное напряжение, чувствовалось какое-то облегчение, достоинство, на лицах людей гордые улыбки. Никакой ненависти, несомненно, те десятки и сотни тысяч людей не испытывали. Как будто на наших глазах в поляках соединились самые лучшие ценности их истории: свобода, достоинство, чувство независимости и патриотизм, обогащенные в этот раз еще и уравновешенностью и спокойствием, а уж эти-то качества мы так нечасто имели

* «Kultura», NN 430-431, Paris, 1983.

Адам Михник (1946 г. рожд.) — известный польский общественный деятель, историк. Участник студенческого движения 60-х годов (в 1965 г. был арестован). Автор книги «Диалог. Церковь и левые». Один из руководителей КОРа и активист «Солидарности». 13 декабря 1981 года вновь арестован. 29.09.1983 прокурор подписал обвинительное заключение против А. Михника, Я. Куроня, З. Ромашевского и Г. Вуеца.

возможность проявить. Ну, а те незабываемые проповеди Папы... Статья, которую я тогда написал сразу же после визита в «Бюлетене Информационном», называлась «Урок достоинства». Потому что это были десять дней воспитания нашего достоинства; эти дни общенародного поста были таким мудрым уроком воспитания совести, что они в значительной мере сформировали образцы коллективных действий Августа 1980, год спустя.

Незадолго перед визитом Папы, кажется в мае, я опубликовал в «Шпигеле» статью, где довольно бестактно написал о фатальном положении в экономике и предсказывал скорый уход команды Герека. Западные журналисты рассказывали мне о возмущении, с каким реагировали Войцеховский, руководитель интерпресс, и священник Оршулик, директор пресс-бюро Епископата. Независимо один от другого, они заявили, что автором этой статьи является то ли троцкист, то ли сталинист, точно не помню... Таков был язык той эпохи. В агенты Рональда Рейгана меня произвели позднее... Кстати, интересно, какова будет реакция тех же господ на эти размышления... Извини мне этот личный тон, но в письме отсюда, из-за решеток Мокотовской тюрьмы, из темной бездны особого корпуса МВД у меня не получается тот стиль, который предписывают правила политической эссеистики. Слишком мало знаю, слишком оторванным я себя чувствую, слишком часто обречен на интуицию и догадки. А когда в памяти пробегают те четыре года, которые отделяют нас от прошлого визита Папы, то мне вспоминается старое еврейское проклятие: «Чтоб ты жил в интересное время!»

Какой же был тогда прилив сил! Как мы были счастливы! Ни у кого, каких бы он ни был воззрений, не было сомнений в том, как это хорошо, что к нам приехал Папа. Все были рады, что хотя бы этих десять дней он будет с нами, среди нас, наделяя нас мудрым, громко сказанным словом правды и душевной, горячей молитвой. Теперь, я слышал, есть сомнения. Некоторые из моих друзей, вроде бы, опасаются, что визит Папы в общественном сознании будет иметь значение акта признания системы диктатуры, навязанной полякам в ночь с 12 на 13 декабря 1981 года, которой поляки сопротивляются продуманно и последовательно, приводя в удивление наблюдателей. Я не разделяю таких опасений.

Поездки Папы в Гватемалу не означали признания правой диктатуры там, а визит в Никарагуа не был знаком одобрения для диктатуры, манипулирующей левой фразеологией. Никого не обманут протокольные встречи Папы с генералами и секретарями. Каждый понимает, что не к генералам приехал наш выдающийся земляк.

Теперь раздаются также голоса резкой критики в адрес Епископата. Его упрекают в слишком примирительном курсе по отношению к генералам. И этой критики я не разделяю. Я считаю, что главная линия польских епископов, если не говорить о деталях, о неудачности некоторых формулировок и т. п., — все время та же самая: отказ формулировать политические программы и принимать участие в политической игре, принципиальная защита человеческого достоинства и права на достоинство, забота о пострадавших и преследуемых. Я не очень понимаю, как можно выступать за принцип отделения Церкви от государства и в то же время требовать, чтобы Церковь выполняла роль оппозиции, по преимуществу политической. Я думаю, что епископы остерегаются такой ловушки, видя в ней угрозу не только для организационной независимости Церкви, но и для ее евангельской миссии. Критики Церкви забывают, что ни разу с 1954 года Епископат не требовал столь единодушно соблюдения гражданских свобод и не организовывал помощи преследуемым в столь широком масштабе. Такая Церковь, именно такая, выступающая за Евангелие, а не за политический клерикализм, защищающая фундаментальные христианские принципы общежития, а не те или иные политико-организационные решения — необходима полякам. Всем полякам, католикам и не католикам. Она есть их величайшая сила, хотя сила эта не политическая. Такой Церкви визит Папы сегодня крайне необходим, и так же необходим он всем тем полякам, которые исповедуют свое категорическое «Нет!» («non possumus») с окраин публичной жизни, из подполья, из-за тюремных стен.

Может ли визит повредить подпольной «Солидарности»? Мне сложнее всего писать на тему подполья. Больше всего чувствую здесь пробелы в информации, сильнее всего ощущаю оторванность от диалектики актуальных споров. Если все же принять министра внутренних дел генерала Чэслава Кишчака за правдоподобный источник информации,

то после чтения его речей трудно удержаться от впечатления, что мы имеем дело с подпольным движением в масштабе, неслыханном в истории коммунистических государств. Пропустим пропагандистские фразы о «пятой колонне» и «кнопках, нажимаемых у Вашингтоне». Первая напоминает клевету 1968 года, а вторая воспроизводит кошмары сталинских времен. Если верить генералу Кишчаку, подполье избрало формулу «долгого марша», создания независимых от аппарата власти структур гражданской жизни, использования всех форм сопротивления тоталитарным притязаниям генералов и секретарей. Такого подполья слова и дела не удастся разбить полицейской слежкой, тюрьмами, судами и провокациями, в успешность которых генерал Кишчак все еще верит.. Книге, газете, неподцензурному слову можно противопоставить только другую книгу, газеты или слово, а не ордер на арест, не полицейскую дубинку и не водометы.

Майские (1982 года — прим. переводчика) демонстрации показали силу подполья и выявили общественные настроения. Они показали, что стратегия руководства подпольной «Солидарности» продуманна, рациональна и успешна. Если бы я мог отсюда что-нибудь передать скрывающемуся в подполье Буяку, одному из лидеров подпольной «Солидарности», то я сказал бы ему по-морскому: «Збышек, так держать!».

Обращение (к Сейму — примеч. переводчика) Валэнсы и других руководителей профсоюзов, даже отраслевых и автономных, а не одной лишь «Солидарности», показало полный крах созданных властями профессиональных союзов и как бы подытожило позицию миллионов рабочих, бойкотировавших это любимое творение вице-преьера Раковского. Обращение также разоблачало всю декоративность «Патриотического движения национального спасения» (ПРОН), этого мертворожденного детища военного положения, которое, несмотря на несколько показательных жестов (например, призыв к амнистии), с самого начала своего существования было исключительно обществом неустанного восхваления генерала Ярузельского. С этой точки зрения личность председателя ПРОН Яна Добрачиньского не является, пожалуй, случайной. Этот писатель, успевший за свою

долгую жизнь восхвалять Романа Дмовского¹ и Иосифа Сталина, Берута и Гомулку, Болеслава Пясецкого² и Эдварда Герека — несомненно подходящий человек на подходящем месте.

Воззвание Валэнсы обнажило, наконец, намерения власти, которая хищным пером публициста правящего органа печати (майора Веслава Гурницкого?) сообщила, что ее не интересуют никакая формула соглашения.

Посему поставим вопрос: сможет ли в нынешней ситуации визит Папы изменить величины польского уравнения? Разрешит ли политический кризис? Приведет ли к взаимопониманию между властью и обществом, на что надеются столько людей? Не думаю. Такое направление перемен мне кажется сегодня нереальным. В то же время этот визит будет зримой демонстрацией воли поляков к свободе, будет ярким выражением форм польского сопротивления, которые отвергают террор, будет свидетельством морального краха правящей команды.

Здесь я позволю себе несколько замечаний о терроризме. В мае окончился судебный процесс над группой деятелей «Солидарности» из так называемого «МРКС» («Межзаводской рабочий комитет „Солидарности“»), рекламируемого как польский вариант террористических «красных бригад». В ходе судебного следствия оказалось, что все деяния, которые могли бы смахивать на терроризм, были делом Славомира Мястовского, вне сомнения политического провокатора. Полиция, официально объявив на него уголовный розыск, сама же укрыла этого субъекта. Но вывод из этой акции однозначен: полиции выгодно вовлечь «Солидарность» в террористические акты, вынудить ее изменить стратегию, и

1. Дмовский Р. (1864-1939) — идеолог польского национализма, в 1926 году создал «Лагерь Великой Польши», стоявший в оппозиции к правительству Ю. Пилсудского с позиций так наз. национал-демократии.

2. Пясецкий Б. (1915-1979) — до войны руководитель крайне националистической организации «Народно-радикальный Лагерь - Фаланга» (созд. в 1936 году) с тоталитарно-фашистской ориентацией. После войны возглавлял так наз. «прогрессивных католиков» и организацию ПАКС.

это достаточно убедительный довод, что таких форм надо избегать. Так что я думаю, что послание Папы уберезит польское движение сопротивления от искушения прибегнуть к насилию, что оно будет дополнительным доводом против этого. Насилие вытекает из логики действий «номенклатуры», является результатом ее слабости и вызванных ею внутренних конфликтов.

Задержимся на минутку на событиях полуторагодовой давности. Все интерпретации той декабрьской ночи, в том числе и мои, концентрировались на структурном конфликте аппарата власти с «Солидарностью». В этом аспекте государственный переворот декабря был попросту отчаянной самообороной тоталитарной системы от попытки организованного общества вернуть отнятую у него правосубъектность. Переворот в сущности и был такой самозащитой от общества. Но не только. Был он также отчаянной самозащитой правящей команды от покушений со стороны партийного «бетона». Согласно этой интерпретации, «бетон», должно быть, подготавливал свержение Ярузельского на очередном пленуме ЦК ПОРП, как раньше он сверг Станислава Каню. Победивший «бетон» сделал бы Ярузельского, Раковского и Барциковского (имена здесь условны) ответственными за ошибки «либерально-ликвидаторского» курса, опираясь на советский анализ положения в Польше и с благословения Кремля. Военное положение, таким образом, ввели бы другие люди, а снятые руководители ПОРП разделили бы участь Имре Надя либо Дубчека, стали бы символами ошибочной политики прежнего руководства ПОРП. Многие факты указывают на то, что «бетон» имел полное благословение советских товарищей, которые были готовы пустить свои дивизии, чтобы «не оставить Польшу в беде». Случилось иначе. Ярузельскому больше понравилась судьба Кадара (или красного Пиночета), чем Надя и Малетера; он предпочел идти по следам Гусака, а не Дубчека. Что же касается Раковского, от которого многие из его друзей ожидали отставки как формы протеста, то он еще раз решил доказать справедливость поговорки, что при отставке у коммуниста можно стул оторвать от тела только вместе с задом.

И вот команда, провозгласившая в феврале 1981 года волю к соглашению и курс на «партнерский социализм»,

превратилась в усмирителя стремлений поляков. На переговорах с «Солидарностью» обаятельного министра Цёсека заменил терпеливый офицер-следователь. И несколько изменилась тема разговоров. На смену переговорам о ценах, зарплате и требованиях бастующих пришел конкретный и дотошный допрос функционера из госбезопасности о «связях, именах, адресах и кличках».

Интересным, хотя и бесплодным, оказывается вопрос: каков же был бы ход событий, если бы Ярузельский не ввел 12 декабря военного положения? Победил ли бы «бетон» на путях внутривластного переворота? Дошло ли бы до советской интервенции? Не раскололась ли бы «Солидарность» в ходе спора о путях компромисса с властью? Можно только гадать: если бы. Стоит припомнить горькую шутку, которая облетела тогда Варшаву, бывшую еще в шоке от танков на ее улицах: «Банда гангстеров напала на сумасшедший дом». И так же будет горькой шуткой Истории, если годы спустя, когда откроются секретные архивы СССР, обнаружится, что — парадоксально — те люди, которые черной краской вписали свои имена в польские судьбы, своим государственным переворотом спасли нашу страну от советской интервенции.

С первых дней военного положения можно проследить эти характерные черты политики властей: усмирение общественного сопротивления и устранение с руководящих постов конкурентов из «бетона». Раковский, оказавшись в роли идеолога правящей команды, постоянно повторял, что «товарищ Кадар был в ситуации потрудней, но сумел добиться успеха». Это был образец. Объявляя о введении военного положения, Ярузельский обещал продолжать процесс «обновления», заверял, что ограничения носят временный характер, а рабочим обещал восстановление деятельности «Солидарности». Так выглядел пряник. А кнут — то были тысячи интернированных, танки на улицах городов, пропагандистская кампания гнусной клеветы, подавление силой сопротивления бастующих предприятий. Последнее удалось относительно быстро и сравнительно дешевой ценой. Причины этого факта следует искать в том, что вопреки идиотской клевете пропаганды, будто бы «Солидарность» готовила коммунистам кровавую бойню, она

вовсе не готовила себя к таким методам борьбы. Другой, быть может, более существенной причиной было убеждение в бессмысленности продолжения «силового» сопротивления в тот момент. Для генералов это было неожиданностью: они рассчитывали на более яростное сопротивление в течение первых дней. Они были настроены на «лобовое столкновение» с «Солидарностью». Рассчитывали, что «силовой» разгром сопротивления будет упрощающим ситуацию фактором: так было в Венгрии 1956 года. Тут также их встретило полное разочарование. Люди довольно быстро начали оправляться от шока. Стихийно стали возникать подпольные структуры. Появились журналы и листовки с подписью «Солидарность». Сформировалось подпольное руководство «Солидарности». Когда на первом после объявления военного положения заседании Сейма Кароль Малцужиньский предостерегал от возможной перманентной конфронтации между властью и обществом и от возникновения подполья, его предостережение было игнорировано. После 1 и 3 мая 1982 года ни один разумный человек не может отрицать, что подполье стало фактом.

Основным моментом политического сценария правящей команды была не ликвидация «Солидарности». Властям хотелось отсечь от нее «контрреволюционных экстремистов», то есть, говоря языком нормальных людей, навязать профобъединению руководящую роль ПОРП, уничтожить его прежние структуры, а в новые посадить своих агентов. Роли в этой чистке должны были исполнять продажные карьеристы, а гарантом подлинности этих перемен мог стать личный авторитет Лэха Валэнсы, которого не уставали завлекать. Валэнса должен был символизировать продолжение Августа, мог санкционировать дело властей — в стране и за границей, мог стать живым свидетельством, что агентура является законным детищем «Солидарности».

Подполье «Солидарности» должно было этому сценарию противопоставить какую-то свою концепцию решения польской квадратуры круга. Эта концепция родилась в спорах и дискуссиях, а высшим критерием была сама жизнь. Профсоюзные массы были разделены — иначе, пожалуй, и не могло быть. Одни подчеркивали необходимость соглашения с властями любой ценой, ссылаясь на угрозу советской

интервенции, катастрофическое положение в экономике, позицию Примаса Польши. Другие ставили акцент на необходимости добиваться быстрых и генеральных решений, вынуждать власти к соглашению методом мощной забастовочной борьбы. Эти противоречивые настроения находят свое отражение в ряде решений подпольного руководства: предложения переговоров сопровождались угрозами генеральной забастовки. Теперь, когда прошло значительное время, стало ясно видно, что руководители подполья выбрали самый разумный путь: отвергая предложения капитуляции, выдвигаемые Раковским, и не идя на риск тотальной конфронтации, руководители разумно сформулировали концепцию сопротивления. Эта концепция отвергала модель централизованной кадровой организации подполья и предпочла многосторонние действия гражданского общества. Их концепция органично связывала уличные демонстрации с незаметной, но также важной организационной работой на предприятиях и в учебных заведениях. Мне трудно без восхищения и глубокого уважения писать о их достижениях за эти 18 месяцев. Им поддержкой была твердая позиция интернированных руководителей «Солидарности», особенно Лэха Валэнсы. Можно сказать, что никогда так много не зависело от одного человека. Что бы ни принесло нам будущее, тут я должен сказать, чтобы быть в согласии с моей совестью, что в тот самый сложный момент, в первые месяцы военного положения, Лэх Валэнса оказался достойным той роли, на которую вознесли его события. Я думаю, что в моих устах, в устах человека, который не раз публично критиковал Валэнсу и не разделял всеобщей эйфории вокруг его личности — это заявление имеет особую достоверность.

Майские и августовские демонстрации 1982 года перечеркнули расчеты властей на преобразование и раскол «Солидарности». Октябрьское решение Сейма о роспуске «Солидарности» было признанием очевидного поражения. Возможности политического влияния аппарата власти с того времени свелись к нулю. Однако момент официальной ликвидации был для «Солидарности» опасным. Ответом властям была силовая конфронтация. Подполье проявило все же необычайную осмотрительность. Забастовка на Гданьской верфи им. Ленина и крупные демонстрации в

Новой Гуте, главным образом рабочих с Гуты им. Ленина, имели значение символа: рабочие Польши свидетельствовали свое несогласие с правительственным решением, опирающимся на авторитет полицейских кордонов. Ленин, вождь большевистской революции, именем которого названы крупнейшие заводы в Польше, — обратился к коммунистам свое искривленное иронией лицо. Уклонение от конфронтации в конце 1982 года я считаю крупным тактическим успехом подполья.

Многие обозреватели считают, что призыв к генеральной забастовке 10 ноября был политической ошибкой. Я не разделяю таких мнений. Если это и была ошибка, то из числа неизбежных. Профсоюзные массы, их радикальное крыло, никогда бы не простили своим руководителям, что они не взяли за это оружие в момент роспуска «Солидарности». И этих радикалов только опыт мог убедить, что генеральная забастовка — это инструмент, которым впредь следует пользоваться осмотрительно.

В теперешней ситуации рабочие могут одобрить, как мне кажется, лишь лозунг «всеобщей забастовки до победного конца», а победа забастовки сегодня нереальна, а ее результатом, в частности, могла бы стать советская интервенция. Мне думается, что именно такого оборота событий опасался Примас Польши, когда напоминал о своем предшественнике из прошлого века, архиепископе Фелинском и об эпохе январского восстания (1863 года — прим. переводчика). Но столь же важным результатом проигранной забастовки в ноябре мог стать раскол в движении сопротивления и крушение подпольных структур. Демонстративное освобождение Лэха Валэнсы, совпавшее со смертью Брежнева, увеличило дезориентацию. Это был момент, когда власти имели в своих руках серьезные козыри. Уже сюда, в Мокотовскую тюрьму, дошли до меня слухи о предложении, которое в то время вроде бы сделал властям Валэнса. Оно содержало отказ от воссоздания «Солидарности» в ответ на согласие властей допустить создание профессиональных союзов по вероисповедальному принципу. Если это верно, то тут власть допустила капитальную ошибку. Общественность была дезориентирована. Подполье (ВКК — Временная координационная комиссия) объявляло, что оно самолик-

видируется по предложению Валэнсы. Вступление властей в соглашение с Валэнсой было бы для общественности убедительным, а для подпольной «Солидарности» убийственным. Компромисс и амнистия могли бы уничтожить подпольную «Солидарность».

Но власть упивалась своим кажущимся ноябрьским успехом. Министр Урбан уже провозгласил полную победу своих шефов и тотальное поражение «Солидарности». Ни о каких соглашениях не могло быть и речи (а Ленин** писал про «головокружение от успехов»... Нужно иногда читать классиков, господа министры. Не следует увлекаться очернением противника, у которого кляпом заткнут рот...) Было признано, что проблему «Солидарности» можно отбросить прочь. Ближайшие же месяцы показали, сколь ложным был этот диагноз. Пережив зиму и сформулировав долговременную, рассчитанную на годы стратегию действия, подпольная «Солидарность» стала постоянным элементом польской жизни. Отрицание этого факта свидетельствует лишь о безнадежной глупости.

Вторым элементом военного сценария был раскол единства интеллигенции и рабочих. Бастующим рабочим преподносили жестокие приговоры, тогда как интеллигентов обхаживали. Раковский выдерживал относительно либеральный курс культурной политики. Издавались книги интернированных и эмигрировавших писателей, цензура для литературных произведений была относительно мягкой. Издана повесть Ежи Анджеевского «Мезга», 12 лет не пропускаемая цензурой (ранее ее издали лишь в подполье и в эмиграции). 3 мая 1982 года Раковский в Сейме огласил свое кредо, в котором наряду с отказом от всяких переговоров с «Солидарностью» была протянута рука к творческой интеллигенции с либеральным предложением объединиться. Эта рука повисла в воздухе. После года угроз и обхаживаний власти распустили не только НЗС (Независимый союз студентов) и СДП (Объединение польских журналистов), но даже Объединение артистов театра, вымещая на актерах злобу за бойкот

** Так у автора. Вероятно — оговорка. Возможно, Михник имеет в виду статью Сталина «Головокружение от успехов». — Ред.

телевидения, который сломить не удалось. Не удалось, как удавалось прежде, сломить сопротивление литераторов и кинематографистов, не удалось привлечь на свою сторону никого. Для Раковского, кажется, позиция представителей творческой интеллигенции остается загадкой. Казенные журналисты подчас ехидно отмечают, что те самые люди в прошлом бывали более покладисты в отношениях с властями. Поражение Раковского в этой сфере для него тем более чувствительно, что бойкот и сопротивление интеллектуалов являются осязаемым показателем сопротивления всего общества, и показателем наиболее наглядным. Сломить это сопротивление, угрозами или подкупом, — значило бы прежде всего получить видимое свидетельство того, что сопротивление общества диктатуре рухнет. Бойкот и сопротивление крупнейших представителей творческой интеллигенции дают нравственный образец и служат источником силы для всего общества. Это даже правители понимают. Отсюда усиление их нервозности и репрессий.

Ошибка Раковского, как мне кажется, заключается в механическом перенесении до-августовских схем в сегодняшнюю ситуацию, а также в механическом обобщении сведений о роли интеллигенции в процессе других кризисов коммунистической системы. Ибо до сих пор интеллектуалы были движущей силой демократических движений: именно они были вожаками общественного мнения и формулировали требования общества. Штабы демократических движений до сих пор размещались в дискуссионных клубах и в редакциях органов печати, в союзе писателей и учебных заведениях. В герексовской Польше оппозиционную деятельность отождествляли с активностью кучки интеллигентов, «диссидентов» из интеллектуальных кругов — от нескольких десятков до сотни с небольшим. В представлении Раковского доминировала именно такая картина оппозиции. В кризисах того времени рабочие не оформляли своих особых позиций в организационные структуры и в соответствующие программы; их бунт был неорганизованным и стихийным.

А после Августа во главе общественности стали люди из рабочей среды, руководители забастовок, либо деятели, опирающиеся на поддержку своих трудовых коллективов. Главной средой появления независимых программных идей

стал не Союз польских писателей и не Объединение польских журналистов, а крупные предприятия и Общепольская комиссия «Солидарности». Печать, столь важная в эпоху польского Октября 1956 года, тут плелась в хвосте событий. Раковский не сумел это понять. За спиной рабочих-вожаков ему все время виделись интеллигенты-манипуляторы. Он продолжает так смотреть и ныне. И за эту ошибку ему пришлось заплатить политическим провалом.

Короче говоря, сейчас уже невозможно договориться с польским обществом, подкупив, например, писателей и художников, пользующихся общественным влиянием. Не говоря уж о нравственной проблеме измены рабочим, само вступление таких литераторов в сделку с Раковским означает, что они теряют авторитет, перестают быть выразителями интересов общества и представлять кого-либо. Их именами и лицами можно заполнить официальную академию, но невозможно обольщаться, будто это приведет к разрешению политического кризиса. Интеллектуалы тверды не потому, что, — как заявляет Раковский, — они дуются на правительство; они тверды потому, что такую позицию им диктует их разум и честь, потому что они знают, что в длительной перспективе только такая позиция оправдана. Презрение, которым были встречены шумные декларации Артура Сандауэра или Адама Шаффа о лояльности, явилось предостережением для всех, кто хотел бы последовать примеру этих лицемерных лакеев.

Тут стоит напомнить о другой политической мистификации властей, какой оказалась обычно празднуемая годовщина восстания в Варшавском гетто. Торжества должны были послужить доказательством, что нынешние власти не имеют ничего общего ни с «антисионистским» курсом 1968 года, ни с выходками партийных кретин-антисемитов до 13 декабря 1981 года. Быть может, некоторые наблюдатели и поддались на обман. Тут я бы хотел отметить, что задержание Марка Эдельмана полицией, этот домашний арест последнего оставшегося в живых руководителя Еврейской боевой организации, был весьма символическим. И столь же выразительным символом был арест активиста «Солидарности» Януша Онышкевича после его выступления у памятника еврейским повстанцам.

Правительство с неслыханным размахом демонстрирует свои расхождения с антисемитизмом. Возникает вопрос: нет ли в этом безумии продуманного метода? Не для того ли затеяна вся эта операция, чтобы потом, спустя несколько лет, все мерзости военного положения свалить на тех из своих апологетов и чиновников, которые не могут, в смысле Нюрнбергских статей 1935 года, похвалиться чистотой арийских предков? Я уже мысленно вижу, как через несколько лет в «Трибуне люду» появится статья Игнаца Красицкого или Норберта Михты о «космополитических ошибках некоторых товарищей» со смачными цитатами. И тогда окажется, что это Адам Шафф обвинил польских эмигрантов в измене народу, что это Артур Сандауэр усмотрел в позиции польских писателей результат финансового покровительства капиталистических государств, что это Ежи Лёбман написал позорную статью про Лэха Валэнсу — воробья, который притворился орлом, что это Ежи Урбан оскорбил чувства польских католиков своими хамскими писаниями про отца Кольбу. И сопровождаться все это будет изящными размышлениями о людях, «чуждых польской духовности», «оторванных от народных традиций» и прочее. Не столь уж это абсурдная картина, мне кажется. Достаточно прочесть, что эти самые журналисты писали в годы сталинизма.

Я все же убежден, что такая эквилибристика в Польше не будет иметь успеха. Не поверит таким бредням та молодежь, которая в мае этого года, проходя многотысячным маршем с рукой, поднятой в знак «Победы» (V), бросила в лицо правителям страны жестокое обвинение, обвинение в убийстве их товарища-школьника. Соппротивление молодежи — наиболее убедительный довод, что политика властей не имеет будущности. Молодежь — это та часть общества, которая наиболее горячо реагирует на несправедливость, она наиболее чутка и отважна. И пожалуй, наиболее непримирима. Создание специальных комиссий по делам молодежи при Центральном комитете или при Совете министров дает представление о размере бюрократического кретинизма и беспомощности аппарата власти.

Возникает вопрос, мыслима ли в такой ситуации альтернативная, более результативная для властей полити-

ка? В этом можно усомниться. Политическую изоляцию аппарата власти сопровождает хозяйственная катастрофа, конца которой не видно. Никаких перспектив выплаты долгов капиталистическим странам, рост задолженности Советскому Союзу. Рост производства можно усмотреть лишь в правительственных отчетах. Рабочее самоуправление мертво или погибает, экономическая реформа существует только на бумаге. Упадок сельскохозяйственного производства еще впереди, а уже сообщили о предстоящем повышении цен на хлеб и мясо... Даже из партийных газет можно вычитать между строк, что «сейчас плохо, а будет еще хуже».

Если полуторагодовые итоги «военного положения» оценивать по трем показателям: достижение политической стабилизации, обеспечение роста производства и прорыв международно-политической изоляции — то можно говорить о провале политической стратегии, избранной 13 декабря 1981 года. Ни одно из коммунистических правительств Польши не было так презираемо в мире, ни одно в таком темпе и так успешно не подрывало свои международные позиции. В бессильной злобе официальная пропаганда хвалится дипломатическими успехами в отношениях с Колумбией да Нигерией и вытаскивает из сундука старое пугало германское (чему, впрочем, к сожалению, способствуют заявления, вроде сделанного министром внутренних дел ФРГ Циммерманом). Брань по адресу США достигла остроты, небывалой со времен корейской войны, что впрочем способствует росту популярности президента Рейгана в глазах поляков. Правда, антиамериканская пропаганда не слишком изобретательна. Эмоции пропагандистов берут верх над способностью соблюдать меру. С одной стороны, они утверждают, что США поддерживают в Польше «пятую колонну» (В. Ярузельский), что в результате «нажатия кнопки в Вашингтоне летят булыжники на улицах польских городов» (он же). А с другой стороны, Ежи Урбан объясняет американцам, что они успешнее помогли бы «Солидарности», если бы отказались от экономических санкций.

Сомневаюсь, чтобы президент Рейган воспользовался советами министра Урбана. Думаю, что нападки коммунистической пропаганды могут лишь укрепить его в убеждении, что избранная им стратегия успешна. Я впрочем не думаю, что

есть основания увязывать методы действия «Солидарности» с политикой США, так же, как я никогда не считал, что общественные движения, например, в Латинской Америке, инспирируются Москвой. Такое полицейское видение исторического процесса, такой детективный материализм людей, ссылающихся на марксистскую методологию, свидетельствует просто об их невежестве. Те, кто ссылаются на пример Яноша Кадара, пусть лучше вспомнят о бесславном конце Матиаса Ракоши, сталинского наместника в Венгрии. Это он так объяснял. Это он своей политикой навлек на Венгрию море страданий и крови. Это для его могилы не нашлось места на венгерской земле. Похоронили в Советском Союзе.

Я могу понять злобу правителей страны на американскую политику, но не понимаю, почему их реакция столь глупа. «Можно терпеть убытки и не терять при этом разума», — писал 50 лет назад Мельхиор Ванькович, вернувшись из советской России. Я бы рекомендовал советникам Ярузельского и авторам его речей задуматься над этим афоризмом. Чего же, в конце концов, вы ожидали от американских империалистов, уважаемые партийные товарищи? Что они будут аплодировать введению военного положения? Что они помогут умирять народ? Что они будут и дальше совать Ярузельскому доллары, чтобы тот строил новые тюрьмы и перевооружал полицию? Бросьте шутить, товарищи! Присмотритесь еще раз внимательнее к Кадару и его политике. Почему удалось Кадару уберечься от американских санкций и сделать выводы из изменившейся международной ситуации? Источник новой американской политики следует искать в провале детанта. Уже в конце семидесятых годов стало ясно, что политический курс на разрядку не дал результатов. События в Иране и Афганистане оказались убедительными аргументами для американской общественности. Бойкот Московской олимпиады и избрание Рейгана отразили существенную переориентацию политики США. Время детанта миновало. Американские эксперты пришли к выводу, что сокращение вооружений США было использовано Советским Союзом для создания своего перевеса в вооружениях обычного типа. Не нападая на американцев прямо, русские теснили их в периферийных регионах. Так, по крайней мере, в Вашингтоне оценили ситуацию.

С польской точки зрения, эпоха детанта была огромным шансом, частично, впрочем, и использованным Эдвардом Герекком. Он прекрасно использовал конъюктуру и, самое главное, он понимал, что своей политикой он должен заинтересовать американцев в поддержке стабильного развития страны, которой правят коммунисты. Много говорилось о кредитах, истраченных Герекком, но трудно при этом отрицать факт, что он сумел эти кредиты получить. Ему быстро удалось завоевать престиж в глазах западных политиков.

Демократическая оппозиция не раз критиковала политику разрядки, хотя и признавала, что разрядка является одной из причин толерантности властей. Демократическая оппозиция требовала от Запада более активной политики в области «прав человека», требовала «детанта с человеческим лицом». Она предостерегала от сведения разрядки лишь к официальным контактам и торговым отношениям. Эти предостережения остаются актуальными и сейчас. Когда я читаю в еженедельнике «Политыка» беседу с немецким другом Польши из ФРГ, организовавшим культурный обмен между городами Ганновер и Познань, то мною овладевают подчас грустные мысли. В Познани живет один из выдающихся поэтов, Ришард Крыницкий; в Познани существует один из выдающихся польских театров — «Театр восьмого дня». Но наш немецкий друг не хвалится контактами с этим кругом польской культуры в своей беседе с корреспондентом «Политыки», а жаль...

Этот маленький пример можно было бы обобщить. Американские ученые, рассылающие призывы к миру, могли бы поинтересоваться, что по поводу их инициатив думает великий русский ученый, лауреат Нобелевской премии мира, академик Андрей Сахаров... Мы ждем от интеллектуалов больше, чем от профессиональных политиков.

Однако, вернемся к детанту, — в понимании политиков. Бойкот Олимпиады совпал во времени с августовскими событиями. События в Польше давали шанс спасти международную разрядку. Не существование «Солидарности» подорвало хельсинкскую модель разрядки в Европе. Это произошло в результате «братской помощи Афганистану». Возникновение «Солидарности» давало шанс на укрепление

разрядки в Европе и во всем мире. Симпатии к Польше и внимание к нашей стране были столь велики, что жесткий курс президента США не мог бы рассчитывать на широкую поддержку. Если допустить, что Рейган с самого начала стремился к конфронтации с СССР, признаваемым им за «империю зла», то военное положение в Польше великолепно облегчило ему задачу.

Руководствуются ли американцы в своем отношении к Польше идеализмом и бескорыстием? Некоторые, например, Сюзанна Зоннтаг, пожалуй, да: ее известное выступление надолго останется в памяти и в сердцах поляков. Но Рональд Рейган руководствуется интересами своего государства — в этом не стоит сомневаться. Ярузельский зря тратит время, убеждая поляков в этом.

Заинтересован ли Рейган в гражданской войне между поляками? Думаю, что это неверно поставленный вопрос. Для американского президента события в Польше являются элементом политической стратегии СССР и оцениваются им таким образом. Польша стала ныне испытанием искренности советских деклараций о мире и разоружении. Как советские руководители сегодня, так и польские коммунисты перед 13 декабря 1981 года провозглашали свою волю к соглашению и свой отказ от применения силы при решении споров. Если же они прибегли к силе, то потому, что рассчитывали с помощью армии и полиции сломить сопротивление общества. Если бы «Солидарность» располагала силой, равной силе коммунистов, то последним пришлось бы искать компромиссных решений за столом переговоров. Исходя из таких предпосылок, руководители США стремятся располагать такой силой, которая вынудит кремлевских правителей к поискам компромиссных решений. Такое понимание логично и ясно. Опровергнуть его могут факты, а не антиамериканские вопли, вроде: «А у вас избивают негров!». Понимаю, что Ярузельскому не нравится роль мальчика для битья, которая ему отводится в выступлениях американских политиков, но трудно не видеть, что он сам себя определил на такую роль и сам создал о себе представление, как о «русском генерале в польском мундире», говоря известными словами Уайнбергера.

Формула Уайнбергера звучит убедительно, но она не

является точным описанием реальности. Об этом свидетельствует сложное положение внутри правящей элиты Польши и некоторые высказывания советских газет. Москва недовольна положением в Польше.

За время между Августом 1980 и 13 декабря 1981 возникли различные группы партийцев, недовольных политикой руководства. Их называют общим словом «бетон». Наиболее известными среди них были так называемый Катовицкий партийный форум, патриотическое объединение «Грюнвальд», еженедельник «Жечивистость» («Действительность») и возникающие вокруг него клубы сочувствующих. Покровителями этих групп в высшем партийном руководстве были такие люди, как Стефан Ольшовский, Тадеуш Грабский, Анджей Жабиньский, Станислав Коцёлек. Этим группам предназначалось служить противовесом выступающим за демократизацию «подпольным структурам», а свои вдохновляющие идеи эти группы черпали из самых мрачных страниц истории ПОРП. Катовицкий форум пользовался языком Натолиньской группы сталинистов 1956 года, а «Грюнвальд» и «Жечивистость» дополняли этот идеологический репертуар антисемитской схемой, заимствованной из идеологии ПОРП 1968 года: картиной Польши, управляемой евреями. Любопытно, что Мечислав Мочар, лидер этого направления в 1968 году, осторожно дистанцировался после Августа от своих прежних сторонников. Заявления «бетонных» были четко скоординированы с критическими голосами советской прессы и печати других братских партий. После известного письма ЦК КПСС от июня 1981 года, на пленуме ЦК ПОРП была предпринята открытая попытка государственного переворота: Грабский потребовал отставки Станислава Кани с поста первого секретаря. С особым ожесточением «бетон» атаковал лично Раковского, которого обвиняли сразу во всех грехах. Раковский, никогда не считавшийся в аппарате власти своим человеком, уцелел благодаря тесным связям с Ярузельским. «Бетонные» не осмелились открыто нападать на последнего.

События 13 декабря подтвердили правильность диагноза «бетонных». Соглашение с «Солидарностью» оказалось невозможным. Но введение военного положения также парализовало «бетон», поскольку Кремль, после некоторых

колебаний, благословил Ярузельского. В ПОРП начался «переучет». Резко ударили по «подпольным структурам», распустили многие партийные организации на заводах и в учебных заведениях. Началась чистка в воеводских комитетах. Довольно быстро убрали секретарей в Гданьске и Познани — Фишбаха и Скжыпчака, пользовавшихся поддержкой партийных организаций своих воеводств и прославившихся «либералами». Партия, как инструмент власти, как приводной ремень к массам, перестала существовать. Руководящие посты в партийном, да и в государственном тоже, аппарате стали занимать люди в военных мундирах.

Чистка в аппарате задела не только вчерашних «либералов». Сняты были также Жабиньский в Катовицах и Коцёлек в Варшаве, известные как «бетон». Наконец, летом 1982 года Стефана Ольшовского вывели из секретариата ЦК, где он заведовал отделом пропаганды. Все эти перемены были совершены под прикрытием авторитета военных. Армия гарантировала покой и порядок, ее авторитет в правящих верхах был непререкаем. Однако газетки «бетона» продолжали нелегально выходить с нападками на Раковского. И снова последнего спас авторитет генералов. Политика Раковского была проста: опираясь на силу армии, на принцип неограниченного абсолютизма, внедрить власть умеренных. Атаковавшие его «бетонные» были «ультра». «Быть ультра, — я цитирую Виктора Гюго, — значит переступить границы. Нападать на скипетр во имя трона, митру епископа во имя алтаря; насмехаться над собственным долгом; обвинять огонь за то, что он слишком слабо жжет еретиков; упрекать божество за то, что в нем слишком мало святости; презирать от избытка почтения; считать, что Римский папа недостаточно католик, а король — слабый роялист; что ночь слишком светла; не признавать за белое ни алебастр, ни снег, ни лебедя, ни лилию; быть сторонником каких-то принципов до их отрицания; быть так сильно за, что выступать против».

Для «бетонных» военное положение было вроде боевой готовности харцеров; тысячи арестованных — лишь показатель губительного либерализма властей; декларации о продолжении политики обновления — опасный ревизионизм; переговоры с Епископатом — правый оппортунизм и капитулянство перед Церковью. Они мечтали о режиме в

стиле Дзержинского, культурной политике по-ждановски и возврату к сталинской ясности в идеологии с ее тезисом об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма. В таком видении идея о рыночном хозяйстве и торговле с Западом, допущение религиозных процессий и «спулук полонийных» (акционерных обществ с привлечением капитала поляков-эмигрантов — примеч. переводчика) — все это представлялось актом классового предательства и нарушения принципов марксизма-ленинизма.

Было бы однако ошибкой представлять себе, будто современный «бетон» состоит из странствующих рыцарей сталинской фразеологии. Эти фразы — лишь их идеологические доспехи; их духовный склад больше напоминает неудачников, мечтающих о сильной власти, полных ксенофобии и комплексов, жестоких, беспричинно завистливых пуристов. В людях типа Раковского они видят образованных либералов, яйцеголовых слюнтяев, ловких карьеристов, перекрасившихся лисиц; они видят в них ненавистный объект собственных вожелений. Их идеалом может быть жестокий и ловкий в своей примитивности Ольшовский, либо бесцветный, поверхностный, но по-доктринерски остервенелый Станислав Коцёлек.

На пленуме ЦК ПОРП в октябре 1982 года Коцёлек напал на политику руководства с наиболее опасной стороны: он выступил с обвинением, что игнорируется экономическое сотрудничество с СССР:

«Невозможно составить ни одного плана, — говорил он, посол Польши в Москве, — если мы не сотрудничаем и не согласовываем материальных основ нашей экономической стабилизации с нашим главным партнером». И далее он напомнил о возрастающей задолженности Польши Советскому Союзу и заявил, что от возможностей советских поставок зависит план и его показатели. «Общее ослабление государства в 1980—1981 гг., — продолжал этот посол в СССР, — дезорганизация его неотъемлемых высших прерогатив в сфере международных соглашений привела к тому, что мы не подписали с советскими партнерами ни протокола о координации пятилетних планов, ни торгового соглашения на предстоящие 5 лет». Далее следовало предостережение: «Понимание, с которым до сих пор верховные советские инстанции принимают обращения Ярузельского с конкретными нуждами экономического характера, не может заслонять того обстоятельства, что ситуация, о которой я говорил выше, не может продолжаться долго... Ставка на

усиление Польши путем импорта, главным образом, западной техники и технологии не дала ожидаемых результатов. Она причинила ущерб нашему общему положению, в том числе отношениям со странами СЭВ». Поэтому-де надлежит подвергнуть критике проект плана «со стороны его механизмов и рычагов». «Возникает впечатление, что весь комплекс механизмов и рычагов внешней торговли нацелен прежде всего на долгий платежный период». А между тем, «согласно последним решениям СЭВ мы вступаем в период координирования не только планов, но также и хозяйственной политики... Я считаю необходимым точно определить функции центра планирования и руководства экономикой в рамках Совета министров и подчеркнуть роль Плановой комиссии, Министерства внешней торговли и хозяйственных ведомств... В сотрудничестве со страной, которая безусловно придерживается принципа монополии внешней торговли, ...необходимо укреплять координирующую роль нашей внешней торговли. В нашей практике партнерства организационная система и кадры Советского Союза оправдали себя. Требуется, наконец, сделать необходимые увязки реформы с ее фундаментальной ориентацией. Я считал и считаю, что это — необходимое условие проведения реформы. Ибо нужно действительное решение принципиальных проблем... вместо пустых, антибюрократических заклинаний и столь же пустых славословий частной рыночной экономике... Мнение, будто предприятия сами обеспечат высокую выручку от экспорта без стратегической инициативы государства, можно считать утопическим».

Эти, быть может,слишком обширные цитаты из выступления человека, ответственного за кровавую расправу с гданьскими докерами в декабре 1970 года, должны иллюстрировать тезис, что основы оппозиционной платформы «бетонных» против политики Ярузельского были уже достаточно давно сформулированы. Можно смело предположить, что Коцёлек свое выступление согласовал в Москве и что его устами говорила она. Никто, включая Ярузельского, не рискнул вступить в полемику с Коцёлеком. Платформу «бетона» попробовали игнорировать. Но для самих «бетонных» это выступление было важным сигналом. Немного позже Тадеуш Грабский, за свою «бетонную» деятельность отправленный в ГДР (по торговым делам), выступил со своим открытым письмом, критикующим политику руководства за неудачи и непоследовательность. Активизировались группы «истинных коммунистов». В декабре 1982 года Политбюро призвало хранить единство партии и распустить внеуставные структуры. «Бетон» остался глухим к этим призывам.

Самораспустилась лишь краковская «Кузница» — партийный клуб, полностью верный руководству ПОРП. Клубы «Жечивистость» не последовали ее примеру. В то же время участились нападки на «спулки полонийные», на чрезмерную толерантность к интеллигентам, на «спекулянтов» и «тунеядцев».

Некоторое распространение получили публикации Юзефа Коссецкого, который снабдил «бетонных» полученной с помощью собственной методологии из области «социальной кибернетики» картиной Польши, манипулируемой жидовско-масонской мафией, которая завладела правительством, оппозицией и т. д.

Этому господину следует уделить минуту внимания. Я знал его примерно в 1964 году, вскоре после того, как он освободился после отбытия срока за принадлежность к нелегальной антикоммунистической организации. Его ненависть к коммунизму была столь стихийной, навязчивой, что меня он принимал за слизняка, каким я отнюдь не был. В начале 70-х Коссецкий, до тех пор физик, занялся так называемой «социальной кибернетикой», т. е. объяснением мира при помощи тайных мафий, которые им управляют из-за укрытия. Военное положение вознесло его на вершину успеха. Его статьи о КОРе печатала «Трибуна люду», телевидение проводило с ним беседы о «Солидарности». Этот еще недавно заклятый антикоммунист прекрасно чувствовал себя в новой роли. Каждая контрреволюция выносит наверх пену. Военный переворот вынес Коссецкого. Не важно, был ли этот человек полицейским агентом — этот вопрос интересен лишь для его жены. Важно, что его концепции, коренящиеся в идейной традиции местечкового обывателя, прекрасно слились с духовным багажом сталинских последышей.

Однако было бы упрощением думать, что только Коссецкого вознесло военное положение. Оно подняло наверх также Ежи Урбана, который по своему духовному складу является противоположностью Коссецкого. Урбану выпало разъяснять внешнему миру мероприятия военных властей. Этот необыкновенно талантливый журналист-публицист, некогда герой не одного скандала в прессе, автор известных в эпоху Польского октября 1956 года статей с

требованиями последовательных демократических реформ, прошел столь же удивительный путь, как и Коссецкий: от оппозиционности через апологетику политики Герека аж до принципиального обоснования армейского душегубства. Своим высоким положением Урбан обязан, несомненно, кроме личной дружбы с Раковским, своему цинизму и изобретательности в атаках на своих прежних друзей. Политическая философия Урбана проста: главное — сила. Власть снисходительна, — милостиво объясняет он интеллектуалам, — но если не будете послушными, она станет строгой. Урбана не интересуют ритуальные заклинания марксизмом-ленинизмом. Вместо сомнительных диалектических конструкций, свойственным «бетонным» публицистам, вместо маниакальных выслеживаний мафий по методу Коссецкого, Урбан довольствуется тем, что демонстрирует своим оппонентам дубину, которая может обрушиться на их головы. Этот философ кнута не любит «бетонных». В первые месяцы военного положения выступления «бетонных» служили ему доказательством того, что курс генералов и Раковского является центристским и может стать еще жестче. Это запугивание «бетоном» должно было размягчить интеллектуалов и склонить их к уступчивости. Но в то же время Урбан недооценивал «бетон». В лице «бетонных» он видел «непримиримых и не по уму усердных» людей, которые «сложную действительность подгоняли под упрощенные формулы доктрины из опасения, что правителям не удастся так обтесать жизнь, чтобы она отвечала их идеалу социализма»; которые «ожидали, что сложная политика соглашения и борьбы провалится и тогда они силой установят желанный порядок. Какой же силой, спрашивается, если у них нет никакой силы? Ну, — отвечали они, — пролетарской, классовой силой, не смущаясь тем, что никто за ними не идет, кроме микроскопической горстки тружеников фразы».

Урбан ошибся. Он недооценил сопротивление интеллигенции. Политика кнута для «Солидарности» и пряника для творческих союзов провалилась. Он недооценил также и силы «бетона». В мае текущего года он так писал о «группах ура-революционеров и формулировщиков»: «Они тоже переживают время подъема» и хотят от нынешнего руководства «перенять наследство и победить, перечеркнув политику

соглашения и обострив политику борьбы. Их не пугает отсутствие отрядов, готовых ринуться в бой. Они думают, что достаточно заряжать пушки писаниной». Таков Урбан. Эти эффективные формулы — суть не что иное, как хорошая мина при плохой игре. Не считаю Урбана столь неумным, чтобы не понимать: «бетон» может рассчитывать на поддержку мощных отрядов. Советских

Иногда я задумываюсь: кто духовно ближе этим советским отрядам: примитивный, поверхностный, глуповатый Коссецкий или быстрый, интеллектуально ловкий, циничный и аморальный Урбан? Кого одарят своей поддержкой кормчие советского государства и жрецы советской доктрины? Думаю, что скорее Коссецкого. Урбан сделает свое дело, Урбан может уйти...

Еще раз вернемся на минуту к прошлому. Когда в феврале 1981 года Ярузельский и Раковский стали во главе ПНР, этот дуэт должен был продемонстрировать силу государственной власти (Ярузельский) и волю соглашения с обществом (Раковский). Назначению Раковского предшествовала его известная статья, критикующая неспособность премьера Пиньковского вести переговоры. Раковский должен был иметь в руках тот волшебный ключ к согласию с народом, который бы уравновесил его непопулярность в аппарате власти и отсутствие поддержки Москвы. В этой самой роли бывший редактор «Политыки» выступал и после 13 декабря. Это именно его инициатива — доверить Урбану функции спикера для прессы в ранге министра. Урбан был в правительстве единственным «человеком Раковского», полностью верным своему шефу. Когда проваливались один за другим варианты политики «соглашения» по-Раковскому, когда одни не реагировали на кнут, а другие — на пряник, его участие в элите принимающих решения становилось все более проблематичным. Атакуемый со стороны «бетона», лишенный какой бы то ни было общественной поддержки, Раковский был обязан своим положением только личной поддержке Ярузельского. И в этот момент вспыхнул скандал из-за Урбана. В одном из своих фельетонов, нападая на краковский «Тыгодник повсехны» («Еженедельник для всех») — журнал, пользующийся большим авторитетом и уважением, — Урбан весьма бестактно высказался о личности отца

Максимилиана Кольбы. Разразилась буря, имевшая отчасти характер сублимации. Посыпались протесты католических журналов, выступил с заявлением Епископат, группа депутатов Сейма потребовала отставки Урбана с поста министра. В их числе оказался, наряду с известными своим мужеством депутатами, также и известный своим лакейством Войцех Жукровский. Урбан не потерял своего поста, но было весьма характерным, что кроме Раковского почти никто не заступился за него, ни одна из газет партии, ни одна из фигур, пользующихся престижем в правящей элите. Чрезвычайно фальшивым аккордом прозвучали попытки рассчитаться после смерти за довоенный антисемитизм с человеком, признанным святым. Просто отвратительными были ссылки Раковского на авторитет Яна Юзефа Щепаньского и газеты «Ту и teraz» («Здесь и сейчас»), опубликовавшей статью Урбана, на авторитет Яна Юзефа Липского. Дуэт Раковский—Урбан «попал под сквозняк», если употребить выражение Стефана Киселевского: стал одновременно объектом атаки со стороны «бетона», общества и Епископата. А тут еще советский еженедельник «Новое время», прямо перед давно уже обещанным пленумом ЦК по идеологии, начал фронтальное нападение на «Политыку», или на Раковского. И дело касалось не только лично вице-премьера. Это была атака на политическую линию правительства ПНР. Так открыто советские товарищи вмешиваются чрезвычайно редко, лишь тогда, когда сочтут, что тайные средства убеждения не дают ожидаемого эффекта. Бдительно и с беспокойством наблюдающие за положением в Польше советские руководители пришли к убеждению, что политический курс Ярузельского и Раковского оказался беспешным и решили это высказать открыто. Статья в «Новом времени» была не единственным, но несомненно самым ясным выражением поддержки Москвой «бетона».

Реакция Варшавы была показательна. Печать замолчала эту статью, а «Политыка» ответила лапидарно и язвительно, игнорируя проблему в целом. Таким образом польская печать никогда не возражала советским газетам, даже в эпоху «Солидарности». Видимо, Раковский пришел к убеждению, что только твердая позиция может спасти его голову и пост. Руководство ПОРП перенесло идеологический пленум на

сентябрь, а майский пленум превратило в очередную дискуссию о положении в стране. Тон доклада, прочитанного Чырккой, а не Ярузельским или хотя бы Барциковским, был спокойным. Повторялись оптимистические оценки преодоления кризиса и изоляции подполья, говорилось о борьбе на два фронта против ревизионизма и догматизма, осуждалась фракционная деятельность внутри партии. А в это самое время советская пресса писала о контрреволюции в Польше, поддерживаемой американской разведкой.

В ходе общей дискуссии некоторые партийцы с мест туманно критиковали «бетон». Секретарь парткома Гуты им. Ленина Минюр упоминал, что в последнее время, когда положение стабилизируется, оживляются разные люди, которые имеют смелость (или так им выгоднее) представлять свою линию. Они видят все в плохих и мрачных красках. Стоило бы спросить этих людей, пробующих активизироваться сейчас, в более легких условиях, где же они были в 1980 и 1981 году... Тогда они сидели в своих затемненных кабинетах и не могли и не хотели оттуда выходить».

Секретарь парткома одной из шахт Венглиньский сообщил, что массы поддерживают руководство и Ярузельского: «Всех тех, кому не дают спать страхи об отходе партии от принципов социализма, должен был убедить декабрь 1981 года».

Позицию «бетона» представлял Альберт Косевский, механик-типограф из Варшавы, достойный продолжатель Альбина Сивака в роли «человека из бетона». Он нападал на Адама Шаффа, который безуспешно пытался свои прежние грехи замазать угодничеством. Заключительная резолюция не содержала ничего нового. Общие и компромиссные формулы не разрешают конфликта, а лишь его отодвигают.

Для вождей из Кремля Польша не перестает быть взрывной точкой и крепким орешком. Их стратегической целью является удержание Польши в рамках «социалистического лагеря», обеспечение стабильности и спокойствия. Это тем более необходимо, что нет никаких признаков улучшения конъюнктуры для советских руководителей в Афганистане и Иране, на Ближнем Востоке и в отношениях с США. Их беспокойство усиливает экономический кризис в других государствах блока и сопровождающий его призраки соци-

альных потрясений. Политика Ярузельского и Раковского, воинских оперативных групп и обтекаемых фраз, не принесла ожидаемой стабилизации.

Если Советский Союз хочет стабилизации в Польше, он должен поискать новые методы. Невозможно одновременно съесть торт и сохранить его. Этими новыми методами может оказаться поддержка «бетона». И так, кажется, начинает думать значительная часть советского руководства. Так что можно полагать, что в ближайшие годы Польшу ждут времена такого правления, при котором Ярузельского будут вспоминать как гнилого социал-демократа. Так, как на фоне Ярузельского. Герек представляется чем-то вроде британского либерала. Для Польши настанут очень тяжелые времена, но Москва не достигнет своих политических целей. Напротив, под властью «бетона» Польша будет не только пороховой бочкой, какой она уже и сейчас является, но пороховой бочкой с зажженным шнуром. И через какое-то время — и я предвижу, не слишком долгое — управляемая «бетоном» Польша снова станет страной охваченных пожарами парткомов. И все же такой вариант представляется довольно вероятным. Такая Польша может стать детонатором взрыва во всем блоке, и на это, может быть, рассчитывают некоторые сторонники жесткого курса в США.

Однако теоретически нельзя исключить и других вариантов. Не исключено, что у руля советского государственного корабля станут люди с политическим воображением хотя бы таким, какое проявил Хрущев, когда он после смерти Сталина сумел разработать стратегическую программу «оттепели» во внутренних и международных отношениях. Мотивом для такой стратегии теперь может стать забота о сохранении мира и великодержавных владений. Я думаю, что в Москве сейчас никто не верит, что Советский Союз может выйти победителем из глобального конфликта.

При таком стечении обстоятельств для Польши открылся бы шанс для демократизации, проведения реформ и национального соглашения. Это далекая перспектива, я знаю, но как же отсюда, из Мокотовской тюрьмы, не искать искорки надежды в меняющемся мире? Они упорно сопутствуют всем размышлениям, вместе с убеждением, что если мир

не удастся изменить, то следует его для себя хотя бы объяснить.

Острая потребность современного мира — поиск путей мира и взаимопонимания. Это также и острая потребность современной Польши. Может быть, один из путей к миру и взаимопониманию для всего мира проходит через Польшу. Возможно ли взаимопонимание в Польше сегодня? Нет. Оно не будет возможно до тех пор, покуда коммунисты не отступят перед волей поляков к правосубъектности. Будет ли такое взаимопонимание в будущем возможно? Не знаю. Знаю только, что оно будет необходимо. Польше и всему миру.

Папа Римский, который скоро посетит свою родную страну, решительно высказался на пороге нового года против методов войны, военного положения, против тех, кто «предпочитают оружие поискам соглашений». Он выступил за «диалог ради мира», за диалог, отвергающий ложь и насилие.

Чтобы диалог был, должны быть равные стороны-участники. «Солидарность», загнанная в подполье, оклеветанная и преследуемая, платит сегодня самую высокую цену за то, чтобы сохранить шансы такого диалога в будущем, чтобы не погубить надежду на мир и взаимопонимание. Я бы хотел, чтобы участники пацифистских движений в странах Запада хорошо поняли этот аспект деятельности «Солидарности».

Все же не исключено, что образец мирного разрешения конфликта в Польше сможет стать исходным пунктом для смягчения международной напряженности; что он сможет стать источником силы и надежды для всех тех, кто обсуждение, пусть даже изнурительно трудное, за столом переговоров, предпочитает диалогу, проводимому с помощью дубинок и слезоточивых газов, танков и артиллерии, наконец, ракет ближнего, среднего и дальнего действия. С такой надеждой в сердце я ожидаю приезда Папы Римского Иоанна-Павла II в Польшу. Ибо если верны слова Гёте, что «история — это смесь ошибок и насилия», то сколько же сделал наш Апостол мира и прав человека, чтобы люди избегали ошибок и умели отказаться от насилия?

Должен уже кончать свои размышления. Сегодня ночью, через несколько часов, будет последняя оказия перекинуть эти записи на ту, несколько более свободную, сторону стены. Нужно спешить.

В заключительном выступлении на недавнем пленуме ЦК Ярузельский повторил ритуальные нападки на «Солидарность», избегая, впрочем, называть ее по имени. Весь ход его мыслей показывает, что он в плену своих собственных вчерашних решений, что ему не удастся избавиться от шаблонов в своих представлениях. Эти шаблоны не ведут к взаимопониманию. Так говорит феодал о вассалах, а не политик, ищущий выхода из кризисной ситуации. В несколько завуалированной форме атаковал Ярузельский и «бетонных». Он решительно заявил, что партия не делится на «левых» и «правых», предостерег от «ура-революционных» фраз, от «приверженцев старых политических приемов и устаревших методов, которые мешают работать по-новому». Говоря о необходимости борьбы на два фронта, с ревизионизмом и догматизмом, он заявил, что главной опасностью является «вырождение во фракционную деятельность. Мы не потерпим ее ни в какой форме». Так звучит ультиматум, предъявленный «бетонным».

Ничто, однако, не указывает на прекращение противоречий в рядах правящей элиты. Конфликты будут создаваться сопротивлением общества и советским давлением. Аппарат власти, этот небольшой, лишенный широкой общественной опоры островок в польском море, раздирается глубокими противоречиями. Это происходит в те дни, когда Андропов пишет письма десятилетней американке, вместе с которой заботится о сохранении мира, а советские спортсмены и пожарники посылают миру антивоенные призывы. Все это отражает серьезность ситуации. Когда Советский Союз чувствовал себя сильным, тогда он нападал на международный империализм и предрекал ему скорую гибель. Когда же чувствовал свою слабость, то неустанно боролся за мир. Эти призывы к миру наряду со статьями советских журналистов о контрреволюции в Польше не предвещают полякам ничего хорошего.

Они не сулят также ничего хорошего и нам, узникам Ярузельского. И теперь, в конце, о моих делах. Я под арестом 18 месяцев. Вначале я был в Бялолэнке среди интернированных, потом вместе с другими КОР-овцами меня перевезли в Мокотово на следствие по обвинению в подготовке насильственного свержения строя в ПНР и ослабления ее оборонной мощи. С февраля знакомлюсь с материалами дела, собранными в сорок объемистых томов. Функционеры МВД и военные прокуроры не потрудились придать хоть какое-то правдоподобие обвинению. Его нелепость бросается в глаза на каждой странице. Наверняка поэтому они хотят эти документы у меня поскорее отобрать, не хотят, чтобы я их внимательно изучил. Время не ждет, очередной показательный процесс должен пройти в назначенный срок.

Я тут стал виновником довольно необычного прецедента. Прокурор заявил мне, что направит обвинительное заключение в суд, не заботясь о том, познакомился ли я с материалами дела. Даже собственные законы, которые они силой навязывали обществу в собственных интересах, они не умеют уважать. Этот процесс будет бездарным продолжением процессов сталинских времен, с их нелепой конструкцией обвинений и с заранее написанными приговорами. Приговор наверняка не будет мягким — по меньшей мере, несколько лет. Не думаю, чтобы меня коснулась какая-нибудь амнистия. Мне наверняка придется провести немало времени за решеткой. Но я не подпишу никакого прошения о помиловании.

Я состоял в КОРе и в «Солидарности» не для того, чтобы просить о милости Ярузельского, а для того, чтобы моему народу больше никогда и никого не нужно было просить о милости.

Адам Мухник

P. S. Из многочисленных политических документов западных стран особенное впечатление на меня произвело заявление французского правительства, в котором были сформулированы условия нормализации отношений с правительством ПНР: «освобождение всех арестованных, отказ от репрессий, а также скорейший возврат к профсоюзному плюрализму». Немного раньше польская печать писала об отзыве из Чили посла Франции в знак протеста против нарушений прав человека в этой стране. По отношению к Чили это не

было актом вмешательства во внутренние дела, а по отношению к Польше такой акт стал «явно враждебным».

Я бы хотел горячо поблагодарить наших французских друзей за их проявления солидарности с преследуемыми. Их осуждение репрессивных акций генералов чилийских и польских позволяет питать надежду, что Франция, после печального периода флирта с диктаторами, ознаменованного продажей танков и самолетов, снова начнет экспортировать в другие страны свое самое ценное — Права человека и Дух Свободы.

А. М.

(Перевел с польского С. Пирогов)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Роман Сольчаньк

РУССКИЙ ЯЗЫК И СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА*

Два момента на Всесоюзной конференции «Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР», проходившей в Ташкенте 22—24 мая 1979 года, должны были привлечь особое внимание тех, кто занимается изучением советской национальной политики. Первый — заявление хозяина конференции, первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидова о том, что по предварительным данным переписи 1979 года наблюдается «резкое увеличение», по сравнению с предыдущей переписью, проведенной почти 10 лет назад, численности граждан нерусской национальности, которые считают русский язык своим родным или вторым языком общения. Второй — заключительный документ, принятый конференцией в форме рекомендаций по введению преподавания и изучения русского языка на всех уровнях советской образовательной системы.

Эти рекомендации представляют собой последнюю фазу того, что, возможно, является наиболее серьезной попыткой планирования языковой политики со времени реформы образования в конце 50-х годов. Целью, которая была четко сформулирована, среди прочих, директором Института русского языка Академии Наук СССР Ф. П. Филиным, является достижение в Советском Союзе полного двуязычия, т. е. предоставления русскому языку статуса «второго родного языка». Не удивительно, что недавние инициативы центральных властей в этой области уже вызвали обеспокоенность диссидентов в некоторых национальных республиках,

* Статья опубликована в журнале «Soviet Studies», vol. XXXI, N 1, 1982, pp. 23-42. Copyright by author.

особенно в Прибалтике и Грузии, и, возможно, послужили причиной чисток в системе просвещения на Украине. В виду взрывоопасной природы языковых проблем, которая уже драматическим образом проявила себя демонстрациями в Тбилиси в апреле 1978 и марте 1981 гг., возникает вопрос, почему же советское руководство встало на путь проведения языковых реформ, несмотря на почти всеобщую оппозицию в нерусских республиках.

Суть проблемы

Советские эксперты по национальному вопросу утверждают, что русский язык становится все более признанным языком «межнационального общения», потому что он, помимо всего прочего, является родным языком нации, составляющей большинство населения Советского Союза. Да, около десяти лет назад русские составляли 53,4% всего советского населения. Перепись 1979 года показала, что численность этой популяции снизилась до 53,4%, прежде всего из-за увеличения прироста народонаселения в Средней Азии и на Кавказе. Так, анализируя данные советской демографии, один западный ученый подсчитал, что к 2000 году процент русских в стране снизится до 44,3%.¹

А один советский демограф сделал недавно сообщение, которое можно рассматривать как первый советский прогноз этнической ситуации в СССР в конце столетия. По данным М. Б. Татимова, приблизительно через 20 лет русские будут составлять 46—47% всего населения.²

Перспектива радикальной перестройки этнической структуры СССР, несомненно, ставит перед советским руководством вопрос о том, как скажутся эти изменения на межнациональных отношениях. Политические, экономические, военные и психологические осложнения во внутренней политике будут отражать лишь одну сторону проблемы. Не

1. R. Szporluk, «Why Some Soviet Soziologist Are Alarmed», The New York Times, 27.08.1977.

2. М. Б.Татимов, «Развитие народонаселения и демографическая политика», Алма-Ата, 1978 г., с.121.

менее серьезными будут и осложнения внешнеполитические, связанные с процессом мусульманского возрождения в Иране и Афганистане (в граничащих с Советским Союзом странах, где живут народы, этнически, лингвистически, культурно и религиозно связанные со своими советскими собратьями — азербайджанцы, таджики, туркмены, узбеки и курды).

В этом контексте новую кампанию по введению преподавания и изучения русского языка в национальных республиках можно в какой-то мере понять. Советские ученые стали чрезвычайно откровенными в определении сути этого вопроса. Филин, например, прямо связывает наблюдаемые этнографические тенденции в СССР с ролью русского языка:

Если в целом русские составляют больше половины населения нашей страны, то в связи с замедленным приростом населения в районах проживания основной массы русских и значительным приростом в тюркоязычных республиках соотношение по национальному признаку детей дошкольного (а также школьного) возраста существенно изменяется в пользу тюркоязычного населения. В связи с этим знание русского языка как языка межнационального общения становится особенно актуальным.³

Такие высказывания отражают точку зрения советских специалистов, которые давно утверждали, что обучение русскому языку нерусских окупит себя развитием позитивных процессов в чувствительной области национальных отношений. Опираясь на данные этнографических исследований, советские социологи приходят к выводу о том, что наиболее подходящая форма приобщения к русской культуре наблюдается у тех нерусских, которые начали изучать русский язык уже в детстве. Обследования, проведенные в Дагестанской АССР, показали, например, что 80% обследуемых школьников различных национальностей настолько прогрессировали в изучении русского языка, что начинали думать на нем.⁴ Остается признать, что такая степень

3. Ф. П. Филин, Русский язык в советских национальных республиках, в кн. «Русский язык как средство межнационального общения», Москва, 1977, с. 10.

4. Р. Г. Абдулатипов, Т. Ю. Бурмистрова, «Конституция СССР и национальные отношения на современном этапе», Москва, 1978, с. 98.

изучения русского языка является переходной стадией к новой национальной самоидентификации.

Согласно основным советским установкам, русский язык служит «цементом единства советской культуры» и рассматривается как мощный «акселератор слияния наций». Защитники советской национальной политики признают, что объективно все языки в СССР равны, что их равенство гарантировано законом. Тем не менее, мало кто из западных наблюдателей за советской политической сценой не согласится с тем, что русский язык в СССР является все же «более равным», чем другие. Это подтверждается, среди прочего, и выступлением партийного руководителя Узбекистана Рашидова, который недавно провозгласил, что «равенство в использовании языков не должно рассматриваться как равенство их социальных функций».

Русский язык в нерусских республиках

В 1979 году 137,2 млн русских и 16,3 млн нерусских (58,6% населения СССР) назвали русский язык своим родным. Кроме того, 61,1 млн нерусских считают русский язык вторым языком. Они увеличивают общее число советских граждан, свободно владеющих русским, до 81,9% всего населения. 13,1% нерусских, назвавших русский своим родным языком, и 49%, считающих его вторым, — это означает, что 62,1% всего нерусского населения Союза свободно говорит по-русски. В 1970 году соответствующая цифра равнялась 48,7%. Тот факт, что около 40% нерусских все еще не владеет в достаточной мере русским языком, является источником озабоченности сторонников полного двуязычия в СССР. В последние годы эта озабоченность нашла свое отражение во всевозможных кампаниях за расширение системы преподавания и изучения русского языка в нерусских республиках. Частью таких кампаний является проведение всесоюзных конференций в Баку (1969), Фрунзе (1971), Кишиневе (1972), Алма-Ате (1973), Ереване (1974) и Ташкенте (1975 и 1979).

В 1973 году Совет по вопросам средней общеобразовательной школы при Министерстве просвещения СССР провел расширенное заседание по обсуждению проблемы

«всестороннего усовершенствования преподавания русского языка во всех национальных школах». Обсуждались вопросы внедрения лингвистической и методологической экспертизы, необходимости расширения сети школ и классов с так называемым углубленным изучением русского языка, организации факультативных курсов по русскому языку и литературе, более широкого внеклассного общения школьников на русском языке. Совет принял постановление «О состоянии и мерах дальнейшего улучшения преподавания русского языка и литературы в национальных школах союзных республик», в котором предлагается осуществить на практике обучение в смешанных школах, где предметы будут преподаваться как на родном, так и на русском языке. Вслед за этим, в 1973-75 гг. в республиках был принят ряд постановлений партийных и правительственных органов об улучшении преподавания русского языка в местных школах.

Каков же был статус русского языка в советских школах во время принятия этого постановления? По данным Министра просвещения СССР М. А. Прокофьева, в 1974-75 гг. 64,3% всех учеников дневных школ в СССР получали образование на русском языке. Это соответствует 27,7 млн школьников из общего числа 43,1 млн. В РСФСР 96% всех школьников учились на русском языке, в то время как в национальных республиках процент учеников, получающих образование на русском языке, колебался от 68% (в Казахстане) до 8,4% (в Армении).

Более точная картина, отражающая изменение количества учеников средних школ, обучающихся на родном и на русском языках (в % к 1965 г.) в 14 нерусских республиках, приведена в таблице:

Таблица

Количество учеников общеобразовательных школ нерусских республик, обучающихся на родном и на русском языках (в % к соответствующему количеству учеников в 1965 г.)

<i>республики</i>	<i>родной язык</i>	<i>русский язык</i>
Узбекистан	165,5	90,9
Таджикистан	159,0	123,1
Туркменистан	153,5	107,1

Азербайджан	150,8	94,8
Киргизия	150,2	108,6
Казахстан	143,0	112,7
Армения	128,6	113,3
Литва	113,7	109,6
Грузия	113,4	105,7
Латвия	106,5	103,7
Молдавия	105,9	103,5
Эстония	101,5	107,6
Украина	93,8	110,4
Белоруссия	85,8	128,0

Источник: «Современные этнические процессы в СССР», М., 1977, с. 270.

Таблица демонстрирует, что во всех республиках, за исключением Украины и Белоруссии, количество учеников в школах с обучением на родном языке увеличилось (на 65,5% — в Узбекистане и 1,5% — в Эстонии). На Украине и в Белоруссии число таких учеников уменьшилось (на 6,2% — в первой и 14,2% — во второй). В то же время количество учеников русскоязычных школ снизилось лишь в двух республиках — в Узбекистане (на 9,1%) и Азербайджане (на 5,2%). Самое большое увеличение количества школьников, обучающихся на русском языке, наблюдалось в Белоруссии (на 28%).

Первая Ташкентская конференция

Наиболее значительным событием в деле внедрения русского языка в национальные республики была проходившая в Ташкенте 21-23 октября 1975 года Всесоюзная научно-практическая конференция по «обмену опытом преподавания и изучения русского языка в школах и высших и средних специальных учебных заведениях страны». Конференция была созвана по решению ЦК КПСС — свидетельство того, как серьезно относится партия к политике в области языка. Хотя в названии конференции упоминается «высшее и среднее специальное образование», большинство дискуссий развернулось вокруг проблем дошкольного, начального и среднего

образования, а также вопросов совершенствования работы педагогических институтов по подготовке преподавателей русского языка для нерусских школ.

Одним из наиболее важных выступлений на конференции было выступление Министра просвещения Прокофьева, который посвятил большую часть своего доклада вопросу внедрения русскоязычного обучения в систему дошкольного воспитания в национальных республиках:

Первым звеном общественного воспитания детей являются дошкольные учреждения. Всего в них воспитывается около 11 млн. детей всех национальностей СССР. Естественно, встает вопрос: не следует ли и там в играх и беседах начинать изучение русского языка? Специалисты утверждают, что чем ранее начнется знакомство с другим языком, тем лучше для усвоения. Опыт есть. В Узбекской и некоторых других республиках в ряде детских садов такое обучение введено. Создана специальная программа, что можно сделать в других республиках.⁵

Прокофьев также защищал необходимость развития системы подготовительных классов для изучения русского языка детьми шестилетнего возраста и начала обучения русскому языку уже с первого класса школы во всех национальных республиках. (В то время русский язык начинали изучать с первого класса в 9 из 14 нерусских республик.) К началу 1979 года лишь на Украине, в Белоруссии и Литве начинали изучать русский не с первого класса начальной школы.

Другие предложения Министра просвещения включали: увеличение количества и, в значительной мере, стандартизацию уроков русского языка, введение в старших классах общей военной подготовки, преподаваемой на русском языке, увеличение количества смешанных школ. Более того, Прокофьев выразил недовольство тем, что ряд предметов на факультетах русского языка и литературы в вузах — он имел в виду общественные науки, педагогику, специальные дис-

5. М. А. Прокофьев, Русский язык в национальной школе и дошкольных учреждениях, «Русский язык в национальной школе», 1975, №6, с. 19.

циплины и иностранную литературу — преподаются на родных языках чаще, чем на русском. Все эти предложения нашли свое отражение в рекомендациях конференции и в ряде инструкций Министерства просвещения для государственных учреждений и учреждений системы просвещения в национальных республиках. После I Ташкентской конференции были проведены конференции по проблемам русского языка в Нальчике, Минске и Одессе.

Академия наук и русский язык

Академия наук СССР и специальная рабочая группа, образованная при Институте русского языка для изучения вопросов преподавания русского языка в национальных республиках, играют ведущую роль в развертывании кампании по интенсификации изучения русского в нерусских республиках.

На Ташкентской конференции 1975 г. директор Института русского языка Филин обосновал необходимость разработки плана координации всей работы в области преподавания русского языка (с тем, чтобы навести мосты между научными исследованиями и педагогической практикой). Он настоятельно рекомендовал создать Всесоюзный координационный совет по вопросам преподавания русского языка в республиках и областях, а также координационные советы на местах. Другие предложения предусматривали создание отдельных секторов или отделов в институтах лингвистики и филологии в республиканских академиях наук, увеличение контингента аспирантов из национальных республик в Институте русского языка в Москве, организацию местных теле- и радиопрограмм на русском языке (по типу всесоюзных программ «Русская речь» и «В мире слов») и более широкую пропаганду русского языка и литературы в прессе и других средствах массовой информации нерусских республик.

Через год после конференции Президиум Академии наук СССР обсуждал вопросы «научной разработки проблем функционирования и преподавания русского языка в национальных республиках и автономных областях СССР».

Основной доклад, представленный Филиным, повторял многие предложения, сделанные ранее на Ташкентской конференции, в том числе и предложения самого Филина. Интересно, что Филин, говоря о специальной программе русского языка для дошкольных учреждений нерусских республик, отметил то, что эта программа, по его мнению, внедрялась недостаточно широко. Резолюция, принятая Президиумом, санкционировала предложения Филина и отметила, что исследование вопроса о русском языке как о средстве межнационального общения является одной из наиболее важных задач Института русского языка и Института лингвистики.

Вопросы изучения русского языка в национальных республиках вновь обсуждались в Академии наук в 1977 г. во время 34-ой сессии Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик. В этот раз Филин, который опять поднял принципиальные вопросы, смог сообщить о значительном прогрессе в обсуждаемой области. Главное, что специальные сектора русского языка при республиканских академиях наук, организовать которые он предлагал в 1975 г., уже были созданы или создавались в нескольких республиках (в том числе — в Белоруссии, Таджикистане, Киргизии). Более того, были созданы при Институте лингвистики в Москве сектор социальной лингвистики и Научный совет по взаимодействию и взаимообогащению языков народов СССР. Филин заключил свое выступление призывом начать издание специального научного журнала под названием «Русский язык», который должен стать органом координации деятельности специалистов по русскому языку в нерусских республиках.

В конце 1978г. Президиум Академии наук СССР собрался для обсуждения предшествующих достижений и новых задач в области преподавания и изучения русского языка в национальных республиках. Главным докладчиком был все тот же Филин, который отметил наличие значительного прогресса в данном вопросе после 1976 г. Он сообщил об организации различного рода институций русского языка в республиках: факультета русского языка в Институте лингвистики Академии наук Белорусской ССР, отделений в академиях наук Молдавии, Армении, Латвии и Литвы,

лаборатории изучения русского языка в Тбилисском Институте психологии, секторов русского языка в академиях наук Азербайджана и Казахстана, межфакультетского совета по русскому языку в Эстонии. Многое еще предстоит сделать, с точки зрения Филина, особенно в области укрепления рабочих групп внутри его Института русского языка, которые должны получить статус секторов.

Очень интересные аспекты были затронуты в заключительном резюме Вице-Президента Академии наук П. Н. Федосеева. В контексте своих аргументов в пользу того, что изучение и распространение русского языка не скажутся отрицательно на развитии национальных языков и культур, он поднял вопрос о преподавании специальных предметов в вузах на языках национальных республик. Эта тенденция, согласно Федосееву, возникла в послевоенный период и имела тогда «прогрессивное» культурное и историческое значение, т. к. усиливали социальную функцию национальных языков. Тем не менее, утверждал Федосеев, общий социальный аспект проблемы не должен вступать в противоречие со сложившимися культурными и историческими факторами — следует всегда иметь в виду необходимость подготовки специалистов в нерусских республиках таким образом, чтобы они изучали специальность на русском языке и могли работать в других республиках. Федосеев заключил, что специальные дисциплины, которые изучаются в вузах СССР, должны преподаваться на русском.

Поворотный пункт: новое законодательство 1978 года

В конце 1978 г. различные организационные меры, которые подготовливались в предшествующие годы, были закреплены законодательно. 10 октября 1978 г. Совет по вопросам средней общеобразовательной школы при Министерстве просвещения СССР рассмотрел и одобрил ряд предложений по улучшению преподавания русского языка в национальных республиках. Три дня спустя Совет Министров принял постановление «О мерах по дальнейшему совершенствованию изучения и преподавания русского языка в союзных республиках». Первые сведения о существовании такого постановления появились в номере журнала «Русский

язык в национальной школе» за январь-февраль 1979 года. Само постановление до сих пор не было опубликовано в советской прессе, хотя копии текста достигли Запада по неофициальным каналам.

Постановление Совета Министров СССР N835, датированное 13 октября 1978 г., представляет собой перспективную программу развития всех форм обучения русскому языку в национальных школах. Его основные пункты предусматривают введение новых учебных программ, учебников и учебных пособий для изучения русского языка, разделение классов более чем с 25 учениками на две меньшие группы — для большей эффективности обучения, расширение системы интенсивного изучения русского языка за счет перераспределения часов в учебном расписании, широкого внедрения в практику преподавания специальных дисциплин исключительно на русском, введение обучения русскому языку во всех дошкольных учреждениях и подготовительных классах, внедрение новых методов преподавания.

С точки зрения нерусских народов, вероятно, наиболее действенным фактором нового законодательства является перевод системы изучения русского языка в дошкольных учреждениях на единую основу. Несмотря на недостаток детальной информации, несомненно, что прямое навязывание русского языка в детских садах и яслях в определенной мере противоречит решениям Ташкентской конференции 1975 г. Это спровоцировало конфликт на конференции в Нальчике в следующем году. Примечательно — на Ташкентской конференции 1979 г. Министр просвещения Узбекистана С. Ш. Шермухамедов заметил, что «пришло время дать четкий, научно обоснованный ответ на вопрос: с какого возраста должны мы начинать обучение нерусских детей русскому языку в дошкольных учреждениях».

Запланированное увеличение количества часов для преподавания русского языка в школе, похоже, также вызвало недовольство в республиках. Прежде в учебном расписании школ с обучением на родном языке на преподавание русского языка и литературы было отведено от 1260 до 1715 часов в течение полного курса обучения. Однако количество часов варьировало от республики к республике. Данные 1975 г. показывают, что в Киргизии было 5,15 часов

русского языка в неделю, в Латвии — 4,8, в Белоруссии — 4,65, в Эстонии — 4,3, в Литве — 4,2, в Молдавии — 4,1, на Украине — 4,05. Новое расписание на 1980 год предусматривало увеличение уроков русского языка на 2-3 часа в неделю во всех классах средних школ.

Были приняты также конкретные меры в системе высшего образования. 6 декабря 1978 г. Министр высшего и среднего специального образования В. П. Елютин на основании Постановления Совета Министров СССР издал Приказ, включающий 12 пунктов, который, среди прочего, вводит дополнительное время для изучения русского языка как факультативного предмета и более широкое преподавание специальных дисциплин по-русски. Два месяца раньше во Фрунзе была проведена Всесоюзная конференция «Изучение русского языка и его истории в национальных вузах», в которой приняли участие 600 специалистов. После директивы Елютина, 16-17 января 1979 года в Москве состоялось Совещание министров высшего и среднего специального образования союзных республик совместно с руководителями основных вузов страны. Вторым пунктом программы совещания стоял вопрос о развитии системы преподавания и изучения русского языка в нерусских республиках. Совещание приняло специальную серию из 19 рекомендаций, касающихся преподавания русского в системе высшего образования, которые предусматривали расширение практики преподавания социальных дисциплин, общеобразовательных предметов и марксизма-ленинизма на русском языке.

Вторая Ташкентская конференция и ее последствия

В свете принятия нового законодательства Ташкентская конференция не явилась неожиданностью. Около 1000 участников конференции собрались в узбекской столице 22-24 мая 1979 г. для того, чтобы подвести некоторые итоги и определить задачи на будущее. Рекомендации, принятые на конференции, были многосторонними и могли рассматриваться как основа программы будущих действий. В этом смысле Ташкентская конференция представляла собой веху

в кампании по внедрению русского языка в национальных республиках.

В области дошкольного воспитания рекомендации предлагали «организацию изучения русского языка в старших группах детей» в зависимости от местных условий. Акцент предлагалось делать на активном пользовании русским языком во время игр и бесед. Указывалось, что большую роль в воспитательном процессе должна играть семья. Рекомендовалось приложить дополнительные усилия для разработки специальных программ и учебных планов, также как и для исследований в области социологических, идеологических, психологических и лингвистических проблем билингвизма и изучения русского языка детьми-дошкольниками, чей родной язык — нерусский. Кроме того, конференция предложила создать Научно-методический совет по проблемам изучения русского языка в национальных дошкольных учреждениях, созвать в 1981 или в 1982 году Всесоюзную научно-практическую конференцию по совершенствованию преподавания русского языка в национальных дошкольных учреждениях и начать издание нового специализированного журнала «Русский язык в национальном детском саду».

В общеобразовательной школе и системе профессионально-технического обучения рекомендовалось увеличить количество школ и классов с интенсивным изучением русского языка. Это предстояло осуществить за счет частичного перераспределения часов в учебном расписании. Рекомендации предлагают в профессиональных и технических школах, там где это возможно, преподавать специальные дисциплины на русском и использовать русский язык для преподавания других предметов в старших классах общеобразовательных школ.

Были предложены конкретные меры и в области высшего и среднего специального образования. Сюда входят предложения начать со II или III курса преподавание социальных, общеобразовательных и специальных дисциплин на русском языке, а изучение русского начать уже на I-II курсах за счет других предметов. Более того, предполагалось, что студенты вузов и техникумов будут писать свои курсовые и дипломные проекты, также как и отчеты и самостоятельные работы по

своему основному предмету по-русски. Помимо этого, рекомендовалось улучшить подготовку преподавателей, подготовить учебные пособия и усилить роль средств массовой информации в пропаганде русского языка.

Вскоре после II Ташкентской конференции Министерство просвещения СССР предприняло ряд конкретных шагов по внедрению в практику рекомендаций конференции. Совет по вопросам общеобразовательной средней школы принял постановление под названием «О мерах по дальнейшему улучшению преподавания русского языка в общеобразовательных школах с нерусским языком обучения» и 15 июня 1979 г. Коллегия Министерства просвещения СССР обсудила результаты конференции и предложила дополнительные меры в области дошкольного воспитания, среднего образования и подготовки учителей. В конце июня Совет Министров СССР принял постановление о введении изучения русского языка во всех нерусских дошкольных учреждениях и подготовительных классах. Затем последовал Приказ N137 Министерства просвещения СССР о мерах по изучению русского языка в дошкольных учреждениях и подготовительных классах общеобразовательных школ с родным языком обучения. В плане этой директивы республиканские министерства просвещения получили инструкции подготовить конкретные предложения по введению обучения русскому языку детей, не владеющих этим языком, в дошкольных учреждениях к 1 сентября 1980 года. Также предлагалось начать с 1979-80 учебного года изучение русского в подготовительных классах общеобразовательных школ с нерусским языком обучения. Директива предусматривала и дополнительные инструкции по использованию специальных программ и методических рекомендаций для внедрения русского языка на дошкольном и подготовительном уровнях, а также инструкции по подготовке и переподготовке учителей русского языка. Эта директива вступала в силу в РСФСР, на Украине, в Молдавии, Грузии, Узбекистане и Киргизии с лета 1980 г. В это же время Министерство просвещения СССР объявило о планах создания Научно-методического совета по проблемам преподавания русского языка в национальных дошкольных учреждениях вместе с Управлением дошкольной подготовки,

а Президиум Академии педагогических наук издал постановление об образовании специальной группы ученых при НИИ дошкольного воспитания для того, чтобы она занималась исследованием проблем изучения русского языка на дошкольном уровне. Коллегия Министерства просвещения также проявила активность в таких областях как координация и наблюдение за работой республиканских министерств просвещения по внедрению преподавания русского языка на местах, проведение методологического семинара по организации начальной военной подготовки на русском языке в национальных школах среднеазиатских республик и Казахстана и разработка плана нового учебного расписания для системы подготовки преподавателей русского языка и профессиональной помощи им в деле обучения детей этому языку.

Русский язык и советская национальная политика

Политика в области языка является частью общей советской национальной политики и воспринимается как таковая нерусскими народами. Хотя еще трудно судить о далеко идущих последствиях недавних событий, уже сейчас имеется достаточно свидетельств того, что новая кампания по усилению роли русского языка в национальных республиках наталкивается на сопротивление со стороны нерусских народов. Наиболее явные признаки недовольства наблюдаются в Литве, Эстонии и Грузии.

Литовским диссидентским кругам удалось получить и переправить на Запад копию проекта рекомендаций Ташкентской конференции 1979 года. Выдержки из него появились несколько позже в 10 номере самиздатского журнала «Перспективы». В другом документе были напечатаны резюме рекомендаций, а также тексты приказа Елютина от 6 декабря 1978 года и рекомендации для высших учебных заведений от января 1979 г. Все это было собрано в письме от 25 апреля 1979 года, призывающем мировое общественное мнение выступить против решений Ташкентской конференции. Раньше организация, называющая себя Инициативной группой защиты литовского языка, выпустила подобное обращение к литовским эмигрантам, в котором авторы пишут

о все увеличивающейся русификации средств массовой информации. Это обращение было напечатано в 15 номере самиздатского журнала «Aušra», датированного февралем, и явилось первым свидетельством существования группы. Еще один самиздатский журнал «Alma Mater» опубликовал текст листовки под названием «В единстве — наша сила» в своем 3-м номере за июль—сентябрь 1979 г. Листовка, призывающая обратить внимание на приказ Елютина и указывающая на его ассимиляторский характер, была, судя по всему, распространена в Вильнюсском университете 18 апреля 1979 г. Выпуск «Aušra», датированный февралем 1981 г. острю статью, озаглавленную «Довольно русифицировать Литву!», которая призывает литовцев бойкотировать русский язык в официальных и общественных местах и предупреждает местных партийных и государственных чиновников, что они будут нести ответственность за участие в русификаторской политике режима. Наиболее примечательная черта литовской оппозиции советской языковой политике в том, что она пользуется широкой поддержкой у большей части населения республики. Более чем 5 тысяч подписей стоит под письмом в защиту литовского языка, которое было направлено осенью 1979 г. в ЦК КПСС и руководителям партии и правительства Литвы.

В Эстонии столь же четко проявилась стойкая преданность своему родному языку и культуре. В этом отношении характерны результаты переписи 1979 г., касающиеся знания русского языка. Согласно этим данным, эстонцы являются единственной нацией, имеющей статус союзной республики, у которой количество лиц, считающих русский язык своим вторым языком (как в целом по СССР, так и в их собственной республике), *снизилось* в период между 1970 и 1979 годами с 15,4% до 14,2%. В виду того, что этот факт противоречит общей для СССР тенденции увеличения количества людей, знающих русский, и того, что это снижение не было компенсировано увеличением числа эстонцев, назвавших русский язык своим родным, следует предположить, что, скорее всего, эстонцы, отказываясь признать свои знания русского, просто выразили таким образом нежелание пользоваться этим языком. Напряженность эстонско-русских отношений (в частности, в области языка и культурной

политики) нашла свое отражение и в советской прессе. Недавно газета «Молодежь Эстонии» развернула дискуссию по этой проблеме и просила читателей высказать свою точку зрения по затронутому вопросу:

Разговор о проблемах изучения эстонского языка в русских школах, о воспитании наших детей в духе уважения к народу, среди которого мы живем, о приобщении к культуре республики наша газета начала несколько месяцев назад. Живой отклик читателей, читательская почта свидетельствуют о том, что эти проблемы заслуживают сегодня самого пристального внимания, самого серьезного анализа.⁶

Несколько ранее тот же автор писал:

Говорить о воспитании интернационализма можно много. Нужно только гораздо последовательнее, тактичнее и конкретнее вести эту непростую работу. Конечно, проблема приобщения к культуре республики, в которой живешь, куда шире вопроса об обучении языку. Однако, начинать надо, видимо, именно с него. И тут слово за Министерством просвещения.⁷

Этническое напряжение, что скрывалось за этими сентиментами, вырвалось на поверхность во время массовых демонстраций в Таллине и других городах Эстонии в начале октября 1980 г., которые сопровождалось патриотическими призывами и требованиями вывода советских войск. Решение властей начать уголовное преследование участников демонстрации тотчас же вызвало появление письма 40 эстонских интеллигентов в «Правду» и республиканские партийные газеты «Советская Эстония» и «Rahva Hääl». Авторы письма, датированного 28 октября 1980 г., выражают свою обеспокоенность социальными и экономическими проблемами республики и замечают, что «опасные трещины раскалывают наше общество, наличие этих трещин приводит к антагонизму между учителями и теми, кого они учат, к конфликту между ведущими и ведомыми». Указывая на «недовольство, которое все усиливается в последние годы», авторы выражают

6. А. Зайцева, Урок эстонского языка, «Молодежь Эстонии», 8.01.1981 г.

7. А. Зайцева, Соседи или друзья, «Молодежь Эстонии», 21.05.1980.

мнение, что некоторые проблемы должны обсуждаться публично:

Нам кажется, что события, связанные с проблемой национальных отношений, сознательно представлены как акты хулиганства. Мы же хотим в этом письме прежде всего обратить внимание на национальный аспект социальных конфликтов... По нашему мнению, источником конфликтов и напряженности между национальностями в Эстонии является ощущение опасности или иногда даже страха за свою национальную идентичность, которое присуще двум самым большим национальным группам в Эстонии: эстонцам и русским. Страх является причиной иррационального, часто нескрываемо агрессивного поведения.⁸

Среди факторов, вызывающих у эстонцев страх и неуверенность в будущем их нации, авторы письма называют быстрое снижение процента эстонцев в республике (и в частности, в Таллине); ограниченное использование эстонского языка на производстве, в науке и в быту; растущий дефицит публикаций на эстонском языке; пропагандистская кампания за усиленное изучение русского языка в детских садах и неумеренный рост количества русских в республике за счет других народов; односторонняя пропаганда двуязычия среди эстонцев без аналогичной пропаганды изучения эстонского языка среди неэстонской части населения республики; назначение лиц со слабым знанием эстонского языка и мало заинтересованных в развитии эстонской культуры на ответственные должности, связанные с принятием решений по важным национальным и культурным проблемам.⁹ В заключение авторы письма подчеркивают еще раз то необычайно важное значение, которое эстонцы придают своему языку (в том числе и его символической роли в связи с дискриминацией и угнетением в прошлом) и настаивают на том, чтобы статус языка в Эстонии был тщательно определен специальным законодательством.

Подобным же образом события развиваются и в Грузии. Судя по всему, в ответ на директиву Елютина в декабре 1978 г. 365 грузинских интеллигентов, среди которых и ведущие

8. RFE-RL, Estonian intellectuals express their views, 477/80, p. 3.

9. См. также, Письмо 15 эстонских интеллигентов, «Форум» N3, сс. 128—145.

члены Академии наук, обратились с письмом к Л. И. Брежневу и руководителю компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе, протестуя против ограничений, налагаемых на грузинский язык и преподавание грузинской истории. В связи с проблемой языка подписанты ссылались на директиву Елютина, на правила 1975 г., которые требуют, чтобы кандидатские и докторские диссертации представлялись на утверждение в ВАК на русском языке, на изменения в школьных расписаниях, что привело к увеличению количества часов, предназначенных для предметов, преподаваемых на русском языке (за счет родного языка и других предметов, которые преподаются на родном языке), на пропагандистскую кампанию двуязычия. Заканчивалось письмо призывом отменить все эти меры, т. к.:

Все вышеизложенное, по существу, ведет к постепенной утрате национальных прав грузинского народа, завоеванных в борьбе с царизмом, противоречит ленинской национальной политике и является нарушением конституционного статуса грузинского народа.¹⁰

В более близкое время, 23 и 30 марта 1981 г. имели место демонстрации в Тбилиси, в которых принимало участие каждый раз около тысячи человек и которые были прямо направлены против «усиления русификации».¹¹ Во время второй демонстрации, что проходила возле здания Верховного Совета, когда там шла сессия IX съезда Союза писателей Грузии, демонстранты несли плакаты с требованием проявить озабоченность судьбой грузинского языка.

Реакция в других республиках была намного менее драматичной.

Недавно в латышском самиздате появились материалы, которые готовились осенью 1980 года для Мадридской конференции по проверке выполнения Хельсинкского Заключительного Акта. Авторы — две группы, называющие себя Движением за независимость Латвии и Комитетом демократической молодежи, — указывают на все усиливающиеся

10. См. «Форум» N4, сс. 90—92.

11. См. «Форум» N1, сс. 86—99.

попытки русифицировать латышский народ и на возрастание доминирующей роли русского языка в республике.

В Белоруссии тревога за судьбу родного языка прозвучала в большом очерке известного ученого-филолога и педагога Ф. М. Янковского, опубликованном в предназначенной для учителей «Настаўніцкай газеці» в июле 1979 года, т. е. вскоре после Ташкентской конференции. В очерке под названием «Память сердца» поднимаются важные вопросы, касающиеся отношений между родным языком и национальной культурой и необходимости принятия эффективных мер для сохранения белорусского языка. Янковский использует прием самоотстранения от темы и рассматривает ее как бы со стороны, а именно с точки зрения словацкого коллеги, который, как сказано в очерке, проявляет интерес к белорусскому языку. Ссылаясь на его книгу о положении словацкого языка в системе образования Чехословакии, Янковский пишет:

Автор подчеркивает центральное место родного языка при изучении предметов в VI — IX классах общеобразовательной школы, выделяет роль родного языка, материнского слова в воспитании школьников, усвоении ими достижений общечеловеческой культуры... Родной язык — главный из главных предметов, преподаваемых в школе. Это показывает и подтверждает примерами профессор. Родной язык — окно в мир... Без родного языка нет школы, нет народного образования для народа.¹²

Тревога Янковского не безосновательна. В 1972—73 учебном году 51,4% всех школьников Белоруссии получали образование на русском языке, а в городских центрах этот процент равнялся 97,6. Более того, в Минске не было ни одной школы, где преподавание велось бы на белорусском языке.

На Украине проблема языка обсуждалась в большом количестве самиздатских публикаций, начиная с первой половины шестидесятых годов. Не так давно Зарубежное представительство Украинской хельсинкской группы, возглавляемое генералом Петром Григоренко, издало чрезвычайно интересную работу правозащитника Юрия Бадзьо, в

12. Ф. М. Янковский, Память сердца, «Настаўніцкая газета», 14.07.1979 г.

которой анализируется суть советской национальной политики на Украине.¹³ Написанная в форме открытого письма в Президиум Верховного Совета СССР и ЦК КПСС работа подвергает всесторонней критике советскую теорию и практику в области национальных отношений. Письмо не датировано, но как ясно из контекста, оно было написано весной 1979 года, и следовательно, в нем использована информация об относительно недавних событиях. Бадзьо пишет:

«Резко уменьшилось количество научных изданий на украинском языке, соответственно и зарубежную классику для школ украинские издательства издают теперь на русском языке. Вечерние украинские телепередачи «На добраніч, діти» начали идти по-русски, последние даже перевешивают. На русский язык перевели Киевский театр оперетты, газету «Вечірній Дніпро» в г. Днепропетровске. Даже общество «Знання» часть своей продукции выдает уже на русском языке. Еще более русифицирована наглядная агитация на улицах Киева. Украинскоязычного кино у нас вовсе нет, и это, после русификации партийно-государственного аппарата, является одним из наиболее важных способов ассимиляционного давления на украинцев. То же самое надо сказать о телевидении и радио, которые также преимущественно русскоязычные».¹⁴

Подобная ситуация наблюдается и в школах:

«Далеко зашла у нас русификация дошкольных учреждений и образования. В Киеве, например, где украинцы составляют большинство, есть небольшое количество украинских детских садов и школ, но они украинские лишь по вывеске, особенно детские сады. Учителя киевских школ, как правило, общаются между собой по-русски, тем самым воспитывая у учеников пренебрежительное отношение к украинскому языку и культуре. Школьная внеклассная работа в украинских школах проводится преимущественно на русском языке».¹⁵

Общее впечатление Бадзьо, что Украина по существу превратилась в окраину русского государства. Следует отметить, что как раз тогда, когда Бадзьо писал свою работу, произошли важные персональные изменения в руководстве

13. За эту работу Юрий Бадзьо был весной 1979 г. арестован и в декабре того же года осужден на 12 лет неволи.

14. Ю. Бадзьо, Открытое письмо в Президиум Верховного Совета СССР и ЦК КПСС, Нью-Йорк, 1980, с. 40.

15. Там же.

компартии и правительства Украины, тесно связанные с системой просвещения. 26 апреля 1979 г. был снят с поста кандидата в члены Политбюро ЦК КПУ и потерял свою должность в Секретариате ЦК «в связи с переходом на другую работу» секретарь ЦК по вопросам идеологии В. Ю. Маланчук. Снятие Маланчука было совершенно неожиданным. Он удерживал оба поста в течение семи лет, выдвинувшись в первый эшелон руководства КПУ после устранения руководителя партии Е. Шелеста в 1972 году. Приблизительно через два месяца после снятия Маланчука потерял свой пост Министра просвещения УССР А. М. Маринич, который «перешел на научную работу». Его снятие сопровождалось критикой в республиканской газете «Радянська освіта». Хотя невозможно с уверенностью сказать, что стоит за этими перемещениями, все же нельзя исключить, что они могут быть связанными с возобновлением курса на широкое распространение русского языка в нерусских школах.

Как и во многих других областях советской внутренней политики, в языковой политике многие вопросы остаются безответными. В целом, складывается впечатление, что проведение твердой линии в национальной политике не всегда было успешным. Попытка исключить упоминание о государственном языке из конституций Закавказских республик — тому пример. Другой пример — высказывание Л. И. Брежнева по вопросам национальной политики в его речи 4 октября 1977 года на Чрезвычайной сессии Верховного Совета СССР, где подводились итоги дискуссии по проекту новой Конституции. Брежнев разъяснял тогда «некоторым товарищам», что их предложения о необходимости признания «единой советской нации», об ограничении суверенитета союзных республик или их полной ликвидации (вместе с автономными республиками), об устранении Совета Национальностей и образовании однопалатного Верховного Совета — неприемлемы. Примечательны предупреждения Брежнева об опасности искусственного форсирования процесса слияния наций. Можно было бы вспомнить, что в конце 1972 года Брежнев уже делал подобное заявление, но тогда он добавлял, что партия будет нетерпимой к любым попыткам затормозить процесс слияния наций. В 1977 году акценты были уже другие. Тенденция осторожного подхода к

национальному вопросу также прослеживается в специальной литературе по этому предмету, для большей части которой характерны судорожные и беспомощные попытки дать объяснение необъяснимому и сгладить противоречия исходных принципов. В то же время преследуются далеко идущие цели. Одна из таких целей — укрепить доминирующую роль русского языка во всем Советском Союзе. Резкие черты обычной советской национальной политики стараются смягчить в соответствии с требованиями дня. Успех или поражение политики режима в области языка будет в значительной степени зависеть от ответной реакции на подобные инициативы в нерусских республиках.

(Перевел с английского В. Малинкович)

Из «Хроники Литовской католической церкви», N 4¹⁾*

ЦЕРКОВЬ В СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИКАХ УКРАИНА

В феврале 1946 года усилиями советской власти в Западной Украине была официально ликвидирована Католическая церковь греческого обряда (униатская). Сначала были арестованы все униатские епископы, включая Львовского митрополита Иосифа СЛИПОГО. Вопреки канонам, был созван церковный собор, на котором не присутствовал ни один епископ Униатской церкви, а лишь несколько продавшихся властям священников и подобранные властями миряне — мнимые представители верующих. Этот собор решил присоединить Католическую церковь греческого обряда к Русской православной церкви. Советские источники этот акт изображают как решение, принятое верующим народом, и нагло утверждают, что не осталось верующих, верных унии с Римско-католической церковью. События, происшедшие после 35-летнего юбилея «присоединения», торжественно отмеченного Русской православной церковью в этом году, свидетельствуют, что эти утверждения — чистая ложь.

Хотя после «присоединения» все униатские приходы, не согласившиеся «присоединиться» к Православной церкви, официально лишились регистрации, а их храмы считались закрытыми, до сегодняшних дней в Западной Украине, однако, было еще много официально незарегистрированных храмов, ключи от которых хранились у верующих, собиравшихся там для общих молитв во время больших праздников. Чтобы не дать повода для окончательного закрытия таких храмов, тайно работавшие униатские священники избегали

* Перевод с литовского оригинала, сделанный на Западе.

служить в них молебны. Их обычно совершали в частных домах, а затем верующие молились сами в старых храмах. В течение всех 35 лет верующие таких приходов постоянно собирали подписи под заявлениями, которые отвозили уполномоченным по делам религий во Львове, в Киеве и в Москве, с просьбой зарегистрировать их общины. Однако ничего не могли добиться, и положение не менялось.

Этой весной, после позорного 35-летнего «юбилея» и XXVI съезда партии, положение стало меняться, но только не в лучшую сторону. Об этом свидетельствуют факты.

Униаты с. Завадов Стрыйского р-на 23 года постоянно пишут властям заявления, чтобы зарегистрировали их общину и храм. Заявления подписывали по 200-300 человек. В марте 1981 г. представители верующих Завадова отвезли подобное заявление в Москву уполномоченному Совета по делам религий. Их принял сотрудник этого учреждения Тарасов, который был очень любезен и, похлопав их по плечам, ободрил: «Ладно, ладно, у вас есть право иметь свой храм». Однако результаты этих любезных разговоров выявились только по возвращении. «Добрый» Тарасов позвонил по месту работы представителям верующих, чтобы там приняли меры... И хотя все представители официально имели отпуска для поездки, по возвращении начались репрессии — обсуждения на собраниях, переводы на худшую работу. 22 марта был совершен ряд репрессивных действий.

1. Представители власти и работники милиции Стрыйского р-на разграбили Завадовский храм, растащили литургические принадлежности, заколотили дверь храма, рядом прикрепив доску с объявлением, что здесь теперь не церковь, а музей.

2. Такая же судьба постигла храм с. Верхние Гаи Дрогобычского р-на.

3. Во Львове арестованы два молодых недавно рукоположенных священника — Есип Роман и Кавацив Василь, которые тайно обслуживали верующих этих приходов.

Закрывание храмов в селах Завадов и Верхние Гаи было только началом целой волны репрессий. 26 апреля католики греческого обряда праздновали Пасху. Наибольшая волна репрессий прокатилась накануне Пасхи, в Страстной Четверг, Страстную Пятницу и Субботу. Представители районной

власти и милиции нападали на окончательно еще не закрытые униатские храмы и собравшихся в них верующих. В Самборском районе совершено нападение на храмы сел Подгайчики, Сусолов и Хлопчицы.

В Подгайчиках нападали на храм дважды. В первый раз храм был полон верующих, поэтому нападавшие отступили, выждали, пока часть людей разойдется, и вечером напали вторично. И тут им повезло: вынесли из храма религиозные картины, навешали привезенных портретов, храм закрыли, объявив, что теперь это музей. Людей, которые пытались взять с собой выброшенные святые картины, милиционеры ловили. Один вернувшийся из армии юноша, оказавший сопротивление милиции, был приговорен к 15 суткам.

В Сусоловском храме тоже было много народу. Поэтому отступили, пригрозив, что церковь будет закрыта, так как собрание верующих нелегально. Поскольку люди дежурили в храме, второй раз напасть не посмели.

В Хлопчицком храме нашли церковного старосту, арестовали его, отняли ключ, навезли в храм плакатов, закрыли и ключ забрали с собой.

Пасхальным утром было совершено нападение на храм в Долголуке Стрыйского р-на. Верующие собрались ночью для молитвы и закрылись. Представители власти и милиции приехали на десяти машинах (жители Долголуки жалуются, что в случае надобности лишь с большим трудом получают машину) и выломали дверь храма. Началась схватка с верующими. Храм был закрыт.

В Городокском районе накануне Пасхи было совершено нападение на храмы в Тучапах, Путятичах, Мшане и Дроздовичах.

В Тучапском храме во время каждого религиозного праздника собирается для молитвы много людей. Шпионы, подсланные властями, следят за более активными верующими, затем их вызывают в район и облагают денежными штрафами. Накануне Пасхи на Тучапский храм напали 30 милиционеров и закрыли его. Инвалид Великой Отечественной войны Дорош за активность в нелегальном богослужении был наказан денежным штрафом с сумме 50 рублей. Пенсия у него ничтожная, поэтому штраф для него — большой материальный ущерб.

В Мшане ключ от храма был снят уже раньше, поэтому накануне Пасхи люди собрались на кладбище, находящемся возле храма. Милиция окружила кладбище, стреляли в воздух ракетами, избили 15 верующих, среди них одного старика.

На Дроздовичский храм нападение было совершено утром, когда все люди работали. Представители власти выломали дверь, все внутри разбили, затем дверь храма заколотили.

В Яворовском районе совершено нападение на храмы в Каменноброе и Мужилевичах.

В Каменноброе застали полный храм людей и, пригрозив, что он будет закрыт, отступили. Позже напали на усадьбу одной активной униатки. Дома ее не застали, провели обыск и ранили удочеренную девушку.

В униатский храм в Мужилевичах нападавшие привезли православного священника и предлагали его принять, а если не примут, храм будет отобран. Верующие отказались принять православного священника. Поскольку верующих было много, закрыть храм не посмели.

В Перемышлянском районе совершено нападение на Волковский и Мерещевский храмы.

В Волкове верующие собрались в храм вечером в Страстную Пятницу почтить гроб Христа (плащаницу). Опасаясь провокаций, закрылись. Нападающие выломали дверь ризницы, издевались над верующими и провели в храме обыск — искали скрывшегося официально не зарегистрированного священника.

В Мерещеве ворвавшиеся в храм запугивали верующих. Среди молившихся находился колхозный бригадир, который за участие в нелегальном богослужении был уволен с работы.

Накануне Пасхи милиция побывала и возле официально действующих православных церквей. Однако там довольствовалась проверкой, не присутствуют ли на молебнах дети. Обычно во время больших праздников у церквей стоят «украсившиеся» красными повязками ребята и задерживают приводимых на молебны детей, кое-где задерживают даже молодежь, хвастаясь, что хотят «оградить» богослужение от хулиганов.

В то же время известные властям неофициально работающие униатские священники вызывались в органы

госбезопасности, им угрожали арестом, если они посмеют совершать Пасхальное богослужение.

Во Львове у священника Гегельского произведен обыск, изъяты религиозные принадлежности и денежные сбережения.

В Путятичах Городокского района напали и избili священника Гриняка, шедшего к больному приобщить его святых тайн. Затем Гриняка обсуждали на товарищеском суде на фабрике во Львове, где он работал.

В Дрогобыче произведен обыск у священника Гринцишина, изъяты религиозные принадлежности, денежные сбережения, даже детские украшения.

Перед Пасхой в учреждениях была проведена кампания запугивания, чтобы люди не осмелились принять участие в Пасхальных богослужениях.

ПРОБЛЕМА КАРДИНАЛА

Никто в Литве не остался безразличным к известию о назначении новым кардиналом епископа Латышской католической церкви¹. Все живо обсуждают вопрос: что это означает?

Жизнь Латышской католической церкви в агонии: дети не обучаются Слову Божьему, в костелах почти не бывает молодежи, местных кандидатов в Духовную семинарию также почти нет, поэтому лимит, установленный властью, заполняется кандидатами из Белоруссии, Украины и даже Казахстана. Хотя формально Рижская семинария должна готовить священников для всего Советского Союза, в этом

1. 5.01.1983 г. Римский папа Иоанн—Павел II назначил кардиналом епископа Юлианса Вайводса (1895 г. рожд.), апостольского администратора гг. Риги и Лиепая.

году сан священника получил, кажется, один воспитанник. Среди латышских священников царит пассивность, страх и примирение с мыслью, что Церковь в Советском Союзе может существовать лишь при условии соблюдения Постановления о религиозных объединениях. Аналогично рассуждают и в полностью поработанной Русской православной церкви.

В то же время в Литве дети обучаются Слову Божьему, активно участвуют в религиозных обрядах, в костелах видно все больше молодежи, многие активно занимаются апостольством: за веру смело идут в тюрьмы. Напр., Ядвига Беляускене в 1982 г. арестована за апостольскую деятельность среди учащихся. Священники Литвы успешно отстаивают свою независимость от Постановления о религиозных объединениях.

Зная реальное положение Католической церкви в Латвии и Литве, священники и верующие Литвы были прямо-таки шокированы назначением кардинала Латвии. Они считают, что такое назначение символизирует признание пассивного и капитулянтского поведения Латышской католической церкви и одновременно игнорирование жертв, принесенных литовскими священниками и верующими, их упорной борьбы и решительного поведения. Советскую власть такое назначение полностью устраивает.

Соображения, что новый кардинал, возможно, будет мостом между Москвой и Ватиканом, мало что разъясняют. Догадки, что ссыльный епископ Юлийонас Стяпонавичюс, может быть, является кардиналом *in pectore*, сейчас мало утешают верующих и священников Литвы. Тем более, что письма литовских священников из Рима свидетельствуют, что в Ватикане кто-то изрядно опорочил имя этого честного ссыльного епископа.

После назначения кардинала Латышской католической церкви сосланный епископ Ю. Стяпонавичюс получил несколько очень злых анонимок. В одной из них пишется: «Мнимый кардинал *in pectore*! Это ты благославляешь деятельность сваринкасасов, тамкявичюсов, кейна, здябскисов и им подобных разрушителей единства Церкви. Святой Престол так оценил делишки твои и твоих «деятелей», что не католическая Литва, а протестантская Латвия получила

кардинала и еще одного епископа». Аноним подписался: «confrater, выражающий мнение большинства священников». Вероятно, он имеет погоны офицера КГБ. Другой аноним призывает Папу, епископов и священников молиться, «чтобы нечистый через епископа Стяпонавичюса не действовал в ущерб Церкви».

Злые анонимки, рожденные в стенах КГБ, получили также священники А. Сваринскас и Альгимантас Кейна.

Литовских священников удивляют не анонимки (они часто интересны хотя бы тем, что показывают, что думает КГБ по тому или иному вопросу), а приходящие в Литву письма некоторых литовских священников из Рима. В одном из них епископ Юлийонас Стяпонавичюс и «деятели-священники» обвиняются в том, что из-за них Папа выбрал кардинала не из Литвы, а из Латвии. Чем объяснить это неприятное совпадение — КГБ в Литве и некоторые священники в Риме говорят одинаково? Ответ только такой: КГБ мастерски дезинформировал по крайней мере некоторых влиятельных литовских священников в Риме, а тем самым — и Апостольский Престол. Отрадно лишь то, что Святой Отец не назначил кардиналом в Литве человека пассивного, занимающего конформистскую позицию. За это решение священники и верующие Литвы действительно благодарны Апостольскому Престолу.

О том, что КГБ ввел в заблуждение Апостольский Престол, свидетельствует и следующий факт. Еженедельник Вашингтонской епархии поместил статью священника Дойла, в которой тот рассуждает о причинах назначения кардинала из Латвии. Статья основана на достоверных сведениях, полученных кардиналом Л. Тулабой из Литвы, согласно которым Москва якобы предупредила, что в случае открытого назначения кардиналом епископа Стяпонавичюса Ватикан встанет перед трудной альтернативой, поскольку тогда Москва потребует отправки Стяпонавичюса либо в Ватикан, откуда он никогда не сможет вернуться в Литву, либо — в сибирские лагеря. Это сообщение Москвы — очередной шантаж КГБ, чтобы Апостольский Престол не назначил хорошего литовского кардинала. (В лагерь кардинала наверняка не отправили бы!) Если бы Литва получила хорошего кардинала, то, где бы он ни находился — в лагере

или в Риме, священники и католики ощутили бы моральную поддержку. Увы, сейчас в Литве торжествует лишь КГБ, а самые усердные священники и миряне чувствуют, что они оставлены совсем одни.

В Литву приходят вести (мы не можем проверить их объективность), что Святой Отец якобы недоволен отсутствием единства среди литовских священников и потому Литва не получила кардинала. Литовские священники не верят, чтобы Святой Отец мог не понимать действительного положения в Литве. КГБ искалечил часть священников, и они, под кнутом насилия, делают, пишут и говорят то, что хочет советская власть. Это они — величайшие разрушители единства духовенства. Возможно, что они больше всего и дезинформируют Ватикан, а подлинный голос Церкви из Литвы, сегодня тихий, редко доходит до Ватикана; кроме того, он еще и опорочен кагебистскими коллаборационистами.

В это трудное для Литовской католической церкви время, когда самых ревностных священников арестовывают, а усердие как бы и не ценится, священникам и верующим Литвы очень важно не растеряться и сохранить изначальное уважение и верность Апостольскому Престолу в дальнейшем. Провидение само позаботится, чтобы восторжествовала истинная верность. А триумф христианства всегда начинается с креста.

ГЛУМЛЕНИЕ НАД НАЦИОНАЛЬНЫМИ ЧУВСТВАМИ

(Письмо 25 крымских татар)

Генеральному секретарю Организации
Исламской Конференции
Копия: в Президиум Верховного Совета СССР

Мы, мусульмане крымскотатарской национальности, участвовавшие в похоронах нашего родственника и соотечественника Абдулджемиля Мустафа-Оглу, извещаем Вас и в Вашем лице всех мусульман о новом глумлении советских карательных органов над нашими национальными и религиозными чувствами.

Абдулджемиль Мустафа-Оглу — отец одного из активистов нашего национального движения за возвращение на Родину в Крым Мустафы Джемилева, после поголовного выселения всех крымских татар из Крыма в 1944 году проживал вместе со своими родными в Узбекистане. В 1977 г., в возрасте 78 лет, он, вместе с супругой и семьями двух своих дочерей, выехал в Крым, надеясь дожить там свои последние годы и быть похороненным на своей родной земле. Но органы власти, предпринимая все меры, чтобы не допустить возвращения крымских татар на свою Родину и открыто провозгласившие курс на славянизацию Крыма, начали против них, а также и против многих других возвращавшихся на свою Родину крымских татар, кампанию травли и преследований, пытаясь вынудить их покинуть пределы Крыма. Им отказали в нотариальном оформлении купленного дома, в прописке, и в течение около двух лет терроризировали различными незаконными штрафами, вызовами в милицию, прокуратуру, постоянными угрозами репрессий. Наконец, 12 апреля 1979 года к их дому подъехало около десятка автомобилей, наполненных милиционерами, пьяными «дружинниками», работниками КГБ, прокуратуры и представителями гражданской администрации Крымской области. Всю домашнюю утварь они погрузили в грузовик и вывезли за пределы Крыма, а все члены семей, в том числе старцы и младенцы были в тюремной машине доставлены в

Симферопольскую тюрьму, где их подвергли тщательному обыску, заперли в камеры и содержали два дня без пищи и медицинской помощи, а затем на поезде в сопровождении милиционеров вывезли за пределы Крыма. В эти же дни был пятый раз арестован и осужден к четырем годам ссылки в Якутию их сын Мустафа Джемилев, проживающий под гласным административным надзором органов МВД в Ташкенте.

В течение многих месяцев 80-летний Абдулджемиль Мустафа-Оглу и все выселенные вместе с ним родственники были вынуждены, в поисках крова, блуждать по поселкам Краснодарского края, а затем поселились в г. Абинске, где он и скончался 2 июня 1983 года.

Получив телеграмму о смерти своего отца, Джемилев Мустафа, уже отбывший срок ссылки и проживающий под гласным административным надзором в г. Янгиюле Ташкентской области, обратился с заявлением в милицию за разрешением на выезд. В своем заявлении он указал, что, в соответствии с предсмертной волей отца, намерен похоронить его в Крыму, и требовал разрешения на проезд также на территорию Крымской области. Получив соответствующее разрешение милиции Узбекистана, он вылетел в Крым, подготовил на одном из кладбищ Крыма место для захоронения своего отца, и выехал в г. Абинск.

5 июня, после всех предусмотренных шариатом ритуалов, похоронная процессия на нескольких легковых автомобилях двинулась в направлении Крыма

Примерно через два часа пути, у поста автодорожной инспекции, расположенного в 12-ти километрах от паромной переправы на территорию Крыма, похоронная процессия была остановлена работниками милиции, милиционеры отобрали удостоверения у водителей нескольких наших машин, в том числе и у водителя автомобиля, везшего покойника, и сообщили, что, согласно полученному ими распоряжению, похоронная процессия должна быть возвращена в г. Абинск. Мы предъявили справку санэпидемической станции с разрешением на вывоз покойника за пределы Абинского района и потребовали немедленно пропустить процессию, объяснив, что, в соответствии с

нашими обычаями, покойник должен быть похоронен до заката солнца.

В свое оправдание работники милиции, ссылаясь лишь на распоряжение своих начальников, сказали, что нам следует подождать около часа пока подъедет само это начальство. Примерно через два часа у автомобильной инспекции собрались начальники местных отделений КГБ и милиции. Все они в один голос, без всяких ссылок на какие-либо законы, стали утверждать, что мы не имеем права хоронить своих покойников в Крыму, а должны хоронить лишь по месту прописки, и требовали возвратиться обратно, угрожая, в противном случае, репрессиями против «зачинщиков». Тогда мы вышли из автомобилей, взяли покойника на руки, оставив около машин несколько соотечественников, направились к паромной переправе пешком. Когда мы прошли несколько километров, в небе появился вертолет УВД Краснодарского края, который облетел похоронную процессию, а потом подлетел к зданию автоинспекции и оттуда передали работникам какие-то указания. Затем к процессии подъехали и задержанные ранее наши автомобили, водители которых сообщили, что им возвратили удостоверения и разрешили проезд к переправе. Мы решили, что наконец-то милиционеры получили благоразумное распоряжение своего начальства, вновь уложили покойника в машину и направились к паромной переправе.

Когда мы подъехали к пропускному пункту порта, милиционеры закрыли ворота, а полугруженный паром был отправлен в сторону Крыма. Вскоре к порту подъехало еще 5 милицейских машин с милиционерами, которые плотным кольцом стали у ворот. Вновь прибывшие чины КГБ начали в угрожающих тонах «разъяснять», что они ни в коем случае не пропустят нас на территорию Крыма. Прибывший на катере из г. Керчи зам. начальника УВД подполковник милиции А. Денисов начал перечислять около десятка районных, областных, краевых инстанций, без разрешительных резолюций которых он якобы не имеет права позволить перевоз покойника на территорию Крыма. Нелепость, незаконность и издевательский характер подобных требований были вполне очевидны, потому что лишь для объезда всех перечисленных инстанций потребовалось бы около недели, а если принять во

внимание существующую бюрократическую практику, то сбор подписей и резолюций чиновников следовало бы начинать за многие месяцы до смерти человека. Кроме того, нам известно много прецедентов, когда покойников других национальностей перевозили без каких-либо разрешений как в Крым, так и из Крыма в другие области. Мы стали требовать, чтобы нам предъявили соответствующий закон или правительственное указание, которые подтверждали бы предъявляемые требования о якобы необходимости официальных разрешений перечисленных нам административных органов. Нам отвечали, что не помнят, когда и кем был издан подобный указ, но заявляли, что скорее пойдут на самые крайние меры, чем пропустят покойника на территорию Крыма.

Эта перепалка под знойным солнцем продолжалась пять часов. Все это время работники милиции и КГБ вели среди собравшейся на переправе толпы пассажиров и водителей подстрекательскую агитацию против нас. Так, полковник Денисов, обращаясь к толпе, заявил, что из-за нас остановлено движение парома, в результате чего страдают ни в чем не повинные женщины и дети. Аналогичную и явно шовинистическую агитацию они стали вести, собирая вокруг себя отдельные группы обывателей. Подогретые подобной агитацией и продукцией близлежащего вино-водочного магазина, отдельные личности, пользуясь явным одобрением работников милиции, стали выкрикивать в наш адрес и в адрес всего нашего народа оскорбления и угрозы перевернуть автомобиль с покойником. Один из офицеров, ст. лейтенант милиции Геннадий Дереев, открыто обратился к водителю стоявшего неподалеку тяжелого грузовика с предложением наехать на легковой автомобиль с покойником, обещая оформить это как случайное дорожное происшествие, случившееся не по вине водителя грузового автомобиля. На тех же, кто выражал свое возмущение по поводу незаконных действий милиции, они обрушивались с угрозами или выводили из толпы. Так, например, была уведена одна женщина, которая, подойдя к нам, громко выразила свое сочувствие нашему намерению похоронить покойника на своей Родине.

В этой обстановке у нас не оставалось другого выхода, как повернуть машины и повезти покойника на одно из

близлежащих кладбищ, расположенных по эту сторону Черного моря, т. е. на территории Краснодарского края.

Мы проехали к станции Тамань, расположенной в 60 км от паромной переправы, где в настоящее время проживает несколько сотен семей крымских татар. При подъезде к Тамани нас вновь стали останавливать милиционеры, но, так как на захоронение оставалось немного времени, то автомобиль с покойником и еще две следовавшие за ним машины, пренебрегая милицейскими сигналами, подъехали к кладбищу. Остальные автомобили были остановлены благодаря одному из наиболее ретивых милиционеров, который «героически» растянулся прямо на дороге.

У владельцев остановленных машин были отобраны водительские удостоверения и им не разрешили проезд к кладбищу.

Родственники и близкие покойника, которым на первых двух автомобилях удалось пробраться к кладбищу, пронесли тело к месту захоронения и начали копать могилу. Через несколько минут все кладбище было оцеплено милиционерами, которые не пропускали местных жителей, пытавшихся принять участие в похоронах. К месту захоронения подошли начальник Темрюкского отделения КГБ Груздин и начальник милиции г. Абинска майор Канев, который заявил, что хоронить покойника здесь также не разрешается и потребовал немедленно вернуться в г. Абинск. Ему ответили, что везти покойника в Абинск не намерены, а если кто-либо из милиционеров притронется к покойнику, то это может привести к драматическим последствиям.

Начальники отошли на несколько шагов от могилы и наблюдали за похоронами вместе с группой милиционеров из 36-и человек и лиц в штатском.

Мы опустили тело в могилу, засыпали землей, вознесли молитву и, в сопровождении колонны милицейских машин, выехали в Абинск. Несколько милиционеров остались на кладбище для круглосуточного дежурства — очевидно, власти полагали, что ночью крымские татары эксгумируют тело и вновь попытаются вывезти его в Крым.

На следующий день некоторые участники похорон были вызваны в отделение милиции и КГБ, где их пытались обвинить в организации беспорядков, угрожали возможными

последствиями, если на поминки соберется слишком много людей и будут допущены высказывания против властей.

8 июня Мустафа Джемилев выехал из Абинска в Тамань, чтобы перед вылетом в Узбекистан посетить могилу отца, но был задержан милицией, и против него был составлен протокол о нарушении правил административного надзора, так как по словам милиционера, органы внутренних дел Узбекской ССР, выдавая ему разрешение для выезда на похороны, не указали в «маршрутном листе» ст. Тамань. Таким образом, ему вновь угрожает арест и осуждение на два года лишения свободы по статье уголовного кодекса, предусматривающей ответственность за нарушение правил административного надзора.

После поголовного выселения нашего народа из Крыма в 1944 г. в СССР сменилось несколько правителей. Власти признали, что выселение целых народов со своих национальных территорий, ликвидация их национальных автономий и наложение правовых ограничений на граждан по их национальному признаку — были грубым нарушением законов страны и норм человечности. Но, по-прежнему, основная масса крымских татар продолжает оставаться на местах ссылки и лишена возможности вернуться на свою Родину. Нашему народу уготована участь быть русифицированным, потерять свою национальную культуру и самобытность, исчезнуть как нации. За последние четверть века еще не было ни одного дня, чтобы в советских тюрьмах и лагерях не находились бы участники нашего национального движения за возвращение на Родину.

Действия властей на похоронах 5 июня 1983 года являются лишь одним их эпизодов, иллюстрирующих их пренебрежение к нашим религиозным чувствам и национальным обычаям, их яростное стремление не допустить возвращения в Крым его коренных жителей, причем, даже мертвых.

Мы обращаемся к своим единоверцам и ко всем людям доброй воли с просьбой поднять голос в защиту наших суверенных прав и, тем самым, способствовать справедливому разрешению нашего национального вопроса.

Участники похорон: Аметов Ильми (г. Абинск), Асанов Амет (г. Абинск), Аблаев Ремзи (Крым), Азаматова Ава (ст. Тамань), Аб-

дуллаев Икмет (п. Сенное), Бариев Айдер (с. Баканка), Джемилев Асан (г. Ташкент), Джемилев Анафи (г. Ташкент), Измайлов Халил (с. Баканка), Консул Мустафа (г. Абинск), Ильясов Дильшат (г. Новороссийск), Османов Смаил (с. Партизаны), Сейдалиев Осман (ст. Тамань), Рамазанов Абляким (г. Абинск), Сейтвелиев Риза (г. Абинск), Шабанов Эльдар (Крым), Эмиров Айдер (г. Генеческ), Чашуев Усеин (г. Абинск), Усеинов Февзи (г. Абинск), Мидат (г. Генеческ), Владимир (г. Генеческ), Азаматова Сервер (ст. Тамань).

О РАННЕЙ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВ НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ

В школьном курсе истории СССР евреи практически не упоминаются. Нет о них речи и в учебниках по истории отдельных республик, если, конечно, не считать таких брошенных вскользь замечаний, как найденное мною в учебнике по истории Армянской ССР, где говорится об армянском царе, заселившем свою новую столицу греками и евреями, которые при подходе неприятельских войск открыли им ворота города.

Между тем евреи появились на нынешней территории СССР раньше едва ли не всех ныне проживающих на ней народов, имели на этой территории крупнейшее в своей истории иудаистское государство — Хазарский Каганат, активно предавались величайшей в летописи иудаизма ереси — караимству (и сохранили до наших дней остатки этой религиозной секты), приняли бурное участие в становлении сионизма и колонизации Палестины, оказали весьма серьезное влияние на победу большевиков во время октябрьского переворота и гражданской войны.

Первым серьезным внешнеполитическим актом Киевской Руси явился разгром Хазарского Каганата.*

Среди покоренных Российской империей в XVII-XIX веках народов были, кроме польского, украинского, белорусского и румынского еврейства, такие осколки еврейской диаспоры, как бухарские, грузинские и дагестанские евреи, караимы и крымчаки. Все эти этнографически различные еврейские общины сформировались задолго до возникновения Мос-

* Он же был и первой крупной политической ошибкой русских князей: сдерживаемые несколько веков хазарами орды кочевников из Азии хлынули в причерноморские степи, перерезали пути торговли Руси с Византией и в конечном счете привели к падению значения Киева.

ковского государства. Последнее пережило в самом начале своей истории крупное идеологическое потрясение, связанное с евреями: ересь жидовствующих. С конца XVIII века еврейский вопрос является одной из главных внутривнутриполитических проблем Российской империи. Император за императором издают тома исключительного законодательства о евреях. Но в курсах истории СССР все эти вопросы обходятся молчанием. Впрочем, и история евреев на их средиземноморской родине Палестине имеет тенденцию к исчезновению со страниц советских учебников истории.

Замалчивание фактов еврейской истории вообще и истории евреев на территории СССР в частности хорошо согласуется с советским рецептом решения еврейской проблемы: ускоренная насильственная ассимиляция под прессом полуофициального антисемитизма плюс, в последние десять лет, фактическое изгнание под видом эмиграции наиболее беспокойных элементов еврейства (без права не только на возвращение, но даже без права навещать оставшихся в СССР родственников). Не секрет, что с наибольшей легкостью разрешения на выезд получают менее других поддающиеся ассимиляции дагестанские, грузинские и бухарские евреи, в то время как ассимилированное еврейство городских центров России и Украины, Белоруссии и Молдавии насильно удерживается в стране.**

** Интересно, что тот же рецепт решения национального вопроса предложен (точнее навязывается) советской властью еще одному крупному народу, лишенному в СССР, как и евреи, даже культурной автономии: я имею в виду немцев, которые, после уничтожения Автономной республики немцев Поволжья, очутились, пожалуй, даже в худшем положении, чем евреи. Уровень образования немцев многие годы искусственно сдерживался и в результате живущее вдалеке от столицы немецкое население лишено возможности создать сильное национальное движение, информировать своих соотечественников за рубежом о каждом факте отказа в эмиграционных визах. К тому же немцы, благодаря своему традиционному трудолюбию, играют важную роль в советском сельском хозяйстве, из которого их ни за что не хотят отпускать, в то время как евреи массово вытесняются по крайней мере из одной из главных сфер их деятельности: из науки и высшей школы. Все это объясняет соотношение порядка 1 : 10 в пользу еврейской эмиграции,

Золотой век еврейской истории — царствование царя Давида и его сына Соломона — кончился распадом еврейской державы на два царства, в результате чего возникли Израиль на севере Палестины и Иудея на ее юге. Вражда между ними, почти постоянные войны, привели к ослаблению и того, и другого, а затем и к гибели сначала Израиля, а потом и Иудеи.

«В двенадцатый год царя Ахаза, царя Иудейского, воцарился Осия, сын Илы, в Самарии над Израилем, и царствовал десять лет. И сделал он неугодное в очах Господних, но не так, как цари Израильские, которые были прежде его. Против него выступил Салманассар, царь Ассирийский, и сделался Осия подвластным ему и давал ему дань. И заметил царь Ассирийский в Осии измену, так как он посылал послов к Сигору, царю Египетскому, и не доставлял дани царю Ассирийскому каждый год; и взял его царь Ассирийский под стражу, и заключил его в дом темничный. И пошел царь Ассирийский на всю землю, и приступил к Самарии, и держал ее в осаде три года. В девятый год Осии взял царь Ассирийский Самарию, и переселил Израильтян в Ассирию, и поселил их в Халахе и в Хаворе, при реке Гозан, и в городах Мидийских».

Так повествуется в 4-й книге Царств (гл. 17, 1-6) о попытке последнего израильского царя Гошеа восстать против Ассирии, о взятии в 722 г. до новой эры Саргоном Ассирийским столицы Израиля Самарии и о выселении десяти северных колен израилевых в Ассирию.

Больше об этих десяти коленах библия не упоминает, что дало основание некоторым историкам утверждать, будто все переселенные ассирийцами израильтяне ассимилировались среди завоевателей.

Причины молчания авторов библейского текста легко объяснить. Два века великого политического соперничества

существовавшие на протяжении 70-х годов. Не надо также забывать, что евреев поддерживает со всей решительностью государство Израиль и влиятельное американское еврейство, в то время как немцы СССР могли долгие годы рассчитывать в лучшем случае на «тихую дипломатию» руководителей ФРГ.

и вражды между Израилем и более провинциальной Иудеей наложили свой неизгладимый след на отношение колена Иуды к остальным израильским племенам. Так и не сумев добиться победы над Израилем на поле битвы, окрепнувшее в вавилонском плену жречество иудеи, монополизировавшее право судить о том, что хорошо, а что плохо в вопросах иудаизма, взяло идеологический реванш над своими на 135 лет ранее их выселенными из земли обетованной северными братьями, отомстило им путем заговора молчания.

Тридцать веков еврейской истории демонстрируют такой цепкий инстинкт национального самосохранения, что я готов скорее поверить легендам евреев Йемена, Южной Индии и Крыма, провозгашающим их потомками десяти северных колен, чем косвенной «похоронной» иудейских жрецов. Вероятнее всего, лишённые необходимости тысячами гибнуть в междуусобных войнах, в завоевательных походах своих царей и в оборонительных войнах против могущественной Ассирии, бывшие жители Израиля сравнительно спокойно жили и множились в «городах Мидийских», заселяли новые области и в своих торговых экспедициях действительно основывали колонии в названных выше отдаленных странах.

Менее полувека продолжался знаменитый вавилонский плен. Достаточно вполне, чтобы оправиться от потрясения насильственной депортации, завоевать сильные экономические позиции в Вавилонской державе. Но слишком мало, чтобы расселиться по ее северным окраинам, где новые властители Востока — персы должны были познакомиться с их религией, проникнуться симпатией к евреям и вступить с ними в военный союз: известно, что в войсках благородного Кира сражались еврейские отряды. Да и вряд ли пошли бы процветавшие в Вавилоне иудеи служить в армию северного завоевателя.

Более того, быстрый рост вавилонской колонии иудеев скорее всего объясняется притоком в столицу израильтян из покоренных Вавилоном ассирийских областей. Иначе опять-таки нелегко понять, как смогла Вавилонская еврейская община в год покорения Вавилона персами отправить в Иерусалим 42 360 «халуцов» (переселенцев). Тем более, что «совершенно так же, как в наши дни миллионы американских

и европейских евреев остались на местах, ограничиваясь материальной и моральной поддержкой делу восстановления Израиля, — так и тогда больша́я, а может быть бо́льшая часть еврейского населения Вавилонии не последовала за „пионерами”» (Ю. Марголин, «Повесть тысячелетий», 1973, стр. 52-53).

Чтобы объяснить последующий быстрый рост еврейского населения земли обетованной, некоторые историки принимают гипотезу, согласно которой переселенцев из Вавилона было еще больше, порядка 125 тысяч человек, а число 42 360 указывает на количество глав семей. Если согласиться с этой гипотезой, то наше предположение о значительном еврейском населении Вавилонии в период, предшествовавший вавилонскому плену, становится еще более правдоподобным.

Итак, не исключено, что еще в восьмом веке до нашей эры на территории, которая ныне рассматривается как арена событий, изучаемых курсом истории СССР, появились первые евреи. Ведь Мидия — это современный южный (или Иранский) Азербайджан, область, примыкавшая к юго-западному берегу Каспийского моря. Ясно, что какая-то часть еврейского населения Мидии должна была увлекаться дальше на север, на Кавказ и в Среднюю Азию многочисленными завоевателями, проходящими через нее. В прошлом столетии один караимский историк утверждал, что караимы являются потомками евреев, пришедших со скифами в причерноморские степи в шестом веке до н. э.

Нынешняя территория СССР имела большие пересечения не только с территорией державы персов, которая владела Средней Азией вплоть до Аральского моря, но и с областями двух других великих империй древности — империи Александра Македонского и Римской империи. Если при персах евреи мирно заселяли Среднюю Азию, а при римлянах — побережье Черного моря и Крым, то при Селевкидах, унаследовавших северную часть обширных владений Александра Великого, к этому мирному процессу прибавился еще один. Тот, что в последние два тысячелетия станет

основным мотором еврейских миграций: бегство от преследований. Спасаясь от насильственной эллинизации, от враждебного греческого населения, евреи перебираются все дальше на север, на самую окраину тогдашнего цивилизованного мира.

К этой общей картине профессиональный историк смог бы добавить много конкретных штрихов и уточняющих нюансов. Можно было бы, например, рассказать о том, как один из потомков последнего еврейского царя Ирода Великого, был возведен римлянами на вассальный армянский престол. Однако, все это не меняет общей картины, которая сводится к следующему: *в течение целого тысячелетия после образования еврейской диаспоры, южные окраины нынешней территории советской империи заселялись евреями.*

Согласно старинным армянским летописям в начале нашей эры в долинах Закавказья существовало плотное, в основном городское, еврейское население. Наличие такого же населения в городах Крыма и Черноморского побережья Кавказа подтверждается многочисленными археологическими находками. На древность происхождения бухарской еврейской колонии указывает большое внешнее сходство бухарских евреев с окружающим местным населением.

Велика роль евреев в проникновении христианства в Закавказье, в том, что история СССР могла бы гордиться возникновением первого в мире христианского государства: в 301 году н. э. Армения, опередив Римскую Империю, сделала христианство государственной религией. Через три десятилетия ее примеру последовала Грузия, причем в преданиях о святой Нине, посвятившей свою жизнь пропаганде христианства среди грузин, прямо говорится, что она ходила в населенные евреями города обсуждать с ними тексты Библии, училась у них. Именно благодаря отмеченной выше плотности еврейского населения Закавказья армяне и грузины оказались подготовленными к восприятию христианства, которое на своей ранней стадии сравнительно мало отличалось от иудаизма, а порой просто рассматривалось как

вариант последнего.

Вот как описывает этот общий процесс Ю. Марголин: «После того, как евреи Диаспоры всюду, вольно и невольно, сблизились с окружающим населением, перенимая его язык и нравы, — наступил с огромной силой обратный процесс: воздействие еврейского предания, еврейской религии, еврейского духа на окружающий мир. (...) Естественно, что первыми распространителями христианства были евреи: в первом веке н. э. христианство распространялось по каналам еврейских общин в Малой Азии, Греции и Риме».

Первоначально христианское население Закавказья, само по происхождению частично еврейское, мирно уживалось с евреями. Те же армянские хроники называют много евреев, занимавших самые почетные должности в Армении. В частности знаменитый род Багратуни, давший Армении множество знаменитых полководцев, долгое время сохранял иудаизм. Лишь по мере роста расхождений между иудаизмом и набиравшим силу христианством ситуация изменилась и евреи стали подвергаться все возрастающим преследованиям. В какой-то момент четверем братьям Багратуни пришлось делать свой выбор. Двое из них приняли христианство и продолжили историю своего рода, два других остались верны религии отцов и были убиты.

В многострадальной Армении, в многовековой истории борьбы с мусульманскими захватчиками, в которой христианство играло роль основного фактора самосохранения (сравнимого с ролью иудаизма в истории еврейского народа), все еврейское население оказалось перед нелегким выбором, тем же, что и братья Багратуни.

В результате, выжившая часть еврейства полностью слилась с армянами и не сохранилась до наших дней. В Грузии, быть может благодаря постоянному притоку евреев в приморские порты, а также из-за большего распространения более благосклонного к иудаизму, чем христианство, мусульманства, судьба оказалась к ним более милостивой и тифлиские евреи дожили до советской власти.

Преследование евреев со стороны христиан в Армении и Византии в первые века средневековья, привело к увеличению численности еврейских колоний в городах Причерноморья, таких как Ольвия, Пантикапея, Финагория и Анапа. В

седьмом веке евреи азиатской диаспоры вошли в соприкосновение с только что возникшим и экспандирующим мусульманством. Для истории СССР (точнее, для хорошего курса такой истории) это имело следующие косвенные последствия.

В северном Иране с давних времен происходило смешение еврейского населения (уж не тех ли самых потомков десяти северных колен израилевых) с ираноязычными племенами. В результате этого смешения образовался народ татов, которые говорили на одном из иранских языков, но исповедывали иудаизм. Когда мусульманские завоеватели добрались до их городков и деревень, таты во главе со своим князем тронулись с обжитых мест и отступили вдоль побережья Каспийского моря до Дербента, где, перегородив узкую приморскую долину мощными стенами от гор до моря, сдержали на какое-то время натиск арабов.

Борьба против общего врага сблизила татов с хазарами — тюркским народом, создавшим в низовьях Волги сильное государственное объединение полукочевых племен и в течение ряда веков бывшего гегемоном степей к северу от Кавказа и от Каспийского и Черного морей. Хазарский каганат, имевший до того лишь одного сильного врага — Византийскую империю, столкнулся теперь в лице воодушевленных учением Мухамеда арабов с еще более серьезным противником. Завоевавшие Среднюю Азию арабы напали на каганат как со стороны приаральских степей, так и со стороны Кавказа.

К чести хазар и их естественных союзников — татов, ставших вскоре вассалами хазар, нужно сказать, что они сдержали натиск арабов и тем самым спасли Восточную Европу от нашествия войск мусульманских калифов. Потом вслед за первым и самым сильным натиском, начались десятилетия локальных войн, боевых походов и дипломатии. С помощью последней и Византия, и мусульманские калифы пытались сделать то, что им не удалось сделать с хазарами силой оружия: обратить в свою веру, вовлечь в сферу своей политики, поработить. Византия пыталась обратить хазар в христианство, калифы — в мусульманство. В этой религиозно-дипломатической войне хазарам понадобилось более сильное идеологическое оружие, чем их традиционный

языческий культ. Им нужна была религия, отличная и от христианства, и от мусульманства, и в то же время идеологически не менее стройная, чем эти две религии. И хазары сделали своей официальной религией иудаизм.

Не последнюю роль в принятом хазарами решении сыграло то обстоятельство, что их сильнейший вассал — князь татов — исповедывал иудаизм. Впрочем, с этой религией хазары были и раньше знакомы: от жителей причерноморских городов, из-за которых Хазария вечно воевала с Византией, от многочисленных еврейских купцов из Средней Азии, Персии, Европы, хазары не могли не узнать об иудаизме. Короче говоря, в 740 году хазарский правитель (каган) Булан принял иудаизм и, начиная с его внука Обадии, воцарившегося около 800-го года, более десятка непрерывно следовавших друг за другом правителей каганата носило еврейские имена, исповедывало иудаизм.

К этому времени преследование евреев мусульманами (но не христианами) практически везде прекратилось и начался золотой век мусульманско-еврейской цивилизации, одним из центров расцвета которой стала — ныне советская — Средняя Азия. Хазары болезненно воспринимали любое известие о преследованиях евреев в других странах, но сами проявляли широчайшую веротерпимость и, как это и предусмотрено догмами иудаизма, никого в свою веру насильственно не обращали. В результате, наряду с иудаизмом — религией знати, горожан и купечества, число приверженцев которого, как считают некоторые ученые, вряд ли превышало 50 тысяч человек (если не считать татов), в хазарском каганате свободно сосуществовали христианство, мусульманство и язычество.

Взаимоотношения хазарского каганата со славянскими племенами, а затем и с юной Киевской Русью, были длительными и сложными. Славянские племена полян, северян и вятичей долгое время были подвластны хазарам. «По мнению некоторых историков (Бруцкус) Киев был основан хазарами и обязан им своим названием: киевляне до 862 года платили хазарам дань» (Ю. Марголин, там же, стр. 108).

Века борьбы с Византией и арабами и, как считает историк Лев Гумилев, ухудшение экономической ситуации из-за наступившего в степях периода пониженной влажности, привели к ослаблению могущества каганата. В этих условиях он не смог оказать серьезного сопротивления новой силе — варяжско-славянской Руси и в 965 году киевский князь Святослав разгромил каганат.

Остатки хазар укрылись на Северном Кавказе (в частности, нашли приют у татов), в Крыму и городах северного причерноморья (впрочем, из последних их русские вскоре вытеснили), в долинах степных рек.

«... собирается вещей Олег отмстить неразумным хазарам. Их селы и нивы за буйный набег обрек он мечам и пожарам». Поэт не ошибся: бывшие кочевники, ко времени столкновения каганата с Русью сделались искусными огородниками (добавим: и рыболовами). В долинах степных рек бывшие граждане бывшего гегемона степи, предоставленные самим себе, пережили несколько веков бурной татаро-монгольско-русской истории и, сохранив атмосферу степной вольницы, дали в более поздние времена приют беглецам, спасавшимся от начинавшегося на Руси тотального закабаления. Так, по мнению Льва Гумилева, начиналось степное казачество.

Как мы уже отмечали, в городах Крыма с незапамятных времен имелось значительное еврейское население. Если в начале нашей эры евреи Крыма и подвергались значительной ассимиляции со стороны греков, то с началом преследования евреев христианами в Византийской империи еврейские колонии в Крыму стали получать столь значительный приток за счет беженцев, что никакая ассимиляция не могла больше угрожать их существованию.

В период расцвета Хазарии Крым попадает в вассальную зависимость от Каганата, а со временем и входит в его состав. К этому моменту евреи Крыма в большей мере были охвачены религиозным брожением, связанным с распространением караимства. Это крупнейшее в истории иудаизма ревизионистское течение (если не считать христианства) воз-

никло во второй половине восьмого века в Палестине, где основоположник нового учения Анан бен-Давид проповедовал отказ от всех толкований Священного Писания (т. е. от Мишны и Талмуда), выработанных в течение тысячелетия раввинами и духовными академиями Вавилонии и Палестины. Он призывал каждого еврея самого вчитываться в Тору (Ветхий Завет), задумываться и делать самостоятельные выводы.

Этот революционный призыв оказался брошенным в то время, когда, с одной стороны, евреям была предоставлена большая свобода в процветающем молодом мусульманском мире и когда, с другой стороны, еще не был забыт ошеломляющий успех другого духовного революционера — Пророка Мухамеда. Довольно быстро караимство распространилось по всей обширной еврейской диаспоре и едва не привело к гибели традиционного иудаизма. Однако в основной идее Анана бен-Давида крылось и зерно быстрого (по историческим меркам) заката караимства. Призыв толковать самостоятельно Священное Писание был лишь в малой степени осуществим для большинства простых евреев. На практике он вылился в принятие массами караимов толкований, предложенных их авторитетами. Пока Анан бен-Давид был жив, его влияние было так сильно, что практически все караимы придерживались того толкования Торы, которое давал в своих книгах он — основатель учения. Однако после его смерти караимские авторитеты разошлись во взглядах, перессорились, и в результате возникло много локальных центров караимства. Одним из них стал Крым.

Этим центрам, тратившим много сил на идейную борьбу друг с другом, пришлось также выдержать яростнейшую атаку традиционного иудаизма, который обладал не только духовной, но и значительной светской властью: во многих странах рассеяния еврейские общины управлялись экзилархами — еврейскими «князьями». В результате караимство почти везде сошло на нет и к началу нынешнего тысячелетия сохранилось лишь в немногих общинах в основном на окраинах еврейской Диаспоры. Крым был одним из таких исключений из общего правила. Преобладание караимов над иудаистами было здесь столь велико, что слово «караим» стало заменять слово «еврей».

Трудно сказать, в какой мере караимство было распространено среди хазар, но когда разгромленные Русью хазары укрылись в Крыму, они приняли господствующее в местной еврейской общине караимство, смешались с караимами, и вскоре слово «караим» становится названием не только приверженца определенного религиозного течения, но и нового народа.

В процессе смешения хазар с евреями (караимами) Крыма преобладающим в численном отношении элементом были, очевидно, хазары. Во всяком случае караимы, дожившие в Крыму до наших дней, безусловно, — народ тюркский, не только по языку, но и по внешнему виду. Это обстоятельство позволяет предположить, что к концу существования Каганата количество иудаистов в нем значительно возросло, или же что уже в Крыму даже те хазары, которые ранее не признавали иудаизм, обратились в караимство.

Ко времени татарского завоевания Крыма, караимы окончательно сложились в самостоятельный народ и пришедшие с татарами новые группы евреев не смешались с ними. Под властью крымско-татарского хана караимы продолжали составлять большую долю городского крымского населения. Когда же хан крымский стал союзником находившегося в процессе становления нового северного государства — Литовского княжества, население которого не было привычно к городской жизни и к ремеслам, большие группы караимов были уступлены литовскому князю для заселения возводимых им городов. С тех давних пор обосновались караимы в древней литовской столице Тракае, где живут и по сей день.

Татаро-монголы отличались первое время той же веротерпимостью, что и хазары. Это привлекло к ним на службу и в их войска большое число евреев. Из своих походов в Среднюю Азию и Персию привели татары целые отряды присоединившихся к ним евреев. В отличие от смуглых караимов это были евреи классического «библейского» типа — рыжеволосые и голубоглазые. Осев в Крыму, они положили начало еще одной волне еврейской колонизации сей благодатной земли. Смешавшись с некараимским еврейством Крыма, они создали этническую группу, известную под названием крымчаков.

Заканчивая этот краткий очерк еврейской истории на современной территории СССР, отметим еще, что после исчезновения Хазарского Каганата немало евреев обосновалось и в Киевской Руси. Они жили при дворе князя Андрея Боголюбского, в Киеве и Чернигове. О них упоминают ранние летописи, а «Повесть временных лет» рассказывает о первом еврейском погроме на Руси, происшедшем в 1113 году.

СОЦИОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА

Т.Заславская*

О НЕОБХОДИМОСТИ БОЛЕЕ УГЛУБЛЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ В СССР СОЦИАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

(Доклад на научном семинаре в Москве)

1. Существенное отставание производственных отношений советского общества от развития производительных сил

На протяжении ряда десятилетий экономическое развитие советского общества характеризовалось высокими темпами и большой устойчивостью. Это невольно навеивало представление об ограниченности данных черт для планомерно управляемой социалистической экономики. Однако, в последние 12-15 лет в развитии народного хозяйства СССР стала обнаруживаться тенденция к заметному снижению темпов роста национального дохода. Если в восьмой пятилетке среднегодовой прирост его составлял 7,5% и в девятой 5,8%, то в десятой он снизился до 3,8%, а в первые годы одиннадцатой составил около 2,5% (при росте населения страны в среднем на 0,8% в год). Это не обеспечивает ни требуемых темпов роста жизненного уровня народа, ни интенсивного технического перевооружения производства.

* Татьяна Ивановна Заславская (1927 г. рожд.) — академик АН СССР, заведующая отделом социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР (директор института — акад. А. Г. Аганбегян), профессор Новосибирского университета.

Повышение эффективности и убыстрение темпов развития экономики представляют первоочередную заботу партии, народа, ученых. Анализируя причины негативных тенденций в экономике, отдельные группы ученых делают акцент на ухудшение условий добычи минерального сырья, учащение засушливых лет, структурные диспропорции в народном хозяйстве страны (отставание инвестиционного комплекса, транспортных связей), недостаточную заинтересованность работников результатами труда, слабость трудовой дисциплины и прочее. Все эти факторы действительно играют определенную роль в формировании рассматриваемых тенденций, но они носят частный характер, в то время как ухудшение экономических показателей имеет место в большинстве отраслей и районов. Следовательно, в основе этого явления лежит более общая причина. По нашему мнению она заключается в отставании системы производственных отношений и отражающего ее механизма государственного управления экономикой от уровня развития производительных сил, конкретнее — в неспособности этой системы обеспечить полное и достаточно эффективное использование трудового и интеллектуального потенциала общества.

Основные черты действующей системы государственного управления экономикой СССР (а следовательно, и проявляющейся через ее посредство системы производственных отношений) сложились примерно пять десятилетий назад. С тех пор эта система неоднократно подправлялась, обновлялась и совершенствовалась, но ни разу не подвергалась качественной перестройке, отражающей принципиальные сдвиги в состоянии производительных сил.

Важнейшие особенности системы государственного управления советской экономикой, отмечаемые в научной литературе, включают: высокий уровень централизации хозяйственных решений, адресно-директивный характер планирования производства, слабое развитие рыночных отношений (несоответствие цен потребительских товаров и средств производства их общественной стоимости, централизованное материально-техническое снабжение предприятий, отсутствие рынка средств производства и прочее), централизованное регулирование всех форм материального

стимулирования труда, преобладание отраслевого принципа управления над территориальным, ведомственную разобщенность управления отраслями и подотраслями хозяйства, ограниченность экономических прав, а соответственно — и экономической ответственности предприятий за итоги хозяйственной деятельности, ограничение всех видов неформализованной экономической активности населения в сферах производства, обслуживания, обмена. Все эти черты отражают преобладание административных методов управления над экономическими, и централизованных — над децентрализованными.

Научной основой описанной выше системы управления экономикой является разработанное экономической наукой теоретическое представление о закономерностях общественного воспроизводства при социализме. Частично оно отражено в учебниках по политэкономии и конкретным экономическим дисциплинам, философских и экономических словарях, а частично может быть экстрагировано из практики управления народным хозяйством. Главными элементами его являются представления:

1) О том, что социалистические производственные отношения «опережают» развитие производительных сил, что исключает противоречия между ними.

2) Об отсутствии при социализме глубоких, а тем более антагонистических противоречий между личными, групповыми и общественными интересами, равно как и между интересами разных классов и общественных групп¹.

3) О непосредственно общественном характере труда работников социалистического производства.

4) О вытекающей отсюда необязательности подтверждения общественной необходимости индивидуальных затрат на производство товаров через рыночный механизм, т. е. неорганичности товарно-денежных отношений для социалистической экономики.

5) О безусловном социально-экономическом домини-

1. Весьма убедительная критика этих положений дана А. П. Бутенко в статье «Противоречия развития социализма как общественного строя». Журнал «Вопросы философии», N 10, с. 20-27.

ровании общественного производства над всеми видами неформализованного личного и группового труда, практической невозможности «конкуренции» за труд, рабочее время трудящихся, материально-вещественные производственные ресурсы и рынки сбыта продукции между общественным и личным секторами социалистической экономики.

6) О работниках социалистического производства как «носителях рабочей силы», трудовых ресурсах общества, объекте централизованного управления «сверху». Поскольку ресурсы, по самой своей природе, пассивны, поскольку они не действуют, а «используются», не совершают поступков, а «функционируют», не меняют рабочих мест, а «распределяются» и «перераспределяются», постольку от людей, выступающих в качестве «трудовых ресурсов», также не ожидается активности, например, участия в управлении, творческой инициативы, борьбы за собственные идеи.

7) Об абсолютном доминировании в экономической деятельности людей материальных потребностей, стимулов и мотивов (в противовес реальной сложности ее мотивации, в частности существенной роли социальных и духовных мотивов).

Описанные представления, как и базирующаяся на них система централизованного преимущественно административного управления экономикой, в основном соответствовали уровню развития производительных сил советского общества в 1930-х годах. Материально-техническая база крупного социалистического производства тогда только начинала формироваться, уровень реального обобществления труда оставался сравнительно низким. Связи между отраслями, предприятиями, регионами еще легко «просматривались» из центра и могли регулироваться «сверху». Подавляющую часть рабочих промышленности составляли недавние выходцы из села со слабо развитым правосознанием и без претензий на участие в управлении. У большинства из них материальные стимулы к труду доминировали над социальными и духовными. Будучи сравнительно мало развиты, они представляли собой удобный объект управления.

Область выбора разных форм поведения в экономической сфере, отвечающих интересам работников, в тот период

была достаточно ограничена. Хотя формально в стране не было безработицы, во многих районах и отраслях имелись скрытые и структурные излишки труда. Боязнь потерять работу, а также трудность получения жилья, сковывали подвижность работников, прочно привязывали их к предприятиям. Миграция сельского населения в города ограничивалась отсутствием паспортов, а для колхозников также необходимостью получения согласия общего собрания колхоза. Средний уровень заработной платы не намного опережал прожиточный минимум, требуемый для содержания семьи. Поэтому основная часть работников практически не имела выбора между трудом и досугом: большинство стремилось работать в полную силу, чтобы улучшить материальное положение семьи. Надо было скопить что-то и на «черный день», поскольку государственного обеспечения по болезни и по старости не было. Ко всему этому надо добавить, что в конце 1930-х гг. на предприятиях и в учреждениях были введены почти военные меры трудовой дисциплины (суд за опоздание на работу или прогул, тюремное заключение даже за мелкое хищение общественной собственности и проч.) Это была общественная система, в рамках которой люди последовательно рассматривались в качестве «винтиков» народнохозяйственного механизма и вели себя почти так же послушно (и пассивно), как машины и материалы.

Однако со времени описанного периода миновали десятилетия, в течение которых политическая и экономическая ситуация в советском обществе коренным образом изменилась. Современное состояние его производительных сил отличается от 1930-х годов не только количественно (по масштабам), но и качественно (на многие «порядки» и «поколения»). Во много раз усложнилась отраслевая, ведомственная и территориальная структура народного хозяйства, колоссально выросло число ее звеньев, а тем более — их технологических, экономических и социальных связей. Сложность народнохозяйственной структуры давно уже перешагнула порог, когда ее можно было эффективно регулировать из единого центра. Наблюдаемое в последние пятилетки возникновение и непрерывное углубление региональных, отраслевых и экономических диспропорций в

народном хозяйстве СССР яснее, чем что-либо другое, свидетельствует об исчерпании возможностей централизованно-административного управления хозяйством, необходимости более активного использования «автоматических» регуляторов балансирования производства, связанных с развитием рыночных отношений. В этих условиях отстаивание учеными положений о непосредственно общественном характере социалистического труда и «особом» характере социалистических товарно-денежных отношений оказывает дурную услугу обществу.

Важные сдвиги произошли и в социальном типе работника социалистической экономики. Несопоставимо возрос уровень его образования, культуры, информированности, социального и правового самосознания. Основное ядро квалифицированных рабочих, от которых в первую очередь зависит эффективность производственного процесса, сегодня имеет довольно широкий политический и экономический кругозор, способно критически оценивать деятельность хозяйственных и политических руководителей, четко осознает свои интересы и при необходимости умеет их отстаивать. Спектр потребностей и интересов современных рабочих во много раз богаче и шире, чем работников 1930-х годов, причем, помимо экономических, он включает развитые социальные и духовные потребности. Свидетельствуя о существенном повышении уровня личного развития работников, это одновременно говорит и о том, что они стали значительно более сложным объектом управления, чем прежде.

Изменение доминирующего социального типа работника, в свою очередь, было бы невозможно без существенных сдвигов в социально-экономических условиях деятельности людей. Демократизация политической жизни, расширение и конституционное закрепление прав личности, всеобщая паспортизация и выравнивание гражданских прав всех групп населения, резкое повышение уровня жизни, введение социального обеспечения по болезни и старости, а также возникший в последние годы дефицит труда в большинстве отраслей и регионов страны, способствовали значительному расширению свободы экономического поведения трудящих-

ся, а в силу этого — повышению роли субъективных факторов в развитии экономики.

Наконец, в течение рассматриваемого периода качественно изменились материально-техническая база производства и требования, предъявляемые им к живому труду. Во много раз возросла масса и стоимость средств производства, приводимых в действие этим трудом, его техническая вооруженность. В результате намного повысился, с одной стороны, уровень производительности труда, а с другой, масштаб ущерба, наносимого обществу недобросовестным трудом, нарушением трудовой и технологической дисциплины, безответственным отношением к технике и т.д. Распространение во многих отраслях хозяйства целостных технологических систем, повышение удельного веса в труде функций наладки, контроля, регулировки и совершенствования технологических линий заметно повысило требования к квалификации, надежности и ответственности живого труда, субъективной включенности работников в выполняемую деятельность и проч. Генеральный секретарь Болгарской коммунистической партии Тодор Живков следующим образом обобщил эти тенденции: «Сегодня для плодотворной и эффективной работы необходимы современные знания, умение управлять сложной техникой и технологическими процессами, высокая организованность и дисциплина, готовность взять на себя ответственность и пойти на обоснованный риск, способность к поиску новых идей и решений, новых методов работы»². Фактически же человек нередко становится наиболее слабым звеном технологической цепи.

Общими результатами этих сдвигов являются, с одной стороны, возрастание технологических требований к трудовому поведению работников, а с другой — снижение эффективности централизованного управления производством, базирующегося на административной регламентации

2. Т. Живков. Доклад на Пленуме ЦК КПБ 29 ноября 1982 г. «Основные положения партийной концепции нового Кодекса о труде». «Работническо дело», 3. 12. 1982 г.

деятельности нижестоящих звеньев вышестоящими. Рассчитанная на сравнительно низкий уровень развития трудящихся, эта система оказывается неспособной регулировать поведение более развитых в личностном отношении и экономически свободных работников, обеспечить достаточно эффективное использование их трудового и интеллектуального потенциала, высокий уровень трудовой, производственной и плановой дисциплины, хорошее качество работы, эффективное использование техники, равно как и позитивные способы поведения руководителей предприятий, работников бухгалтерского учета, материально-технического снабжения и проч.

Все это, как нам кажется, свидетельствует о том, что действующая система производственных отношений существенно отстала от уровня развития производительных сил. Вместо того, чтобы способствовать их ускоренному развитию, она все более превращается в тормоз их поступательного движения. Одним из проявлений этого служит неспособность производственных отношений обеспечить нужные обществу способы поведения трудящихся в социально-экономической сфере. Остановимся на этом вопросе подробнее.

2. Производственные отношения социализма и социально-экономическое поведение трудящихся

Одной из особенностей нашего времени является значительное усиление роли поведенческих факторов в функционировании и развитии экономики. Характер социально-экономического поведения работников оказывает решающее влияние как на условия, так и на эффективность производства. Поэтому успешно управлять производством сегодня можно, лишь научившись регулировать поведение работников.

Социально-экономическое поведение представляет собой систему взаимосвязанных поступков и действий, совершаемых трудящимися в социальной и экономической сферах общества, исходя из своих интересов, в целях удовлетворения своих материальных, социальных и духовных потребностей. Отражая субъективный аспект человеческой деятельно-

сти, поведение оказывает существенное влияние на ее результаты и эффективность.

Виды социально-экономического поведения трудящихся чрезвычайно разнообразны. Подробно описывать их нет ни необходимости, ни возможности. Поэтому ниже мы ограничимся кратким перечислением важнейших видов этого поведения с указанием того, на какие виды экономики каждый из них влияет.

Демографическое поведение, реализующееся в сфере воспроизводства человека, проявляется в обычных для разных групп населения сроках вступления мужчин и женщин в брак, средней продолжительности браков, сроках, частоте и причинах их расторжения, количестве и сроках рождения детей. К этой же области следует отнести поведение, связанное с сохранением трудоспособности и здоровья, поддержанием жизни. Последнее проявляется в степени соблюдения режимов труда и отдыха, способах профилактики заболеваний, лечения и самолечения, распространения, с одной стороны, занятий физической культурой и спортом, а с другой — вредных привычек (пьянства, алкоголизма, наркомании). Особенности демографического поведения сказываются на общей численности, динамике, возрастно-половом составе, состоянии здоровья и территориальном размещении дееспособного населения, а также детей, подростков, престарелых и инвалидов.

Поведение населения в сфере образования, проявляющееся в выборе профессий, форм общего и специального обучения, участии в разных формах повышения квалификации, самообразовании и проч., является фактором формирования профессионально-квалифицированной структуры кадров.

Миграционно—мобильное поведение проявляется в стимулируемых личными и групповыми интересами перемещениях трудящихся, с одной стороны, между сферами занятости, отраслями, предприятиями, профессиями, с другой — между регионами, городом и селом, различными городами и селами. Результатом его являются сдвиги в территориально-отраслевом распределении рабочей силы и обеспеченность отдельных участков производства трудом.

Профессионально-трудоовое поведение работников на

занимаемых рабочих местах характеризуется их отношением к труду, уровнем соблюдения дисциплины, качеством работы, степенью выполнения норм, ответственностью, надежностью, проявлением хозяйственной инициативы и проч. Главными итогами его являются эффективность производства и качество продукции.

Лично-хозяйственное поведение представляет субъективный аспект деятельности населения в личном секторе производства: труда в личных подсобных хозяйствах или коллективных садах, индивидуального жилищного и хозяйственного строительства, занятий различными промыслами, охотой, рыболовством и т. д. Способы этого вида поведения трудящихся определяют, с одной стороны, масштабы затрат труда в личном секторе производства, с другой — объем создаваемой в нем дополнительной продукции.

Разнообразны способы поведения людей и в сферах *распределения, обмена и потребления*. Влияние их сказывается в первую очередь на пропорциях распределения национального дохода: соотношений фондов потребления и накопления, уровне и структуре доходов разных общественных групп и проч.

Направляемое личными и групповыми интересами социально-экономическое поведение трудящихся оказывает существенное влияние едва ли не на все стороны экономики и поэтому представляет собой один из источников стихийности в ее развитии. Роль стихийного, т. е. нерегулируемого, поведения трудящихся в развитии социалистической экономики не однозначна. Некоторые его виды нередко влекут за собой нарушения плановости, возникновение диспропорций, снижение темпов развития производства. Зато другие виды этого поведения свидетельствуют о раскрепощении творческих сил работников, повышении их трудовой активности, активном использовании социальных резервов эффективности производства. Поэтому управление экономическим поведением работников представляется сложным.

В рамках этой проблемы можно выделить две задачи, требующие разных подходов. Первая заключается в определении для каждого вида социально-экономической деятельности оптимальной, с точки зрения общественных интересов, области личного поведения работников, не регламентируе-

мого «сверху». Второй задачей служит косвенное обеспечение тех способов социально-экономического поведения работников в оставляемой области выбора, которые соответствуют общественным интересам.

Постановка первой задачи связана с тем, что граница между деятельностью «как таковой» и ее субъективным аспектом — поведением — подвижна. Она зависит от того, насколько жестко регламентируется данная деятельность. К примеру, при слабой трудовой дисциплине работники имеют возможность трудиться лишь часть рабочего времени, допускать простои, выпивать на рабочих местах и проч. Наименее дисциплинированная часть работников пользуется этой возможностью, в то время как основное кадровое ядро работает честно. В этих условиях использование рабочего времени служит важной характеристикой трудового поведения рабочих.

Наведение порядка, повышение требовательности к дисциплине труда, усиление контроля за использованием рабочего времени меняют ситуацию: пребывание работников на рабочих местах становится нормой и тем самым перестает отражать особенности их индивидуального поведения. Теперь их личностное отношение к труду проявляется в разной тщательности работы и, соответственно, неодинаковом качестве производимой продукции. Более строгая регламентация качества продукции ведет к дальнейшему сужению области трудового поведения работников, которое ограничивается, к примеру, неодинаковым расходом сырья, энергии, материалов, разным участием в управлении, рационализаторской деятельностью и т. д.

В целом, чем жестче регламентируется трудовая и экономическая деятельность извне, тем уже область личного поведения исполнителей и, казалось бы, меньше влияние поведенческих факторов на развитие производства. Но какова действительная зависимость между жесткостью административной регламентации деятельности и эффективностью развития экономики? Действительно ли, чем более жестко контролируются все аспекты деятельности работников, тем успешнее ее результаты? На этот вопрос следует ответить отрицательно, причем по целому ряду причин.

Во-первых, административное регулирование трудовой и

другой экономической деятельности носит централизованный характер и в большинстве случаев осуществляется без учета условий конкретных районов, отраслей, предприятий. А так как эти условия различны, то практическое осуществление регламентирующих правил и норм наталкивается на местах на большие трудности и не всегда ведет к положительным результатам.

Во-вторых, ужесточение регламентации деятельности усиливает потребность в административном контроле за соблюдением установленных правил, что чревато расширением непроизводительного труда и ухудшением экономических показателей предприятий. Поэтому на практике повседневный контроль за соблюдением установленных правил часто отсутствует, и эти правила не соблюдаются. В результате фактическая область свободы поведения работников не только не сокращается, но иногда заметно растет. Нередко возникает парадоксальная ситуация, когда возможность проявления позитивной инициативы трудящихся сводится множеством административных ограничений к нулю, а спектор антиобщественных способов поведения остается довольно широким.

Во-третьих, усиление административной регламентации деятельности, хотя и способствует ликвидации некоторых негативных способов поведения, но почти неизбежно ведет к сужению творческих элементов труда, ограничению экономической и технической инициативы работников, переключению их личностных интересов в сферу семьи, досуга, собственного хозяйства и проч. А между тем перевести экономику с экстенсивного пути развития на интенсивный можно лишь при условии реализации всех имеющихся социальных резервов, всего творческого потенциала трудящихся.

Итак, социалистическое общество заинтересовано в том, чтобы, регламентируя ключевые аспекты социально-экономической деятельности трудящихся, оставлять им достаточно широкую область свободы личного поведения. Отсюда — необходимость управления собственно поведением, т. е. субъективным отношением работников к социально-экономической деятельности. Административные методы управ-

ления здесь бессильны.³ Управлять поведением можно лишь косвенно, с помощью стимулов, учитывающих экономические и социальные потребности работников и направляющих их интересы в нужную обществу сторону. При этом, чтобы управлять поведением, недостаточно обеспечить правильную направленность интересов каждого класса или общественной группы. Нужно добиться, с одной стороны, увязки общественных, коллективных и личных интересов трудящихся «по вертикали», а с другой — интеграции интересов классов и групп, взаимодействующих друг с другом как бы в «горизонтальной» плоскости.

Постановка этих задач предполагает серьезную перестройку системы государственного управления экономикой, а именно, отказ от административных методов управления с высокой централизацией хозяйственных решений и последовательный комплексный переход к экономическим методам регулирования производства.

3. Стратегия совершенствования производственных отношений

Насущная необходимость перестройки системы государственного управления экономикой теоретически давно осознана партией, она отражена во многих решениях, принимавшихся партией в течение последних десятилетий. В частности, в постановлениях XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС, ноябрьского (1979 г.), октябрьского (1980 г.), майского (1982 г.) Пленумов ЦК КПСС. В речи на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС тов. Ю. В. Андропов вновь подчеркнул, что «необходимо создать такие условия — экономические и организационные, — которые стимулировали бы качественный, производительный труд, инициативу и предприимчивость. И наоборот, плохая работа, бездеятельность, безответст-

3. Большое количество интересных и весьма конкретных идей о методах регулирования трудового поведения работников с помощью экономических рычагов высказано в докладе Т. Живкова на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПБ (газета «Работническое дело», от 3.12.1982 г.)

венность должны самым непосредственным и неотвратимым образом сказываться и на материальном вознаграждении, и на служебном положении, и на моральном авторитете работников»⁴.

Однако пока проблема не решена и действующая система управления народным хозяйством упрямо сохраняет черты, необходимость решительного преодоления которых отмечается в документах партии. Решения, принимаемые по этому вопросу, реализуются медленно и половинчато, словно наталкиваясь на скрытое сопротивление. При этом методы более или менее успешного продвижения в намеченном направлении время от времени сменяются «отливами», возвращением к административным методам управления, игнорирующим требования экономических законов.

Причины этого положения, как нам кажется, можно разделить на идеологические, социальные и научные. Идеологическим тормозом активного изменения принципов управления экономической жизнью является господство упрощенного представления о механизме совершенствования социалистических производственных отношений. Так, в энциклопедии «Политическая экономия», отмечается, что «производственные отношения каждого общества образуют более устойчивую (по сравнению с производительными силами — Т. 3.) целостную систему, развивающуюся по собственным законам, на определенном этапе отстают от производительных сил, становятся тормозом дальнейшего прогресса работников, средств или технологических форм производства»⁵. Далее говорится, что в антагонистических обществах конфликт между уровнем развития производительных сил и состоянием производственных отношений проявляется в обострении классовой борьбы. «Наступает либо период острых социально-экономических и политических внутрiformационных потрясений, модифицирующих и приспособляющих производственные отношения к новым

4. Газета «Правда», от 23. 11. 1982 г.

5. Ю. А. Васильчук, «Соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил закон». Энциклопедия «Политическая экономия», М., изд-во «Советская энциклопедия», 1979, т. 3, с.589.

условиям производства, либо эпоха общего кризиса данной общественной формации и ее гибели в результате социальной революции»⁶.

В отличие от этого, социалистическое общество планомерно «регулирует развитие производственных отношений, обеспечивает соответствие между ними и постоянно растущими производительными силами, тем самым существенно ускоряя экономический и социальный прогресс»⁷. Совершенствование производственных отношений осуществляется здесь путем непосредственного изменения конкретных хозяйственных форм, согласования экономических интересов через различные формы стимулирования, а также изменения организационных структур управления и хозяйственного законодательства.

Согласно представлениям, развиваемым в учебниках политической экономии, в рамках капиталистической формации совершенствование производственных отношений представляет социальный процесс, отражающий конфликт между общественными классами и группами, в социалистическом же обществе, по сути дела, оно лишается социального содержания, перестает отражать борьбу интересов каких-либо общественных групп, т. е. приобретает почти «технический» характер. Особенно четко эта точка зрения выражена в последнем издании «Философского словаря», в соответствующей статье которого прямо утверждается, что при социализме нет групп, заинтересованных в сохранении отживших производственных отношений, и потому совершенствование последних протекает без социальных конфликтов⁸.

Анализ последних десятилетий развития нашей экономики вынуждает подвергнуть эту точку зрения сомнению. Он показывает, что процесс совершенствования социалистических производственных отношений протекает сложнее, чем принято полагать, поскольку перестраивать существующую систему производственных отношений приходится общест-

6. Там же, с. 589.

7. Л. И. Абалкин. «Производственные отношения». Энциклопедия «Политическая экономия», М., изд-во «Советская энциклопедия», 1979, т. 3, сс. 273—274.

8. «Философский словарь», М., 1980, с. 116.

венным группам, занимающим в ней довольно высокое положение и, следовательно, привязанным к ней личными интересами.

Как известно, центральное звено системы производственных отношений составляет господствующая форма собственности на средства производства, конкретизирующаяся в отношениях владения, распоряжения и использования. Система этих отношений формирует особенности и различия положения общественных групп, их интересы и поведение. Конкретная система управления народным хозяйством, отражающая ту или иную модификацию производственных отношений, обуславливает соответствующее распределение влияния между общественными группами, центральными экономическими и отраслевыми ведомствами, органами отраслевого и территориального управления, министерствами и объединениями, объединениями и предприятиями и т. д. Поэтому коренная перестройка управления хозяйством существенно затрагивает интересы многих общественных групп, части которых она сулит улучшение, а другой части — ухудшение их положения.

В силу этого предпринимаемые высшими органами власти попытки совершенствования производственных отношений, приведения их в большее соответствие с новыми требованиями производительных сил не могут протекать бесконфликтно. Успешное решение этой задачи возможно лишь на основе использования продуманной социальной стратегии, которая одновременно активизировала бы деятельность групп, заинтересованных в изменении современных отношений, и блокировала бы действия групп, способных этому изменению помешать. Предпринимавшиеся в последние пятилетки попытки перестройки управления народным хозяйством не учитывали социальных аспектов совершенствования производственных отношений социализма, что и было, как нам представляется, одной из причин постигших их неудач.

Вторую группу причин, обусловивших недопустимую затяжку перехода к экономическим методам руководства, мы назвали социальными. В этой связи зададимся вопросом, интересы каких общественных групп затрагиваются переходом от преимущественно административных к преимущественно экономическим методам руководства?

По мнению многих советских экономистов, одной из особенностей современной системы государственного управления экономикой СССР является относительная ослабленность функций, с одной стороны, высшего звена, т. е. органов, представляющих общегосударственные интересы (Госплана СССР и др.), а с другой, низшего звена, т. е. непосредственных производителей продукции — объединений и предприятий. В отличие от этого, функции промежуточного звена управления — министерств и ведомств (с их территориальными органами) явно гипертрофированы. Отсюда — ведомственная разобщенность управления экономическими процессами, нарушения пропорциональности развития хозяйства, скованность экономической инициативы трудовых коллективов и неформализованных групп населения.

Любая серьезная перестройка управления хозяйством сопровождается определенным перераспределением между различными группами работников управления прав и обязанностей. При этом расширение прав каждой группы, как правило, сочетается с возрастанием обязанностей, а ограничение обязанностей — с уменьшением прав. В силу этого отношение большинства групп к возможным преобразованиям производственных отношений и отражающего их хозяйственного механизма неоднозначно.

Так, часть работников центральных органов управления, роль которых в перспективе следует увеличить, опасается существенного усложнения своих обязанностей, поскольку экономические методы управления требуют гораздо более высокой квалификации руководящих кадров, чем административные методы. Настороженное отношение этой группы работников к идее последовательного перехода на экономические методы управления нередко проявляется в необоснованных утверждениях, будто этот переход способен ослабить централизованное начало в развитии социалистической экономики, уменьшить реальную значимость плана.

Работникам отраслевых министерств и их территориальных органов перестройка производственных отношений сулит существенное сужение и упрощение обязанностей. Однако оно чревато столь же значительным уменьшением их прав, экономического влияния, более того, численности их аппарата в частности, ликвидацией многих ведомств, управ-

лений, трестов, отделов и проч., разраставшихся в последние десятилетия как грибы. Естественно, что эта перспектива не устраивает работников, занимающих в настоящее время многочисленные «теплые местечки» с малопонятным кругом обязанностей, но вполне приличным заработком.

Логически группами, наиболее заинтересованными в переходе к экономическим методам управления, должны быть, во-первых, руководящие «штабы» предприятий (объединений), права которых предполагается резко расширить, во-вторых, рядовые рабочие и ИТР, которые смогут полнее использовать личные способности, более эффективно работать и получать более высокий доход. Однако на практике обе названные группы неоднородны по своему субъективному отношению к намечаемой перестройке хозмеханизма. Наиболее квалифицированные, энергичные и активные представители этих групп считают, что сейчас работают не в полную силу. Они хотят полнее самореализоваться в труде, иметь лучшие условия жизни и потому поддерживают идеи интенсификации экономики. В отличие от этого, более инертная, пожилая и менее квалифицированная часть работников опасается, что за известное расширение прав и доходов придется «заплатить» резким усложнением обязанностей, ростом напряженности труда, повышением экономической ответственности за его результаты. А это многим совсем не по вкусу, тем более, что действовавшая в течение десятилетий система производственных отношений формировала преимущественно пассивный тип работников, исповедующих известные принципы: «мне не больше всех нужно» и «моя хата с краю».

Из сказанного видно, что общественная необходимость совершенствования производственных отношений, а также отражающей их системы управления экономикой, не находит прямого и точного отражения в интересах многих общественных групп. В этом заключается социальная причина высокой устойчивости системы жестко централизованного, преимущественно административного, управления хозяйством, неэффективность которой давно осознана партией, отражена в ее решениях.

Третья группа причин названного явления связана с недостаточным уровнем развития общественной науки,

отсутствием у нее полностью разработанной «модели» нового хозмеханизма. Дело в том, что производственные отношения представляют собой целостную систему, все элементы которой взаимосвязаны. Это проявляется в их способности «отторгать» экспериментально внедряемые в них элементы более эффективных, но качественно отличных экономических отношений. В сущности, на протяжении последних десятилетий наблюдалась серия попыток внедрения в действующую систему отдельных прогрессивных методов управления и их последовательного отторжения, как не соответствующих ее духу. Анализ накопленного в данной области опыта приводит к выводу о невозможности усовершенствовать сложившийся много десятилетий назад механизм управления экономикой, постепенно заменяя наиболее устаревшие его элементы более эффективными. По-видимому, следует признать дискретный характер смены конкретных систем производственных отношений в процессе развития коммунистической формации, означающий, что эта смена происходит достаточно редко (раз в несколько десятилетий), но зато является комплексной и глубокой.

Естественно, что решиться на столь серьезное преобразование производственных отношений социалистическое общество может лишь под влиянием объективной необходимости, при наличии четко поставленной цели и надежно обоснованных средств ее достижения. О первой стороне этого вопроса мы уже говорили: необходимость преобразования производственных отношений и системы управления хозяйством имеется, и его цели достаточно ясны. Экономическая цель этого преобразования заключается в повышении эффективности и темпов развития народного хозяйства, а социальная — в устранении препятствий общественному, профессиональному и личностному развитию трудящихся, формировании у работников подлинно социалистического отношения к труду. Однако средства достижения этих целей ясны пока только в общих контурах, скорее как принципиальные направления, чем как окончательные формы преобразования новых производственных отношений.

Сегодня наша общественная наука не располагает целостной, внутренне согласованной, продуманной во всех

конкретных деталях «моделью» системы управления экономикой, которую оставалось бы только взять и перенести из научных разработок в практику. Правда, советскими юристами, экономистами, социологами создан весьма серьезный задел к построению такой системы. Особое место здесь занимает выдающееся, с нашей точки зрения, исследование Б. П. Курашвили, небольшой фрагмент которого появился недавно в печати⁹, исследования Р. О. Халфиной, М. И. Козыря, Н. П. Федоренко, В. А. Тихонова, И. И. Лукинова и многих других крупных ученых. Но тем не менее сколько-нибудь законченной «модели» нового хозмеханизма наша наука пока не имеет и при современных способах организации исследований в принципе иметь не может.

Действительно, вспомним, как проектируются технические устройства большой сложности. Для этих целей создаются специальные научные коллективы, работающие по единому плану под руководством главных конструкторов, что обеспечивает структурную целостность проекта, согласование и увязку всех его элементов. Причем подобные работы проводятся в теснейшем контакте с государственными органами управления, обеспечивающими материальные и финансовые условия успеха.

Сложность хозяйственного механизма управления экономикой на много порядков выше сложности всех существующих технических механизмов; исследования же, направленные на разработку новой «модели» этого механизма, пока ведутся кустарными методами. Здесь работает множество, хотя формально и координируемых одним проблемным советом, но фактически разобщенных групп, с одной стороны, нередко дублирующих друг друга, а с другой, неспособных в силу своей малочисленности пойти дальше общей формулировки принципов, на которых надо базировать новый хозмеханизм. Практическая же реализация этих принципов, т. е. построение конкретного механизма управления народным хозяйством, базирующегося на экономических

9. Б. П. Курашвили, «Государственное управление народным хозяйством: перспективы развития». Журнал «Советское государство и право», 1982, №6, с. 38—48.

стимулах, остается делом будущего. Особенно слабо пока разработаны социальные аспекты реформы управления хозяйством: конкретные способы согласования общественных, групповых и личных интересов трудящихся, методы обеспечения позитивных форм экономического поведения, средства активизации участия работников в управлении производством и обществом. Отсюда — новые большие задачи, встающие перед социологией, в частности перед той ее ветвью, которую мы пытаемся развивать под названием «экономической социологии». Центральным объектом этого научного направления является социальный механизм развития экономики, к описанию которого я хотела бы перейти.

4. Социальный механизм развития социалистической экономики

Разрабатываемая советской наукой «модель» производственных отношений, соответствующих современному уровню развития производительных сил, не может не учитывать сложности, «многомерности», а нередко и конфликтности интересов, действующих в экономике групп, закономерностей их поведения и взаимодействия, содержания их «диалога» с социальными институтами и органами управления экономикой. Точно так же и разработка стратегии перестройки производственных отношений предполагает знание социального положения, потребностей, интересов, реального и потенциального поведения тех общественных групп, которые могут существенно влиять на ход преобразований.

Между тем все эти вопросы чрезвычайно слабо изучены. Мы совершенно не знаем даже о верхней части «айсберга» социально-экономических отношений, а именно о конкретных особенностях социального положения различных отраслевых, должностных, профессиональных и территориальных групп трудящихся (уровне и источниках их доходов, жилищных условиях, уровне общественного обслуживания, структуре материального потребления и проч.). Еще меньше известно о содержании и особенностях социально-экономического сознания групп: характере их ценностных ориента-

ций, уровне развития и структуре потребностей, содержании и способах выражения интересов. Важнейшая с точки зрения стоящих задач категория социально-экономических интересов разработана в советской науке гораздо слабее, чем, к примеру, в венгерской.

Крайне недостаточной, с нашей точки зрения, является связь между исследованиями, проводимыми в экономике и социологии, малочисленны серьезные исследования на «стыке» этих наук. Если содержание производственных отношений социализма издавна изучается экономистами, а особенность социальной структуры социалистического общества — философами и социологами, то конкретный общественный механизм взаимосвязи экономического базиса с социальной надстройкой пока еще никем не раскрыт. Конкретно это проявляется в том, что процессы, закономерности и тенденции экономического развития страны изучаются как правило «бессубъектно», вне связи с положением, интересами, поведением соответствующих общественных групп. С другой стороны, социальная структура общества исследуется в отрыве от реальных экономических отношений, за исключением разделения двух форм социалистической собственности и социально неоднородных видов труда. В итоге не раскрываются ни экономический механизм формирования социальной структуры, ни социальный механизм развития экономики, без знания которых вряд ли возможно планомерное совершенствование производственных отношений общества.

Коллектив отдела социальных проблем ИЭиОПП СО АН СССР стремится представить процесс развития социалистической экономики как результат взаимодействия общественных групп, хотя и связанных отношениями товарищеского сотрудничества, но в то же время имеющих разные интересы, обусловленные их положением. Иными словами, нашей целью является изучение социального механизма развития экономики.

Говоря о таком механизме, мы имеем в виду устойчивую систему взаимодействия общественно-экономических групп по поводу воспроизводства человеческой жизни, использования природной среды, создания и потребления материальных благ и услуг. Систему, регулируемую, с одной стороны,

исторически сложившимися социальными институтами, а с другой, текущей деятельностью государственных органов управления экономикой. Специфической формой функционирования этой системы служит социально-экономическое поведение групп, обусловленное их положением и интересами. Опосредствуя связи между экономической и социальной сферами общества, социальный механизм развития экономики обеспечивает систематическое подтягивание производственных отношений к уровню производительных сил. Движущей силой этого механизма является противоречие между уровнем развития производительных сил и состоянием производственных отношений, находящее конкретное выражение в интересах общественно-экономических групп.

Интересы общества в целом представляют центральные органы государственного управления экономическим и социальным развитием. Для реализации своих функций они разрабатывают конкретную стратегию развития экономики и социальной структуры, формируют и совершенствуют хозяйственный механизм, непосредственно управляют развитием производства.

Деятельность государственных органов управления формирует экономические и юридические условия поведения общественно-экономических групп. Вместе с тем эти группы являются полноправными участниками «диалога» с органами управления экономикой. Даже при самой жесткой регламентации поведения в экономической сфере у населения, как уже отмечалось, всегда остается определенный выбор реакций на устанавливаемые государством ограничения, которые оно далеко не всегда понимает и тем более не всегда принимает. Отсюда — возможность явных и скрытых столкновений групповых и общественных интересов. В тех случаях, когда устанавливаемые нормы и правила (к примеру, ограничения размеров личных хозяйств, способов рыбной ловли, совмещение должностей и проч.) затрагивают жизненно важные интересы определенной группы населения, последние нередко изыскивают возможность так или иначе обойти запрещения и удовлетворить свои потребности. Тогда государство принимает более строгие меры по пресечению нежелательных видов деятельности, в ответ на что население изыскивает более изощренные способы поведения, обес-

печивающие удовлетворение его интересов в новых условиях и т. д. Таким образом, взаимно ориентированное поведение и взаимодействие, с одной стороны, государства, представленного соответствующими органами управления, а с другой, общественно-экономических групп представляют важную часть социального механизма развития экономики.

Вместе с тем содержание этого механизма не сводится к «диалогу» населения с государством, поскольку не менее важную часть его составляет взаимодействие групп друг с другом. В тех случаях, когда интересы отдельных групп совпадают, они обычно объединяются для совместного достижения целей. Если же групповые интересы расходятся, что случается очень часто, то возникает возможность конфликтов. Часть их решается стихийно путем отыскания компромиссных форм поведения, удовлетворяющих обе стороны. Когда же достигнуть компромисса не удастся, и столкновение групповых интересов приобретает острую форму, становится достоянием гласности, решение конфликта достигается с помощью соответствующих арбитров, в качестве которых, как правило, выступают органы партийной и государственной власти, устанавливающие определенные нормы социально-экономического поведения сторон.

Как показывают наши исследования, социальный механизм развития экономики имеет сложное строение. Подобно тому, как часовой механизм состоит из большого числа взаимосвязанных пружин, колесиков, молоточков и проч., социальный механизм развития экономики состоит из множества, хотя и связанных между собой, но относительно самостоятельных частных механизмов социально-экономического воспроизводства. В основе каждого из таких механизмов лежит специфический замкнутый контур связей, регулирующих отдельную сторону социально-экономического воспроизводства. Элементами таких механизмов служат связи между парами социально-экономических явлений (например, между положением и интересами групп, между интересами и поведением, между поведением и эффективностью действий т. д.)

Анализ, к примеру, социального механизма развития аграрного сектора общества позволил выделить в его составе такие частные механизмы воспроизводства, как социально-

демографический, распределительно-трудовой, социально-инфраструктурный, служебно-предпринимательский, лично-хозяйственный, социально-управленческий и много других. Не вдаваясь в подробное описание названных механизмов, подчеркиваем только три обстоятельства: их множественность, конкретно-функциональный характер и тесную связанность друг с другом. Последняя обеспечивается тем, что каждая связь между парой социально-экономических явлений, как правило, входит в несколько частных механизмов воспроизводства. Отсюда — «сцепление» этих механизмов друг с другом, их способность либо передавать друг другу импульсы развития, либо «конкурировать» за какие-либо ресурсы и ограничивать развитие друг друга.

Результаты функционирования социального механизма развития экономики могут носить как экономический, так и социальный характер. В области экономики его результатами служат определенные темпы прироста национального дохода, качество использования природной среды, эффективность научно-технического прогресса. Социальным же результатом работы данного механизма является формирование специфического типа субъекта экономической деятельности: работника (исполнителя или руководителя), получателя доходов, покупателя, потребителя.

Как отмечал К. Маркс, человеческая личность представляет собой «отпечаток» всех общественных отношений, в которые она включена и была включена. Поэтому каждая система производственных отношений формирует особый, соответствующий ее сущности социальный тип человека как экономического деятеля, в первую очередь — специфический тип работника. Особенности этого типа определяются не такими экзогенными по отношению к производственным отношениям признаками, как возрастно-половой состав, профессионально-квалификационная структура, физическая сила, здоровье и проч., а твердо усвоенными нормами поведения в сферах производства, распределения, обмена и потребления. Для оценки формируемого конкретной системой производственных отношений социального типа работников важно наличие у основной их массы таких качеств, как добросовестность, трудолюбие, исполнительность, ответственность, надежность, дисциплинированность, способность

к самостоятельному принятию решений, в том числе к оправданному риску, честность, порядочность, принципиальность, бережливость и др.

Судить о социальных качествах работников можно лишь на основе их поведения, что создает впечатление тождественности понятий «тип работника» и «тип поведения». Но действительное содержание этих понятий различно. Поведение носит более конъюнктурный характер и зависит не только от типа работника, но и от внешних обстоятельств, в которые он в данный момент поставлен. Поэтому формы экономического поведения более гибки и гораздо сильнее меняются при изменении внешних условий.

В отличие от этого, принадлежность сложившегося в личностном отношении работника к определенному социальному типу является длительно действующим фактором, влияние которого сказывается на развитии экономики не только в течение всей жизни данного поколения, но и после его ухода с исторической сцены в связи с духовным влиянием старших поколений на младшие. Отсюда историческая преемственность специфических черт разных национальных групп работников (например русских, грузинских, эстонских, немецких), каждая из которых как бы несет отпечаток путей развития соответствующих народов на протяжении веков. Поскольку преобладающий в каждый период социальный тип работников является результатом не только действующих, но и ранее существовавших общественных отношений, отраженных в национальной культуре, постольку он обладает большой инерцией и не легко поддается воздействию со стороны управляющих органов.

Однако инерционность социальных качеств работников не устраняет необходимости целенаправленного формирования их социалистическим обществом, в первую очередь, путем совершенствования социального механизма развития экономики. Ибо, хотя этот механизм не способен в короткий срок изменить сложившийся тип работника в нужную сторону, но достигаемые в этом отношении результаты положительно сказываются на развитии экономики на протяжении длительных сроков и оказывают существенное влияние на развитие общества в целом.

В свете сказанного надо признать, что социальный

механизм развития экономики, действующий в настоящее время в СССР, не обеспечивает удовлетворительных результатов. Формируемый им социальный тип работника не отвечает не только стратегическим целям развитого социалистического общества, но и технологическим требованиям современного производства. Распространенными чертами многих работников, личностное становление которых происходило в последние пятилетки, являются низкая трудовая и производственная дисциплина, безразличное отношение к выполняемому труду, низкое качество работы, социальная инертность, низкая самооценка труда как средства самореализации, ярко выраженные потребительские ориентации, невысокий уровень нравственности. Достаточно напомнить о широких масштабах деятельности так называемых «несунов», распространении различных «теневых» сделок за общественный счет, развитии «левых» производств, приписок, «выведении» заработной платы независимо от итогов труда.

По нашему убеждению, и активизация этих негативных явлений, и снижение темпов роста производства являются результатом разлаженности социального механизма развития экономики. В настоящее время этот механизм «настроен» не на активизацию, а на зажим полезной экономической деятельности населения. Точно так же «наказывается» или попросту пресекается инициатива руководителей предприятий в области организации производства, совершенствования экономических связей. Сейчас высокую общественную оценку чаще получает деятельность не наиболее талантливых, смелых и энергичных, а наиболее «послушных» и исполнительных руководителей, пусть даже не способных похвастаться производственными успехами.

Важным источником социального напряжения в экономике служит не только «несостыкованность», но и противоречивость интересов вертикально соподчиненных групп: рабочих и мастеров, мастеров и директоров предприятий, директоров предприятий и работников министерств.

Наконец, централизованная система правил и норм экономической деятельности, создававшаяся на протяжении ряда десятилетий, к настоящему времени невероятно запуталась и во многих частях устарела. «Экономический лабиринт», призванный направлять поведение трудящихся в

требуемое обществу русло, в действительности содержит множество «подкопов» и «лазов», позволяющих получать те же результаты значительно более легким путем. Это содействует не только распространению нежелательных способов поведения, но и формированию типа работника, чуждого подлинно социалистических ценностей.

Решение актуальных проблем развития советской экономики теснейшим образом связано с совершенствованием социального механизма ее развития. Именно здесь сконцентрированы сегодня наиболее сложные проблемы, и именно отсюда следует начинать работу по преодолению негативных тенденций в экономической жизни страны.

Но для того чтобы «отремонтировать» социальный механизм развития экономики, необходимо его изучить, понять его внутреннее строение, выявить слабые точки, обосновать пути их укрепления. Решение этих задач должно взять на себя новое направление науки — экономическая социология. Объектом его исследований служит взаимодействие экономической и социальной сфер общества, экономических и социальных процессов, в том числе обоснование экономических условий достижения социальных целей, анализ социальных факторов экономического развития, прогноз его социальных итогов. Система научных задач в данной области рисуется следующей.

1) Изучение экономической структуры общества, т. е. выделение общественных групп, существенно различающихся положением в экономической сфере, местом и ролью в развитии экономики, уровнем и источниками получаемого дохода. По сравнению с социальной, экономическая структура общества является более конкретной: она охватывает не только классовые, но и территориальные, отраслевые, профессиональные, должностные, доходные и другие группы. Анализ этой структуры предполагает исследование количественной «наполненности», социально-экономического положения, а также связей и взаимодействий групп трудящихся.

2) Исследование общественного сознания экономических групп — их ценностных ориентаций, потребностей, интересов, мотивов деятельности. Социальная типологизация членов общества по способам и мотивации поведения в

экономической сфере. Выяснение важнейших факторов, формирующих разные социальные типы работников, возможностей и путей управления этим процессом.

3) Анализ конкретных закономерностей поведения экономических групп в общественном секторе производства, личном и домашнем хозяйстве, сферах образования, распределения, обмена. Выяснение зависимости форм поведения, с одной стороны, от социальных качеств субъектов (работников, потребителей и проч.), с другой, от социально-экономических условий деятельности, особенностей действующего хозмеханизма.

4) Изучение форм, условий и результатов взаимодействия органов управления экономикой с экономическими группами. Анализ практики регулирования государством экономической деятельности и поведения групп, их реакций на управленческие воздействия государства, сдвигов в их поведении под влиянием изменения хозяйственного и трудового законодательства, экономических регуляторов и т. д.

5) Разработка и обоснование способов интеграции интересов экономических групп как между собой, так и с интересами общества, более полного и эффективного использования человеческого фактора производства во всех звеньях и на всех уровнях экономической системы. В тех случаях, когда это возможно, экспериментальная проверка более прогрессивных форм социальных и экономических отношений.

6) Совместное с другими направлениями науки (политической экономией, правом, социальной психологией, кибернетикой): разработка, обоснование и практическая проверка целостной «модели» социального механизма развития экономики, опирающегося на хозмеханизм с эффективными обратными связями и обеспечивающего, во-первых, интенсивное развитие производства, во-вторых, формирование подлинно социалистического типа работников.

Мы рассмотрели лишь некоторые проблемы, связанные с необходимостью и путями мобилизации социальных ре-

зервов развития социалистической экономики. В действительности круг проблем в этой области широк и разнообразен. Но сказанного достаточно, чтобы привлечь внимание участников научного семинара к тем вопросам, которые нам хотелось бы обсудить.

От редакции: Доклад акад. Т. Заславской, по всей вероятности, обсуждался на семинаре в Москве в присутствии высших чинов советского руководства. Видимо, правящая верхушка, наконец, поняла, что страна находится в состоянии социальной нестабильности, на пороге экономической катастрофы. Но трудно поверить, что без глубоких структурных преобразований всей социально-политической системы надвигающийся кризис можно предотвратить.

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

Геннадий Шкляревский

АССИМИЛЯЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА*

I

Согласно теории Пьяже, развитие ассимиляционной деятельности является основной двигательной силой развития живого мира. Бесспорно, в его теории есть невыясненные моменты, однако ее основные положения открывают широкие перспективы для развития нашего знания о живом мире и человеке. Действительно, в эволюционном мире развития живых организмов можно прежде всего отметить постоянное развитие ассимилятивного аппарата: от простейших до все более сложных схем ассимиляции и, наконец, до самой универсальной формы — ассимиляции посредством мыслящего интеллекта. Пьяже поставил теорию эволюции с головы на ноги.

Ни в коей мере не отрицая приспособления организма к окружающей среде, как фактора в эволюции, Пьяже отводит ему вспомогательную роль. Конкретный материал подтверждает то положение, что в эволюции живого мира не наблюдается поступательного развития аппарата биологического приспособления, скорее даже наоборот — млекопитающие и тем более человек вряд ли превосходят низших

* Глава из работы Шкляревского «Опыт теории общественного развития».

животных в способности приспосабливаться к окружающей среде. Однако по сравнению с последними их ассимилятивный аппарат, бесспорно, является более сложным, они владеют более универсальным арсеналом ассимилятивных схем.

Мыслящий интеллект — этот венец биологической эволюции — является наиболее универсальным аппаратом ассимилятивной деятельности. Ассимиляция посредством мыслящего интеллекта не требует прямого биологического контакта с объектом, а следовательно не ведет к существенным изменениям в морфогенетической и морфологической структуре организма. С появлением мыслящего интеллекта на смену биологической эволюции приходит культурная эволюция человечества в самом широком смысле, а именно — его социальное, экономическое, интеллектуальное и т. д. развитие. В области общественно-экономических отношений, например, можно наблюдать переход от использования труда раба к использованию труда крепостного и далее — к использованию труда лично свободного работника за деньги; а в области экономики мы видим переход от преимущественно сельскохозяйственного производства к производству промышленному и т. д.

В основе общественного развития лежит процесс освоения мира человеком, в результате которого совершенствуется ассимилятивный аппарат общества. Знакомясь с историей человечества за сравнительно длинный период, можно отметить все более эффективное использование человеком природных сил и материалов (развитие технологии, совершенствование производства и т. д.), а также все более полное использование человеческих потенций — сравнительно малопродуктивный физический труд человека все более вытесняется умственным, а механический труд (как физический, так и умственный) — творческим. Итак общество развивается в направлении совершенствования своего ассимилятивного аппарата.

Ассимиляционная деятельность общества имеет сложнейшую структуру. Она состоит из целого ряда отдельных сфер (например, производство, наука, общественное строительство и т. д.) В большой степени такое разделение является весьма условным, так как в конечном счете мир

представляет собой единое взаимосвязанное целое, хотя и не всегда еще мы можем проследить эти связи. Уже в настоящее время возникают дисциплины, которые находятся на стыке нескольких наук (например, биофизика и биохимия, астрофизика и т. п.), что свидетельствует об условности такого деления. Научный прогресс тесно взаимосвязан с прогрессом техническим, а развитие производства невозможно представить без прогресса в области технологии и науки. В свою очередь развитие производства взаимосвязано с социальной структурой общества. К примеру, развитие промышленности привело к уменьшению количества людей, занятых в сельском хозяйстве, а развитие современного научно-технического производства ведет к уменьшению количества рабочих, занятых в промышленности.

В своей концепции социального развития Маркс указывал на первостепенное значение производственного фактора. Не отрицая важности этого фактора, необходимо отметить, что развитие производства (или, как Маркс писал, «производительных сил») в свою очередь зависит от массы других факторов, в том числе и таких, которые Маркс относил к надстройке и считал зависимыми от экономического базиса. Так например, без развития науки (элемента надстройки, по Марксу) — невозможно себе представить развитие производства, а прогресс науки далеко не всегда можно свести к развитию производительных сил. Бесспорно, что развитие производства является важным фактором в изменении общественно-политических структур. Однако бесспорно и то, что изменение этих структур вряд ли было бы возможным без разработки специальных политических и философских проблем, связанных с изменением характера общественного устройства, и создания на этой основе политических движений, партий и т. п., которые осуществляли бы эти перемены. Изучение процесса общественного развития показывает, что изменения в одной из сфер ассимиляционной деятельности ведут, иногда непосредственно, к изменениям в других сферах и в конечном счете к изменению всего целого, и было бы совершенно неоправдано выделять какую-либо сферу как наиболее важную.

Процесс развития ассимиляционной деятельности, которая лежит в основе общественного развития, всегда конкретен.

Маркс вынужден был оставлять без внимания огромное количество конкретных исторических фактов, пытаясь в своем учении поставить развитие общества в прямую зависимость от развития процесса производства. В этом отношении позиция представителей исторической школы, которые утверждали ценность и конкретность каждого исторического явления, кажется более близкой к действительному положению вещей. Однако, утверждая конкретность исторических явлений, они, из-за своей идеологической установки, отказывались видеть в развитии человеческого общества какое-либо общее направление; они отказывались теоретически осмыслить тот факт, что, хотя каждое явление в жизни общества имеет свои конкретные и часто уникальные корни и ведет к конкретным результатам, в развитии общества можно совершенно определенно увидеть общую тенденцию к постоянному и неуклонному освоению мира человеком.

В процессе развития ассимилятивной деятельности общества человек все более полно осваивает природу — ее силы и материалы. При этом нужно учитывать, что сам человек тоже является частью природы и поэтому представляет собой такой же объект ассимиляции, как и любой другой. В процессе развития ассимиляционной деятельности человек осваивает не только окружающий его мир, но и все более эффективно использует свои потенциальные возможности. В этой, как и в других сферах ассимилятивной деятельности, человечество проделало огромный путь от использования человека в качестве простой механической силы до все более широкого использования его умственных и творческих способностей.

Поступательное развитие процесса освоения мира человеком остановить невозможно, потому что этот процесс является источником его жизни: *генезис и эволюция* человечества являются результатом ассимиляционной деятельности. Отсюда следует, что если человеческое общество не может обеспечить развитие этого процесса, оно вступает в конфликт с силами, дающими ему жизнь. В истории развития человечества такие конфликты встречаются нередко. В одних случаях эти конфликты сметали препятствия на пути дальнейшего развития, в других они отбрасывали человече-

ство назад и даже приводили к гибели отдельных цивилизаций, однако до сих пор развитие ассимилятивной деятельности человечества в целом остановить не удалось. На смену одним цивилизациям приходили другие; регресс человечества всегда был относителен, прогресс — абсолютен.

Мысль о том, что развитие ассимилятивной деятельности человека, а с ней и прогресс человечества, остановить не удалось и, по всей вероятности, не удастся — мысль оптимистическая. Однако этот оптимизм в значительной степени омрачен тем фактом, что поступательное движение человечества, как правило, происходит не очень гладко и сопровождается большими потерями. По мере овладения человеком силами природы, которые могут быть использованы как в созидательных, так и в разрушительных целях, эти потери становятся все более весомыми. Поэтому со все большей остротой встает проблема: как избежать этих потерь, как обеспечить беспрепятственное и бесконфликтное развитие человечества?

Разрешить эту проблему нам может помочь изучение ассимилятивной деятельности и определение условий ее наиболее эффективного развития. Уже сейчас можно выделить несколько таких условий. Они вытекают из самого характера этой деятельности.

Во-первых, процесс ассимиляции не может успешно развиваться при наличии запретов или ограничений на ассимиляцию тех или иных объектов. До появления человека эволюция живого мира не знала таких препятствий, с развитием же человеческого общества и появлением различных тоталитарных и авторитарных форм управления, они стали довольно распространенным явлением. Достаточно вспомнить, насколько затруднили развитие науки различные ограничения и запреты церкви в средние века. Потребовались столетия, чтобы опрокинуть Птоломееву систему движения небесных тел. В более близкое нам время догматическая позиция Сталина по отношению к таким дисциплинам, как кибернетика и генетика, отбросила советскую науку на несколько десятилетий назад. Контроль над творческой деятельностью в любой сфере вел к замедлению развития процесса ассимиляции. Таким образом, непременным усло-

вием эффективного развития ассимилятивной деятельности человека является свобода творчества.

В отличие от других представителей живого мира человек обладает способностью осваивать объекты посредством мыслящего интеллекта. Такая форма ассимиляции является наиболее универсальной, она позволяет наиболее эффективно использовать уникальные способности человека. Чем в большей мере они будут использоваться, тем эффективнее будет протекать развитие процесса ассимиляции; другими словами, чем больше машины и компьютеры будут освобождать человека от обязательного механического и физического труда для труда умственного и творческого, тем эффективнее он будет осваивать мир. Использование же людей для выполнения простых механических операций или как простого источника мускульной силы, является крайне нерациональным использованием *уникальных* человеческих способностей. Оно представляет собой эксплуатацию людей, превращает их в средство для достижения определенной цели. И как бы не компенсировался при этом труд человека, сущность эксплуатации не уничтожается. Уничтожает ее только творческий труд. Он развивает человеческую личность, делает ее целью трудовой деятельности.

В процессе творческой деятельности человек узнает нечто новое о мире и его возможностях и таким образом обогащает свою личность и человечество в целом. И какой бы малой не была бы при этом компенсация за его труд, в самом процессе труда человек из средства превращается в цель. Таким образом, вторым условием эффективного развития процесса ассимиляции является освобождение большего числа (а в идеале — всех) людей — носителей мыслящего интеллекта — от обязательного механического умственного и физического труда для труда творческого.

Развитию человека в значительной степени способствует то, что он развивается как общественное существо; общество играет огромную роль в его развитии. Можно без преувеличения сказать, что без общества это развитие вообще было бы невозможно. С ранних периодов истории одним из основных аспектов развития человечества была его интеграция. Объединение людей в роды и племена помогало им осваивать мир. От родовых и племенных объединений

человечество шло к национальным и межнациональным образованиям. Эта возрастающая интеграция способствует развитию ассимиляции мира человеком. Например, возникновение национального государства сделало возможным развитие обширного рынка, способствовало более широкому разделению труда в рамках этого рынка и специализации, что в значительной степени двинуло вперед развитие экономики — одной из основных сфер ассимилятивной деятельности человека. В настоящее время развитие межгосударственных экономических, научных и культурных связей, сотрудничество в области освоения космического пространства, охраны окружающей среды и т. п., играют большую роль в развитии процесса ассимиляции. Можно с полной уверенностью сказать, что интеграция человечества в рамках всей планеты откроет еще более широкие перспективы в освоении мира человеком. Такая интеграция неизмеримо увеличит возможности человечества, позволит избавиться от таких отрицательных для развития человечества явлений, как войны и голод, обеспечит благоприятные условия для широкого обмена научной и технической информацией и для концентрации экономических ресурсов человечества на таких задачах, как энергетический кризис, освоение космического пространства и т. п. Не исключено, что в будущем для решения еще более грандиозных задач потребуется объединение усилий всех носителей мыслящего интеллекта в рамках всей Вселенной, если, конечно, разумная жизнь существует не только в нашей солнечной системе. Итак, третьим условием успешного развития процесса ассимиляции является объединение усилий возможно большего числа носителей мыслящего интеллекта.

Необходимо отметить, что этим далеко не исчерпываются все условия, необходимые для наиболее эффективного протекания процесса освоения мира человеком. К ним можно было бы отнести, например, необходимую подготовку людей, особенно молодого поколения, выработку у них определенных навыков творческого труда и многое другое, что нам еще не известно. Систематическое изучение ассимилятивной деятельности человека даст нам возможность выделить и другие условия, способствующие наиболее эффективному протеканию этого процесса.

Наконец, существует еще одно крайне важное условие. Ассимилятивная деятельность сложна по своему характеру. Отдельные условия отражают лишь ее определенные аспекты. Поэтому для ее наиболее эффективного развития необходимо добиваться соблюдения не одного или двух, а всех условий наилучшего протекания этого процесса.

В настоящее время мир находится в сложной переходной стадии, которая характеризуется ломкой старых структур и переходом к новым. Основой этих изменений является колоссальный прогресс во многих областях человеческой деятельности, который имел место в XX-ом столетии. Этот прогресс делает необходимым создание новых форм общественных структур, которые способствовали бы наиболее эффективному развитию ассимилятивной деятельности. Такой переход является болезненным процессом: меняются привычные взгляды, отношения — словом, вся форма человеческого существования.

Данная ситуация не является чем-то уникальным в истории человечества. Ситуации, подобные ей, не раз возникали в прошлом и, как правило, сопровождались социальными потрясениями огромных масштабов: войнами, революциями, крушениями культур и т. п. Причина этих потрясений крылась в непонимании закономерностей развития человеческого общества, а отсюда, и в неумении обеспечить наиболее безболезненный переход к новым и более совершенным его формам.

На современном этапе настоятельная потребность перемен чувствуется в самых различных сферах жизни общества. Пожалуй, наиболее остро эта потребность ощущается в экономике: новая экономическая система находится на пороге кризиса, который может иметь для человечества далекоидущие последствия. Неблагоприятная ситуация, которая возникла в мире, свидетельствует о том, что организация человеческого общества не способствует освоению мира человеком (т.е. прогрессу ассимиляции), а следовательно, вступает в противоречие с теми силами, которые дают обществу жизнь.

В данный период организация человеческого общества представляет собой весьма сложную структуру. Для удобства анализа и освещения проблем эту структуру необходимо

разложить на составные части. По политико-экономическому признаку ее можно разбить на следующие подгруппы: во-первых, развитые демократические страны, к которым прежде всего относятся страны Западной Европы и США; во-вторых, развитые социалистические страны, которые включают государства Восточной Европы и СССР; и в третьих, развивающиеся страны. Хотя последняя подгруппа играет все более важную роль в развитии человечества, именно первые две группы определяют этот процесс. Поэтому, анализируя проблемы современного общества, мы остановимся в первую очередь на них.

А. Современные развитые демократические страны во главе с США переживают в настоящее время глубокий внутренний кризис, который особенно ярко проявляется в экономической жизни. В этих странах растет безработица, сокращается производство, огромные производственные мощности в значительной степени остаются неиспользованными. Причин такого безрадостного положения много, но главной является та, что производительные силы в этих странах требуют модернизации с учетом современных достижений в области автоматизации, компьютеризации и роботизации производства. Однако такие изменения потребуют значительных капиталовложений и высвободят большое число высокооплачиваемых рабочих. Более того, дальнейшее развитие компьютерной техники и совершенствование автоматов и роботов сделают эффективным еще более широкое их использование в тех сферах экономики, где раньше использовался труд человека. Возникает вопрос: что же делать с постоянно увеличивающимся избытком рабочей силы? Ведь если она не будет занята, это сократит рынок и сделает невозможным не только рост производства, но даже поддержание его уже существующего уровня. С другой стороны, растущая безработица неминуемо приведет к серьезным социальным конфликтам. Таким образом, развитие производства и колоссальный научно-технический прогресс — области, где развитые демократические страны занимают ведущее положение, — как бы оборачиваются против самих себя, делают невозможным свое дальнейшее развитие, а следовательно и развитие общества.

Когда в XIX веке капиталистический способ ведения хозяйства завоевывал одну страну за другой, промышленное производство находилось в стадии становления. Тогда никто еще не мог предположить, что этот вид производства потеряет свою ведущую роль. Сейчас, в последней четверти XX-го столетия это все более становится реальностью. В свое время промышленное производство оттеснило сельскохозяйственное в экономике наиболее передовых стран на второй план. Развитие промышленности дало возможность неизмеримо поднять производительность труда. В настоящее же время для поднятия производительности труда требуются все более совершенные в техническом отношении машины и процессы, которые часто исключают участие человека в производстве, а также новые научные и технические идеи. В современной экономике повышается роль производства научных и технических идей. Происходит своего рода интеллектуализация производства.

Такое научно-техническое производство отодвигает на второй план промышленное производство; производство и разработка научных идей вытесняют производство товаров: увеличивается количество средств, вкладываемых в науку и подготовку научных кадров, увеличивается процент рабочей силы, занятой в этой области. Совершенно очевидно, что именно сюда в конечном счете должен быть перекачан избыток рабочей силы, который образуется в результате автоматизации, роботизации и компьютеризации промышленного производства.¹

Однако переход к этой новой форме производства ставит развитые демократические страны, и в первую очередь США, перед рядом серьезнейших проблем. Одной из самых серьезнейших является следующая: может ли развиваться

1. Для трансформации такого масштаба потребуется довольно длительный промежуток времени. Необходимо будет также разработать целый ряд мер в области обучения и подготовки кадров, образования молодого поколения, а также социальные мероприятия, которые подготовят население к этому переходу и сделают его наиболее безболезненным. Для осуществления этих задач потребуется привлечь специалистов в самых разных областях — от экономики и управления до народного образования и психологии.

крупное научное производство на частнособственнической основе? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, попробуем проанализировать научное производство в его основных чертах.

Главным средством производства в научном творчестве является мыслящий интеллект. В отличие от машин, сырья, зданий и других орудий и средств производства, которые представляют собой овеществленный труд человека, мыслящий интеллект составляет неотъемлемую часть человеческой личности и не может быть отчужден как другие орудия и средства производства. Его отчуждение было бы равносильно установлению права одного человека на другого. Хотя установление такого права теоретически и возможно (ведь практиковалось же когда-то рабство), это вряд ли будет приемлемо с точки зрения современных правовых норм и с точки зрения современной морали. Кроме того, установление такой формы зависимости одного человека от другого, когда человеческая личность не принадлежит самой себе, вряд ли будет способствовать развитию научного производства; низкое положение раба в Римской империи заставляло его ненавидеть свой труд, такой труд был для раба саморазрушением и никак не мог быть производительным. При научном производстве, где творчество является важным аспектом труда, личная заинтересованность в труде будет играть еще более важную роль.

При научном производстве мыслящий интеллект в процессе своей деятельности познает объекты окружающего мира и связи между ними. Он вырабатывает новые схемы ассимиляции этого мира и таким образом обогащает и развивает себя. Другими словами, в процессе своей деятельности мыслящий интеллект творит в первую очередь самого себя, является основным продуктом своей деятельности. Из этого следует, что и основной продукт научного производства не может быть отчужден. Итак, ни как *орудие*, ни как *продукт* производства мыслящий интеллект не может быть предметом частной собственности. Поэтому способ производства, где именно интеллект будет играть главную роль, не сможет развиваться наиболее эффективно на основе частной собственности.

Вышеизложенные теоретические соображения подкреп-

ляются целым рядом фактов. В США, например, доля частного капитала в финансировании фундаментальных научных исследований — основы широкого научного производства — крайне незначительна. Дэниел Белл в своей книге *The Coming of Post-Industrial Society* приводит данные, которые демонстрируют, что доля федерального правительства в ассигновании фундаментальных исследований составляет 63%, тогда как частная промышленность дает только 16%. В то же самое время частные предприятия осуществляют всего лишь 21% фундаментальных исследований, а на федеральное правительство и университеты приходится примерно три четверти проводимых исследований.²

Отсутствие интереса у частного капитала к фундаментальным исследованиям вполне понятно. Они требуют довольно существенных затрат, а их экономический эффект малопредсказуем и более отдален во времени, чем, скажем, эффект прикладных исследований или производства товаров для рынка. А ведь именно фундаментальные исследования сообщают колоссальное ускорение развитию науки и техники, что в конечном счете отражается и на производстве товаров на рынок. Многие фундаментальные открытия вначале не имели практического применения: например, открытие электромагнитных волн или теории относительности. Лишь позднее эти открытия нашли свое практическое применение. Но их экономический эффект был настолько глубоким и всесторонним, что с трудом поддается определению.

Фундаментальные исследования трудно проводить в обстановке коммерческой тайны, которая господствует на частнособственнических предприятиях. Интенсивный обмен идеями и информацией в самом широком кругу исследователей создает наилучшие условия для возникновения плодотворных научных и технических идей. Такой обмен противоречит интересам частнособственнических предприятий.

Широкое научное производство неразрывно связано с

2. Daniel Bell, *The Coming of Post-Industrial Society* [New York, Basic Books Inc., Publishers, 1976], p. 252.

подготовкой высококвалифицированных кадров. Одним из необходимейших условий его успешного развития является образование населения. И опять таки, роль частного капитала в развитии народного образования (как школьного, так и высшего) незначительна по сравнению с ролью федерального правительства. По свидетельству Д. Белла, начиная с 60-х годов, все большее число американских студентов полагалось при получении образования на финансовую помощь правительства. Согласно Беллу, в тот же период два из пяти студентов-аспирантов в США в той или иной форме получали государственную помощь.³ «Совершенно ясно,— заключает Белл, — что основная нагрузка в высшем образовании переходит от частных к общественным (public) колледжам, даже частные учебные заведения не могут больше существовать без значительной помощи общественных фондов; в обоих случаях требуется централизованные действия федерального правительства.»⁴

Из всего вышесказанного вытекает, что широкое научное производство, которое, по всей вероятности, займет в будущем центральное место в жизни общества, оттеснив на второй план промышленное производство, не может успешно развиваться на частнособственнической основе. Поэтому с развитием этого вида производства роль органов общественного управления, и в первую очередь государства, должна увеличиваться. Это отнюдь не означает упразднения частного капитала. По всей вероятности, он будет продолжать играть существенную роль в производстве товаров на рынок и в сфере услуг. Однако в сфере научного производства и особенно в сфере фундаментальных исследований его роль будет минимальной.

Развитие научного производства будет способствовать в первую очередь поднятию производительности труда. Тяжело делать в этом отношении какие-либо прогнозы, как тяжело было в свое время предсказывать огромный динамический эффект, который оказало на хозяйственную жизнь развитие промышленного производства. Однако, основываясь на нашем опыте, можно с полным основанием полагать, что

3. D. Bell..., p. 234.

4. Ibid, p. 263-264.

развитие науки и техники (и особенно фундаментальных исследований) сообщит колоссальное ускорение развитию общества в целом и экономики в частности. Широкое научное производство даст возможность разрешить проблему занятости рабочей силы, которая возникает в связи с роботизацией и компьютеризацией производства. Не исключено, что оно вообще поможет разрешить проблему безработицы; ведь в отличие от промышленного или сельскохозяйственного производства, где занятость рабочей силы ограничена рынком, возможности развития науки, а следовательно и занятости в этой сфере, практически безграничны. Переход к научному производству также будет в большой степени способствовать поднятию культурного уровня общества и улучшению качества жизни людей.

Становление нового производства сопряжено с большими трудностями. Прежде всего необходимо отказаться от либеральной философской установки, которая противопоставляет государственную власть обществу и рассматривает эту власть как необходимое зло. Либерализм и политико-экономические системы, основанные на его принципах, развивались в борьбе с абсолютизмом, характерной чертой которого является сосредоточение всей власти в руках монарха. Широкие слои общества фактически исключались из процесса принятия политических решений. Представляя собой в значительной степени реакцию на абсолютистский строй, либерализм отождествлял его деспотический характер с государственной властью вообще и противопоставлял ее как таковую обществу. Однако при этом либеральные мыслители упускали из виду то, что, поскольку государственная власть, как орган общественного управления, координирует деятельность членов общества, она в огромной степени увеличивает потенциальные возможности человека и таким образом способствует развитию процесса освоения им мира (т. е. увеличивает степень его свободы).

В этом своем качестве государственная власть совершенно не противостоит обществу, а наоборот — служит его интересам. Противоречие между обществом и государственной властью является несущественным. Иначе говоря, тот или иной тип государственной власти может противостоять обществу, но государство как орган общественного управле-

ния в принципе ему не противостоит. Поэтому если государственная власть организована таким образом, что в ее формировании принимают участие все члены общества, если она гарантирует членам общества свободу выражения их мнения и участие в процессе принятия политических решений, противоречие между ней и обществом исчезает, и государство выступает в своем истинном качестве — как средство увеличения потенциальных возможностей человека.⁵

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующий вывод: при соответствующей организации государственной власти можно не опасаться увеличения ее роли в жизни общества.

Капитализм как политико-экономическая система во многом соответствует либеральному мировоззрению, так как он существенно ограничивал роль абсолютистской государственной власти, лишая ее мощного рычага в управлении жизнью общества, и таким образом, казалось, представлял надежную гарантию против возрождения абсолютизма. Однако сама жизнь постоянно выдвигала требования, делавшие необходимым вмешательство государства в хозяйственную жизнь. Решение таких проблем как безработица, экономические спады и кризисы, стимулирование развития новых отраслей производства, развитие науки и образования, без чего успешное развитие производства было бы невозможным, и т. д. требовало все большей активизации роли государственной власти в экономике. С другой стороны, развитие экономики тоже шло в направлении концентрации и централизации производства и финансов, которые достигли такого уровня, что от функционирования тех или иных предприятий и компаний непосредственно зависит благосостояние и стабильность общества.⁶ Таким образом, налицо

5. В этом отношении интересно отметить одну деталь. Разделение властей в государстве имело своей целью предотвратить сосредоточение слишком большой власти в одних руках. На самом же деле одним из результатов этой меры была большая степень специализации внутри госаппарата, что сделало его более эффективным.

6. Свидетельством этого является образование гигантских концернов и компаний. Интересно, что только вмешательство

выдвигаемая самой жизнью тенденция к централизации экономики (и особенно крупного производства) и увеличению роли государства, как органа общественного управления в хозяйственной жизни. Становление же и развитие научного производства делает эту тенденцию необходимостью.⁷ Возникает вопрос: не несет ли такая централизация угрозу демократии? Не приведет ли она к ограничению или даже упразднению демократических свобод? Иными словами, не приведет ли она к новому абсолютизму?

Прежде чем отвечать на этот вопрос необходимо отметить, что далеко не всегда частная собственность на орудия и средства производства была гарантией соблюдения демократических свобод. В нацистской Германии частная собственность мирно уживалась с одним из самых тоталитарных режимов, который когда-либо существовал. Активизация частнособственнической активности в СССР в период НЭПа не только не подорвала политическую монополию компартии, но даже способствовала ее укреплению. Эти и многие другие примеры (Чили, Аргентина, Югославия и т. д.) свидетельствуют о том, что между формой собственности и формой политического устройства не существует прямой зависимости. Из этого можно сделать вывод, что увеличение роли государственной власти в экономической жизни и развитие общественных форм собственности не ведет к автоматическому свертыванию демократических свобод и не несет само по себе угрозы демократической форме правления. Примером этому являются такие страны как Англия, Австрия, Израиль, Швеция и другие, где наличие развитого национализированного сек-

государства — принятие антитрестовского закона в США — предотвратило дальнейшее развитие в этом направлении.

7. В этом отношении интересны некоторые позитивные предложения, выдвинутые недавно Демократической партией США. В частности в ответ на последний отчетный доклад президента Рейгана (State of the Union Message for 1983) демократы выдвинули свою программу, в которой на одном из первых мест стоит развитие (с помощью, конечно, федеральных фондов) науки и образования. Кроме этого демократы предложили создать Экономический Совет и орган управления капиталовложениями, куда вошли бы представители от федерального правительства, профсоюзов и деловых кругов.

тора в экономике сочетается с демократической формой правления.

Итак: 1) Становление и развитие широкого научного производства в развитых демократических странах возможно только на основе общественной собственности на орудия и средства производства. Это, конечно, отнюдь не означает упразднения частной собственности, которая вполне может сосуществовать с общественными формами собственности. Более того, частнособственнические предприятия, по всей вероятности, извлекут значительную пользу из научно-технического прогресса и общего подъема хозяйственной активности. 2) Развитие научного производства на основе общественной собственности не несет в себе угрозу демократии. Более того, оно будет способствовать приближению сферы политики к непосредственной деятельности населения, так как решение научных и экономических проблем будет тесно связано с решением проблем политических, а повышение уровня образования и качества труда, сокращение доли необходимого труда членов общества, даст им возможность более широкого участия в решении политических вопросов. 3) Для осуществления перехода к новому виду производства, для его успешного развития, для создания общественных форм, которые способствовали бы этому процессу, потребуются творческие усилия многих людей.. Поэтому нужно создать все необходимые условия для широкого обсуждения проблем, связанных с новым этапом в развитии общества, и для развития творческой инициативы всех его членов. Следовательно, гарантии демократических свобод приобретают на этом этапе особое значение.

Б В настоящее время развитые социалистические страны, подобно развитым демократическим государствам, находятся в затажном кризисе. Это чувствуется во многих сферах жизни общества, но, как и в развитых демократических странах, проявляется с особой остротой в экономике. Во многих социалистических государствах наблюдается снижение темпов роста национального дохода, острый товарный голод, что особенно ярко проявляется в недостатке продуктов питания (например, в Польше и в СССР), растет их

задолженность развитым странам Запада (например, в Польше и в Югославии) и многое другое. Следует также отметить, что, несмотря на определенные успехи в области науки и техники, развитые социалистические страны продолжают отставать от ведущих стран Запада в сфере технического совершенствования производства; особенно остро это отставание чувствуется в компьютерной технике, автоматизации и роботизации производства. Причин возникновения этой неблагоприятной ситуации много, но, пожалуй, все они сводятся к одному: форма политического устройства не способствует развитию производительных сил, т. е. препятствует развитию ассимиляции.

Как уже неоднократно отмечалось выше, отсутствие свободы творчества (т. е. ограничение ассимиляционной деятельности) отрицательно влияет на процесс освоения мира человеком, а значит, и на развитие общества. В процессе общественного строительства человечество признало настоятельную необходимость обеспечения такой свободы. Это нашло свое конкретное выражение в определенных принципах политического устройства общества, а именно: в свободе слова, собраний, печати, свободе информации, свободе научного исследования и т. д.

Отсутствие демократических свобод, насильственно поддерживаемая политическая монополия ведут к омертвлению и бюрократизации государственной власти. Теряется связь между обществом и государством как органом общественного управления; государственная власть перестает способствовать развитию ассимиляционной деятельности и вступает в конфликт с обществом: форма политического устройства приходит в столкновение с теми силами, которые дают обществу жизнь.

Монополия на власть является краеугольным камнем политики современных коммунистических партий марксистско-ленинского толка. Эти партии полностью отождествляют свою монополию на власть с интересами социализма. Как показывает опыт этих партий, ни один принцип не отстаивают они так настойчиво, как этот. Они готовы пойти на любой компромисс, но только не в вопросе о власти. Внимательное изучение истории создания первого в мире социалистического государства убеждает нас в этом. В тяжелые годы

революции 1917 года В. И. Ленин — главный архитектор и строитель этого государства — готов был пойти на любую сделку, пожертвовать всем во имя сохранения монополии на власть не столько даже за большевистской партией, сколько за своей группировкой внутри партии. Например, жертвуя интересами страны, он разрушил армию, не взирая на угрозу немецкого наступления. Он пошел на подрыв решений Советской власти в вопросе рабочего контроля, чтобы предотвратить малейшую возможность соглашения между левым крылом умеренных социалистических партий и большевиками, разрушив таким образом и без того слабую экономику.⁸ Наконец, Ленин пошел на уступки мелкому крестьянскому собственнику и частному капиталу в 1921 году, когда по его настоянию X съезд партии принял решение о проведении НЭПа. Интересно отметить, что на этом же съезде по настоянию Ленина и его соратников была принята резолюция о партийном единстве, положившая конец внутривластной демократии.

В более близкое нам время руководители марксистско-ленинских коммунистических партий целого ряда социалистических стран перед лицом экономических трудностей предприняли реформы в области управления народным хозяйством, которые имели своей целью децентрализацию управления экономической жизнью и развитие местной инициативы (в Югославии, например, подобные реформы были введены в начале 50-х годов, а в СССР—в середине 60-х). Следует отметить, что инициатива реформ шла из самих партийно-правительственных кругов и никак не имела своей целью восстановление крупной частной собственности на орудия и средства производства, а следовательно, не несла никакой угрозы социализму. Эти реформы носили частный характер и не сопровождались соответствующими изменениями в структуре власти и системе принятия политических решений. Последовало неизбежное столкновение между силами, получившими в результате реформ возможность

8. Подробнее этот вопрос рассматривается в моей работе «Factory Committees and the Bolshevik Ascension to Power»

влиять на хозяйственную жизнь страны, и партийно-бюрократическим аппаратом. Самой логикой развития реформ эти силы должны были приобрести голос в принятии политических решений в масштабах всей страны, что привело бы к возникновению альтернативного политического центра. Развиваясь в условиях преобладания крупной общественной собственности на орудия и средства производства, эта новая политическая сила никак не стала бы средоточием антисоциалистических тенденций; скорее всего, она бы даже оформилась как внутривнутрипартийная фракция, хотя не исключена была возможность ее выделения в качестве независимой партии. Однако ее появление означало бы конец политической монополии партийно-бюрократического аппарата и явилось бы существенным шагом на пути демократизации страны.

Почувствовав угрозу своему монопольному положению, высшая партийная бюрократия сделала все возможное, чтобы не допустить образования альтернативного политического центра, хотя это привело к свертыванию реформ. В результате реформы не получили должного развития и в одной социалистической стране за другой (где такие реформы были предприняты) партийно-бюрократическая верхушка укрепляла свое монопольное положение. В СССР, например, это произошло в конце 60-х — начале 70-х годов, всего лишь через несколько лет после начала реформ. В Югославии подобное явление произошло несколько позже. В 1973 году Десятый съезд Союза Коммунистов Югославии положил конец развитию альтернативных политических сил в партии и стране и утвердил монопольную власть партийной бюрократии. В результате в этих странах экономические проблемы не были решены и в целом экономическое положение ухудшилось.

Насильственно поддерживаемая монополия на власть крайне отрицательно влияла на жизнь общества. Она не только не способствовала развитию творческих устремлений его членов, но прямо подавляла их. Результаты этого чувствуются не только в таких «идеологических» сферах, как политика, гуманитарные науки (прежде всего философия, политэкономия, социология, где засилие марксизма-ленинизма поддерживается органами государственной безопасности), искусство, литература и т. д., но и в развитии

«неидеологической» науки и техники. За примерами далеко ходить не приходится. Во времена Сталина в СССР по идеологическим причинам были запрещены такие науки как кибернетика и генетика. Подавление творческой инициативы членов общества являлось серьезным препятствием развитию экономики в социалистических странах.⁹

Свидетельством этому является то тяжелое экономическое положение, в котором они сейчас находятся.

Если свобода творчества (иначе говоря беспрепятственность ассимилятивной деятельности) имеет такое важное значение в период развития промышленного производства, то в переходной период становления научного, высокотехнического производства, ее значение повышается неизмеримо. Этот период связан с целым рядом фундаментальных перемен в самых различных областях жизни общества. Трансформация такого масштаба требует широкого обсуждения проблем, связанных с ней, и, самое главное, активного творческого участия членов общества в создании новых общественных форм. Несоблюдение этого условия может повлечь за собой тяжелые последствия. Примером является Польша. В начале 70-х годов в этой стране была предпринята попытка модернизировать производительные силы с помощью западной технологии и кредитов. Однако без широкого обсуждения проблем, связанных с этой трансформацией, без творческого участия членов общества руководители государства сделали целый ряд серьезнейших просчетов, которые имели трагический исход. Этот пример является подтверждением того, что без соблюдения демократических свобод, гарантирующих свободу творчества, невозможно себе и представить успешное становление и развитие научного, высокотехнического производства.

Итак, насильственно поддерживаемая монополия на власть коммунистических партий марксистско-ленинского

9. Подавление оппозиции Бухарина в конце 20-х годов привело к серьезным просчетам при планировании и выполнении первого пятилетнего плана. Бесспорно, индустриализация страны была необходима, однако ее темпы и методы должны были быть более умеренными, на что и указывал в свое время Бухарин.

толка препятствует эффективному развитию производительных сил общества, социализированной экономики. Следовательно, интересы этой монополии противостоят интересам всего общества. По мере развития общества конфликт между формой политического устройства, созданной на основе марксистско-ленинской идеологии, и обществом будет обостряться, и в конечном счете может привести к катастрофе. Для того, чтобы избежать общественных потрясений и обеспечить дальнейшее развитие общества, насильственная монополия на власть должна быть уничтожена, а новая государственно-политическая система должна гарантировать соблюдение демократических свобод. Уничтожение коммунистической монополии на власть отнюдь не означает уничтожения коммунистических партий. Демократические свободы дадут всем партиям и общественным группам равные права на участие в управлении обществом на основе свободного волеизъявления народа. Это также не означает уничтожения общественной собственности на орудия и средства производства. Наоборот, прогресс научного производства (успешное освоение мира человеком) будет служить надежной гарантией укрепления и развития производства на основе общественной собственности, и, следовательно, перемены не несут никакой угрозы социализму.¹⁰

В. Решение задач, связанных с переходом к научному производству в двух основных общественных системах, далеко не исчерпывает проблем дальнейшего развития процесса ассимиляции мира человеком. Огромное значение для успешного развития этого процесса имеет объединение и координация ассимиляционной деятельности всех носителей мыслящего интеллекта. В настоящее время, когда мы еще не имеем контактов с внеземными цивилизациями, эта задача состоит в объединении в единое целое всего человечества.

В современном мире существует целый ряд предпосылок

10. Нужно отметить, что под социализмом в данном случае понимается не его марксистско-ленинская модель, а принципиально новая модель, характерной чертой которой будет не только преобладающая роль производства на основе общественной собственности, но и обеспечение всех демократических свобод.

объединения человечества в единое целое: развитие экономических связей, научный и культурный обмен, миграции населения и т. п. Такая интеграция неизмеримо увеличила бы возможности человечества и позволила бы решить целый ряд задач, стоящих перед ним: сохранить мир, обеспечить рациональное расходование природных ресурсов, начать широкое освоение космического пространства, избавить человечество от голода и многое другое. Однако, несмотря на все предпосылки и очевидные преимущества, которые могло бы принести объединение человечества, эта проблема до сих пор остается нерешенной.

Опыт, приобретенный в процессе познания человека и его природы, совершенно исключает существование каких-либо факторов, которые предполагали бы принципиальную расовую или национальную несовместимость людей. Теория Пьяже совершенно не противоречит этому опыту. Согласно Пьяже, независимо от географического местонахождения или климатических условий, мыслящий интеллект (признак, существенно отличающий человека от других животных) развивается в процессе ассимиляции мира человеком. Таким образом, несмотря на внешние отличия людей, природа их одинакова, и нет никаких оснований полагать, что существуют какие-либо препятствия органического характера, которые делают объединение человечества в единое целое принципиально невозможным.

Проблема объединения человечества не нова, она уходит корнями в глубокую древность. Интеграция являлась и является одним из основных аспектов развития человеческого общества. Уже в ранние периоды истории мы встречаемся с объединением родов в племена, а племен в межплеменные союзы. Образование наций и народностей есть результат этого процесса интеграции.¹¹ В более поздний период, с

11. Образование наций представляет собой весьма сложный процесс. Существующие материалы показывают, что формирование наций в прошлом и нынешнее формирование молодых наций происходило и происходит в результате процесса распада предшествовавших им родо-племенных и межплеменных образований и одновременной интеграции остатков этих образований в новые

возникновением государств, имели место попытки создания межнациональных государственных образований — империя Александра Македонского, Римская империя, империя Карла Великого и т. д. Однако как эти, так и более поздние попытки создания таких образований (Оттоманская империя, Австро-Венгерская империя, Британская империя) окончились неудачей.

Колониальная империя является одной из самых ранних форм интернациональных государственных образований. Иерархическая структура этой формы предполагает определенную зависимость колоний и подчиненных территорий от метрополии. Именно последняя играет определяющую роль в жизни империи; зависимым территориям, в лучшем случае, оставляют решение местных вопросов. Таким образом, хотя население зависимых территорий и является частью интернационального целого, его реальные интересы ограничиваются рамками собственных территорий. Иными словами, бытие народов зависимых территорий интернационально только по форме, по содержанию же оно сугубо национально. Поэтому прочность и стабильность империй прошлого всецело зависела от способности метрополии удерживать в своей власти подчиненные территории. Как только метрополия оказывалась не в силах осуществить над ними контроль, империя распадалась на составляющие части; народы зависимых территорий были, как правило, заинтересованы не в сохранении интернационального целого, а в государственном оформлении своего по сути национального бытия.

Девятнадцатый век положил начало распаду последних крупных империй. Идея национального государства и утверждение национальной жизни как высшей формы человеческого бытия привели не только к отрицанию империи, но и к отказу от самой идеи интернационального

этническо-культурные ценности. См., например, работу М. Ю. Брайчевского «Походження Русі» об образовании русского, украинского и белорусского народов не в результате распада какого-то праславянского народа или объединения разрозненных племен, а в результате распада одних и одновременного возникновения других общественных образований (М. Ю. Брайчевский, Походження Русі, Київ, «Наукова думка», 1968.)

государственного образования. Однако это не уничтожило самой необходимости интеграции. На смену империям пришли сферы влияния.

Для поддержания своего контроля в зависимых территориях метрополия империи в основном полагается на реальную силу: например, на содержание постоянных военных гарнизонов и организацию своих органов власти на этих территориях. Что же касается сфер влияния, то здесь контроль доминирующего государства поддерживается проекцией силы, а именно: угрозой военного вторжения, экономическими санкциями и т. п.; с помощью подобных средств (иначе говоря, путем непрямого вмешательства) доминирующее государство пытается изменить внутривнутриполитическое положение в зависимом государстве в свою пользу. По сравнению с империей, такая форма контроля бесспорно является более мягкой, однако в то же время и менее надежной. Как и империя, сферы влияния не преодолевают национальную ограниченность и обособленность. Поэтому рано или поздно проекция силы ведет либо к прямому вмешательству доминирующих государств в дела стран, находящихся в их сфере влияния, либо к потере контроля над ними. За примерами далеко ходить не приходится: США, не желая прибегать к жестким формам контроля, теряют контроль над своими сателлитами, а СССР для сохранения своего контроля все чаще вынужден прибегать к прямому военному вторжению (Венгрия, Чехословакия, Афганистан). Ни СССР, ни США не могут образовать с другими странами жизнеспособного политического целого.

Опыт общественного строительства показывает, что государственность является одним из основных факторов в формировании, стабильности и нормальном функционировании любого общественного целого. Сферы влияния, широкое распространение которых было вызвано прежде всего отказом от империи, не предусматривают общей государственности, а следовательно, не могут создать интернациональное общественное целое. С другой стороны, хотя империя (как форма политического объединения различных народов) и создает такую общую государственность, ее структура делает невозможным преодоление обособленности наций, которые входят в ее состав, и поэтому

она не может быть использована как модель для создания единого суверенного целого в рамках всего человечества. Возникает вопрос: какая же форма государства может выполнить эту задачу? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить: каким условиям должна удовлетворять эта искомая государственная форма?

Во-первых, в отличие от сфер влияния, политическое целое, объединяющее все человечество, должно быть интернациональным по форме, т. е. каждая страна, входящая в его состав, должна представлять собой только часть этого целого. Воплощая в жизнь то теоретическое положение, что интернациональное объединение в рамках всего человечества является более высокой формой человеческого бытия, чем национальное государство, это политическое целое должно быть наделено полным суверенитетом. В противном случае оно не сможет эффективно функционировать и осуществлять задачи, стоящие перед ним.¹² Это отнюдь не означает, конечно, уничтожения автономии территорий, входящих в состав этого целого, и их права на самостоятельное решение определенного круга вопросов; конституционные гарантии подобных прав облегчат и сделают более эффективным управление всем целым.

Во-вторых, искомое государственное образование должно быть интернациональным не только по форме, но и по содержанию. В отличие от империи оно должно наделять население всех территорий, входящих в его состав, равными правами по управлению суверенным целым. Только в этом случае интернациональное политическое целое не будет противостоять населению отдельных территориальных единиц как нечто чуждое — в определенной степени оно будет их собственным творением, с которым они смогут себя отождествлять; судьба этого творения станет их собственной судьбой.

Общественное образование, объединяющее все человечество, будет возможным только в том случае, если оно будет

12. Ярким примером этому является Организация Объединенных Наций. Отсутствие у этой организации суверенитета делает ее практически совершенно беспомощной в решении всех важнейших мировых проблем.

способствовать развитию жизненных сил, питающих любое общество. Поэтому жизненность государственного образования в рамках всего человечества будет зависеть от того, насколько оно будет способствовать развитию процесса ассимиляции мира, которому человек обязан самим своим существованием. Одним из важнейших условий успешного развития этого процесса является обеспечение беспрепятственности творческой деятельности человека, которую можно гарантировать только путем конституционного закрепления таких демократических свобод как свобода слова, собраний, печати, свобода информации, научного исследования и т. п. Из всех известных форм государственного устройства только демократическая республика может гарантировать соблюдение этих свобод. Поэтому только демократическая республика может стать прототипом интернационального государственного образования, которое объединит все человечество.

Бесспорно, на пути создания всемирного демократического государства существует немало трудностей, преодолеть которые будет непросто. Уникальность такого международного государственного образования состоит в том, что оно, в отличие от империи, принципиально не может быть построено путем насилия одной нации над другой. Оно может быть создано только мирным путем и на демократической основе. Для поисков этих путей потребуются творческие усилия людей, специалистов в самых различных областях, которые понимают важность этой задачи. Однако еще более важно вовлечь в процесс активного строительства всех членов человеческого общества. Это возможно только в том случае, если они отождествят свои личные интересы с созданием всемирной демократической республики и поверят в то, что такое государство будет способствовать увеличению степени их человеческой свободы, что оно обеспечит всем и каждому свободное развитие своих потенциальных возможностей по освоению мира.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

АФГАНИСТАН НУЖДАЕТСЯ В ПОМОЩИ

(Интервью с французским врачом Филиппом Огойаром)

Этим летом в Марселе редактор «Форума» встретился с группой французских врачей, недавно вернувшихся из Афганистана, где они в трудных условиях уже четвертый год продолжавшейся войны оказывали медицинскую помощь населению.

В беседе принимал участие Филипп Огойар, 30-летний врач, который 16 января этого года был схвачен в Афганистане советскими десантниками, провел пять месяцев в кабульской тюрьме, был приговорен на основании сфабрикованного обвинения в шпионаже к длительному заключению и лишь после вынужденного «раскаянья» смог вернуться во Францию.

Редактор «Форума» задал Ф. Огойару несколько вопросов.

ВОПРОС: Вы были посланы в Афганистан французской организацией «Международная медицинская помощь». Преследует ли эта организация какие-либо политические цели?

ОТВЕТ: Нет. Цели «Международной медицинской помощи» не имеют ничего общего с политикой. Эта организация стремится прежде всего оказывать прямую медицинскую помощь населению слаборазвитых районов мира, таких как

Курдистан, Камбоджа, Колумбия, Афганистан, где в силу различных причин велики заболеваемость и смертность. Целью организации является и подготовка национальных медицинских кадров, которых так не хватает в этих странах. Одним словом, цели «Международной медицинской помощи» связаны исключительно с проблемами здравоохранения.

Я работал в Афганистане с сентября 1982-го по январь этого года. Первые два месяца сам лечил больных и раненых, затем занимался подготовкой афганских медсестер.

ВОПРОС: Вы лечили в основном афганских партизан и готовили медсестер для партизанских отрядов?

ОТВЕТ: Нет. Я лечил всех жителей тех сельских районов, где я находился. И не только от последствий ранений, но и от различных болезней, которые здесь широко распространены. И готовил медсестер преимущественно для сельских больниц.

Дело в том, что в Афганистане нет линии фронта: вот здесь — советские, а там — партизаны. Оккупанты господствуют лишь в крупных городах. Деревня же (а в сельской местности проживает около 90% всего афганского населения) — не в их власти. Практически все афганские крестьяне в той или иной форме оказывают сопротивление оккупантам. Советские войска периодически совершают карательные операции в сельских районах. Одна и та же территория сегодня находится в руках советских (партизаны же в это время где-то поблизости), а завтра — свободна. На этой земле мы и работали. Лечили больных и раненых, учили медсестер. Через эти же земли шли к пакистанской границе беженцы. Они тоже нуждались в медицинской помощи, и им тоже приходилось помогать.

ВОПРОС: В каких условиях Вы работали?

ОТВЕТ: Трудно было. Главная беда — постоянные бомбежки. Пытались организовать маленькие подвижные госпитали. Все большие стационары были разрушены в результате бомбардировок. Сначала ставили опознавательные знаки с красным крестом. Но советских летчиков они нисколько не смущали. Красный крест служил отличной мишенью и летчики бросали бомбы прицельно — прямо на головы больных.

ВОПРОС: Много ли врачей и среднего медицинского персонала среди афганцев?

ОТВЕТ: Очень мало. Многие врачи либо убиты на войне, либо расстреляны кармалевскими подручными. Некоторые ушли в Пакистан. В городе еще кое-как, а в сельской местности работают лишь 15 афганских врачей. На весь Афганистан. Медсестер тоже очень мало. Зато много шарлатанов, лечением занимаются люди, в медицине абсолютно несведущие. Проблема медицинских кадров — одна из наиболее острых.

ВОПРОС: А как с лекарствами и инструментом?

ОТВЕТ: Плохо. Мы старались взять с собой как можно больше лекарств. Везли на ослах из Пакистана 150 кг медпрепаратов. А это капля в море.

ВОПРОС: С какими ранениями Вам чаще всего приходилось иметь дело?

ОТВЕТ: Пулевых ранений было сравнительно немного. Большинство ранений от осколков авиабомб и мин. Очень много безруких и безногих детей. Земля буквально усеяна минами. Они небольшие, напоминают камни, часто имеют форму бабочек. Дети играют, хватают камни-мины и... погибают. Чаще всего подрываются на минах именно дети.

ВОПРОС: Известны ли Вам случаи применения напалма?

ОТВЕТ: Я таких случаев не знаю. Но пожаров после бомбежек много. А значит, и много ожогов. Никогда не забуду обожженную маленькую девочку — она ужасно мучилась от нестерпимой боли, а мы ничем не могли ей помочь.

ВОПРОС: Встречались ли Вы с результатами применения химического оружия?

ОТВЕТ: Нет. Однажды прибежали крестьяне из соседнего села с криками, что «русские» пустили газ. Оказалось: несколько партизан, спасаясь от карателей, спрятались в старом колодце, а оккупанты подожгли нефть и вылили ее на партизан. Дым от горящей нефти и приняли за газ.

ВОПРОС: Приходилось ли Вам видеть зверства партизан, о которых так много пишет советская пресса?

ОТВЕТ: Нет. Ничего подобного я не встречал.

ВОПРОС: Часто ли Вы оперировали раненых?

ОТВЕТ: Серьезных полостных операций делать не

пришлось. Условия не позволяли. Извлекал осколки, перевязывал сосуды, останавливая кровотечения, один раз ампутировал руку.

ВОПРОС: А как же с теми, кто ранен в грудь, живот, голову?

ОТВЕТ: Их перевязывали и отправляли с беженцами в Пакистан. А это 4-5, а то и 15 дней пути. Большинство раненых погибает в дороге.

Помощь раненым — не единственная наша работа в Афганистане. В деревнях очень много больных, особенно детей и женщин. Каждый седьмой-восьмой афганец болен туберкулезом. У большинства туберкулез давно запущен: диссеминированный или кавернозный туберкулез легких, туберкулез позвоночника, костей, почек. Очень высокая смертность.

Конечно, туберкулез был в афганской деревне и до советской оккупации. Но война привела к резкому увеличению заболеваемости. Оккупанты ведут настоящую биологическую войну против населения. Уничтожают посевы, скот. Бомбардировки приурочены ко времени сбора урожая или других полевых работ. Условия жизни ухудшились во много раз. И соответственно, во много раз увеличилось количество больных туберкулезом — ведь заболеваемость туберкулезом непосредственно зависит от социальных условий. Сейчас в Афганистане есть деревни, где поголовно все больны туберкулезом.

Заболеваемость корью и коревой краснухой порой принимает характер эпидемий, от которых вымирают целые деревни. Никакой профилактики, никаких прививок. Врачи «Международной медицинской помощи» пытаются проводить вакцинацию против туберкулеза, столбняка, кори и других болезней, но в условиях войны трудно наладить массовую ревакцинацию населения через месяцы, а то и годы после первой прививки.

Широко распространена в сельских районах скарлатина. Часто встречаются дизентерия, энтериты и другие желудочно-кишечные заболевания.

С продуктами питания совсем плохо. Оккупационные власти разбрасывают с вертолетов в деревнях, якобы в виде помощи населению, банки с консервами, в том числе и со

свиной тушенкой. Но крестьяне-мусульмане свинину не едят, надписей на банках не понимают. и потому не берут вообще никаких консервов. Банки так и валяются прямо на улицах. Когда в село входят советские солдаты, банки исчезают — солдаты забирают их себе. Эта «консервная помощь» абсолютно ничего не дает. Зато уничтожение крестьянских посевов и крестьянского скота оказывается очень эффективным средством для того, чтобы выгнать афганцев из их родных сел. Голод, связанные с ним эпидемии, бомбежки гонят людей в Пакистан. Более 4 миллионов человек — почти треть всего населения — уже покинуло страну. А кто не уходит, того убивают. В пограничных с Пакистаном районах много сел, где совсем нет жителей. Французским врачам приходилось работать в местах, еще совсем недавно густонаселенных. Но оккупантам никак не удавалось справиться с местными партизанами. И они начали бомбардировку сел. Крестьяне, оставив свои дома, устремились к пакистанской границе, которая, между прочим, была от них довольно далеко — в нескольких днях пути. Лишь полностью изгнав из сел всех крестьян, могут каратели лишить партизан поддержки населения. Партизанам помогают буквально все.

ВОПРОС: Войну против советских оккупантов афганцы называют священной. Означает ли это, что в сопротивлении участвуют лишь мусульмане?

ОТВЕТ: В Афганистане подавляющее большинство населения — верующие мусульмане. Но в сопротивлении участвуют городская интеллигенция и студенты. Среди них немало прогрессистов, социалистов, демократов. Спротивляется оккупантам не только деревня. В городах идет постоянная подпольная война. Когда я был в кабульской тюрьме, я почти ежедневно слышал взрывы где-то поблизости — в соседних районах Кабула.

ВОПРОС: Верят ли партизаны в победу или это борьба отчаявшихся людей?

ОТВЕТ: Большинство верит в Бога, верит в то, что Бог их не оставит. Все хорошо знают историю своей страны, знают, что на протяжении веков Афганистан успешно отстаивал свою независимость от врагов, в том числе и от таких сильных, как англичане. Надежда дает партизанам силы. Раненые афганцы, которым в Пакистане удалили руку или

ногу, инвалидами возвращаются в свой отряд, чтобы продолжать борьбу.

В то же время многие афганцы считают, что демократические страны их покинули, считают себя брошенными и рассчитывают лишь на собственные силы. А между тем им крайне необходима помощь.

ВОПРОС: Как вооружены партизаны?

ОТВЕТ: Главным образом советским трофейным оружием да еще старыми английскими винтовками. Есть и самодельные ружья. Часть оружия партизаны получают из Египта. Это тоже советское оружие, которое СССР поставлял Египту в 60-е годы. Нередко оружие продают солдаты кармалевских войск.

ВОПРОС: Часты ли случаи дезертирства кармалевских солдат?

ОТВЕТ: Очень часты. Просоветский режим мобилизует в армию всех мужчин от 15 до 40 лет. А желающих умирать за этот режим почти нет. И солдаты разбегаются при первом же удобном случае или переходят на сторону партизан. Говорят, что 2/3 всего состава правительственных войск уже перешло к партизанам. Переходят целыми воинскими подразделениями. Армия Кармаля держится лишь на насилии, на страхе. Искренне служат режиму, и особенно свирепствуют, лишь те немногие, кто тесно с ним связан и понимает, что в случае победы им пощады не будет.

ВОПРОС: Чувствуется ли, что действия партизан направляются единой организацией?

ОТВЕТ: Партизанское движение в Афганистане возникло спонтанно еще во времена Тараки и Амина. С приходом советских войск партизанская борьба превратилась во всенародную войну за освобождение от оккупантов. Сейчас многие партизанские группы связаны между собой, но единой организации, руководящей всем сопротивлением в стране, нет, хотя представители различных группировок пытаются как-то координировать свои действия. Впрочем, мне кажется, что отсутствие единого центра — это не обязательно плохо. В условиях партизанской войны единый центр можно было бы легче уничтожить, чем множественные очаги сопротивления.

ВОПРОС: Как к Вам, европейцу, относились мусульмане?

ОТВЕТ: Не было никаких проблем. И крестьяне и партизаны относились ко мне всегда очень дружелюбно.

ВОПРОС: Как Вас захватили в плен советские солдаты?

ОТВЕТ: Я занимался обучением медсестер в одной из деревень. В это время там приземлился советский вертолет с десантниками. Они схватили меня и стали избивать. Били, по моему, просто так, без всякого умысла. А когда узнали, что я французский врач, стали вести себя более корректно. Взяли с собой в Кабул, на советскую базу. Там разговаривали со мной вежливо, но через день передали меня кармалевцам. Те отправили меня в кабульскую тюрьму и пообещали повесить, если не соглашусь сделать заявление, что я американский шпион.

ВОПРОС: И Вы поверили?

ОТВЕТ: Сначала не верил. Но они два месяца твердили одно и то же: повесим. И постепенно начал сомневаться в том, что смогу выйти на свободу. В камере было постоянно пять-шесть человек — одних куда-то уводили, других приводили. Все афганцы. Многие со следами пыток. Рассказывали, что до перевода в кабульскую тюрьму их жестоко избивали, вгоняли иголки под ногти, пытали электротоком.

ВОПРОС: Почему Вы признали себя виновным в том, чего не совершали?

ОТВЕТ: В какой-то момент мне показалось, что единственная возможность выйти из тюрьмы — это согласиться на пресс-конференцию, которую мне навязывали тюремщики. Я подумал, что никто из здравомыслящих людей не поверит в ту чепуху, которую я буду говорить. Ни в Афганистане, ни в СССР, ни на Западе. Поверить могут лишь те, кто все-равно не способен думать, что-либо понимать. На пресс-конференции в Кабуле я выступил по заранее заготовленному сценарию и «признал», что работал в Афганистане в качестве агента американской разведки.

ВОПРОС: Вы уже во Франции. Как Вам кажется, много ли людей из тех, кто видел по телевидению пресс-конференцию в Кабуле, поверило в искренность Вашего выступления?

ОТВЕТ: Никто не поверил. Я не встречал ни одного человека, который бы принял кабульскую трагикомедию всерьез.

ВОПРОС: Повлияло ли как-то Ваше заключение в кабульской тюрьме на Ваши взгляды?

ОТВЕТ: Да, но совсем не так, как хотели бы тюремщики. В тюрьме я много думал об увиденном, много переосмыслил. Я приехал в Афганистан человеком, который хотел лишь одного — помочь больным людям. Я был очень далек от политики. Там, на войне и в кабульской тюрьме, я понял, какое зло несет афганскому народу советский тоталитарный режим. Я понял, что афганцев нельзя бросать на произвол судьбы. Афганистан нуждается в помощи.

ВОПРОС: Как Вы думаете, смогут ли советские войска окончательно покорить Афганистан?

ОТВЕТ: У оккупантов есть лишь один способ завоевать Афганистан — уничтожить или изгнать из страны весь афганский народ. Они к этому и стремятся: с помощью голода, эпидемий и бомбардировок гонят миллионы людей в Пакистан. Советские войска, возможно, смогут когда-нибудь захватить землю Афганистана, но пока существует афганский народ, его не покорить.

(Вопросы и ответы перевела Нина Кехаян)

МАДРИДСКАЯ ВСТРЕЧА

Когда в сентябре 1980 года в Мадрид съехались представители всех европейских государств, кроме Албании, а также делегации Соединенных Штатов и Канады, чтобы выработать регламент и повестку дня встречи, то многие умудренные опытом дипломаты и политические обозреватели уже на том начальном этапе прочили провал не только Мадриду, но и всему Хельсинкскому процессу.

И не без основания. Ибо международный климат был отравлен вторжением советских войск в Афганистан и практикой бесконечных нарушений в СССР и странах Восточной Европы Хельсинкских Соглашений (Х. С.)

В лучшем случае предполагалось, что конференция продлится не более шести месяцев и завершится в марте 1981 года. Запад поэтому был заинтересован как можно больше времени отвести на обсуждение нарушений Соглашений — что на причесанном дипломатическом языке означает «подведение итогов выполнения Соглашений» — и лишь затем перейти ко второму этапу встречи: к выработке Итогового документа.

Со своей стороны, Советский Союз и его партнеры по Варшавскому договору намерены были провести обсуждение «итогов выполнения» в считанные дни, а остальное время уделить разработке будущих аспектов Хельсинкского процесса — в советской лексике это называлось «вести конструктивный разговор», в отличие, дескать, от Запада, занявшего, по словам тогдашнего главы делегации СССР Леонида Ильичева, «деструктивную позицию».

Понять это изначальное настроение чрезвычайно важно, ибо именно оно задавало тон, который продержался все три года Мадридской встречи.

* Виктор Федосеев — политический обозреватель, специалист в области прав человека, был корреспондентом радио «Свобода» на Мадридской конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Следует помнить, что Заключительный Акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) — то, что называется Хельсинкскими Соглашениями, — не обладает «юридической силой», иными словами, неисполнение положений этого Акта не влечет за собой юридической ответственности государства, равно как и применения против такого государства санкций или мер принуждения. Хельсинкские Соглашения — это скорее нравственный документ, но бесспорно обладающий огромным международным значением.

Десять Принципов этих Соглашений направлены на ослабление международной напряженности, улучшение политического климата. Отсюда и суждение о том, что тот, кто нарушает принципы Хельсинкских Соглашений, фактически выступает против разрядки.

Уникальность Х. С. состоит в том, что они провозгласили неразрывную связь дела Мира с Правами Человека. Потому и записано в Х. С., что уважение к правам человека и основным свободам является «существенным фактором мира».

Предполагалось, что Подготовительная встреча, начавшая работу 9 сентября 1980 года, продлится дней десять. На самом же деле на нее ушло девять *недель*.

Запад настаивал, чтобы первый — основной этап Мадридской встречи, открытие которой намечалось на 11 ноября, был посвящен анализу выполнения Х. С. государствами-участниками СБСЕ, а второй этап (после перерыва на Рождественские и новогодние праздники) — обсуждению новых предложений и выработке Итогового документа, без которого Мадридская встреча формально не может закончить свою работу.

Коммунистические же страны возражали против такого порядка ведения встречи: делегат Чехословакии Рудольф Кожушник, выступивший от имени стран Варшавского Договора, предложил в первый этап работы включить и «подведение итогов выполнения» Х. С. и рассмотрение новых предложений (а их уже наметилось более 90).

Спор — напряженный и изнурительный — затянулся. Заседания проходили по 10, 12 а то и 16 часов кряду.

Запад добивался включения в повестку дня встречи обсуждения советской военной оккупации Афганистана,

поскольку акция эта, по мнению одних, нарушала пять, а по мнению других — все десять Принципов Х. С.: — о суверенном равенстве и политической независимости; о неприменении силы или угрозы силой; о нерушимости границ; о территориальной целостности государства; о мирном урегулировании споров; о невмешательстве во внутренние дела; об уважении прав и основных свобод человека; о праве народов распоряжаться своей судьбой; о сотрудничестве в соответствии с принципами Устава ООН; о выполнении обязательств по международному праву.

СССР, со своей стороны, отказывался от обсуждения афганского вопроса, обвиняя при этом Запад в том, что он пытается «протащить» на обсуждение вопросы «несущественные» и не имеющие отношения к безопасности в Европе.

Заседание последнего дня Подготовительной встречи затянулось более чем на сутки. В ночь с 10 на 11 ноября, буквально за 5 минут до полуночи (то есть, до наступления заранее намеченного дня открытия Основной Мадридской встречи) во Дворце Конгрессов, где проходили заседания, все часы были остановлены. И тут я невольно обратил внимание на прелюбопытное явление: западные делегаты выходили из закрытых залов на короткий перерыв, качаясь от изнурения, с расслабленными галстуками, помутненным взглядом и прокуренным дыханием, тогда как члены советской делегации все время выглядели свежими и полными сил. Загадка решалась просто: если средний состав делегации в Мадриде состоял из 5-6 членов, то советская делегация насчитывала 38 человек, из которых на заседаниях Подготовительной встречи присутствовало одновременно не более 5 человек. В эти тяжелые часы состав советской делегации периодически менялся (подобно хоккейной команде) — новые делегаты приходили отдохнувшими, застегнутыми на все пуговицы, исполненными бычьей решимости.

И наконец, когда начал истекать и этот, затянувшийся на двое суток, день, неожиданно все разрешилось: в одной из тихих аудиторий во время очередного «перерыва на кофе» испанская и советская делегации, с помощью австрийской, договорились формально открыть Мадридскую встречу, а

затем, как ни в чем не бывало, продолжить споры о повестке дня.

За четверть часа до полуночи делегации 35 стран заторопились в зал пленарных заседаний, где министр иностранных дел Испании совершил краткую церемонию отытия, после чего все разошлись спать.

На следующее утро бóльшая часть европейских газет вышла с заголовком «Мадридская встреча начала свою работу, как и было намечено, 11 ноября».

Конфронтация между Востоком и Западом сразу же, как только встреча вступила в рабочую фазу, переросла в нечто нетрадиционное для дипломатических встреч — в борьбу двух моралей.

С первых минут было ясно, что Запад не собирается идти на повторение Белградской встречи, когда выступления ограничивались строгим регламентом и когда в заключение был одобрен коротенький (на 4 страничках) беззубый Итоговый документ: собрались, мол, поговорили и разошлись...

Мадрид явно оказался более зрелым. Это нашло свое отражение не только в более подробном Итоговом документе (на 40 страницах), ряд положений которого идет дальше самих Х. С., но и в том, что саму встречу Запад сразу превратил в *открытый форум*, не извращенный соблюдением показного приличия, не ограниченный временными рамками. И главное — Мадрид призвал к диалогу.

Запад явно возмужал после Белграда, где, в общем-то, он впервые столкнулся лицом к лицу с широким спектром прибалтненной советской полицейской морали. Ведь до сих пор на международных совещаниях представителей правительств проблемы обсуждались исключительно в политическом разрезе. В Белграде, по существу, впервые состоялся разговор на правительственном уровне о том, как практически осуществить разрядку с помощью уважения к правам человека. Вскоре стало ясно: в результате нарушений прав человека усиливается международная напряженность.

Основная ошибка западных стран в белградском раунде свелась к отсутствию единства. В Мадриде на протяжении всех трех лет сплоченность Запада проявилась недвус-

мысленно. Особенно в подходе к трем наиболее острым международным проблемам этого периода: — советской оккупации Афганистана, — разгрому польского рабочего движения, — расстрелу советскими истребителями корейского невооруженного пассажирского самолета с 269 людьми на борту.

Но эти три вопроса оказались связанными с другими наболевшими проблемами, которые и создали странам коммунистического лагеря репутацию органических нарушителей прав человека — речь идет о систематических внутренних репрессиях.

И другое: если в Белграде западные делегации выступали с оглядкой на дипломатические традиции (например, не опускаться до того, чтобы с высокой трибуны называть имена), то в Мадриде конкретные судьбы конкретных людей получали освещение прямо с трибуны. И если в Белграде лишь два представителя — Соединенных Штатов и Голландии — дерзнули упомянуть около десятка имен репрессированных в СССР, то в Мадриде представители 14 государств рассказывали — притом, не единожды — о судьбе 123 конкретных людей, преследуемых в нарушение Хельсинкских договоренностей.

Но дело, разумеется, не в количестве названных имен, а в новом подходе к проблеме прав человека на международном совещании представителей правительств. Чтобы дать почувствовать это новое отношение, новый пульс, остановимся хотя бы на первой неделе работы Мадридской встречи. Через день после ее открытия тогдашний глава американской делегации, бывший министр юстиции Гриффин Белл выступил с резкой критикой нарушений Хельсинкских Соглашений Советским Союзом, ГДР и Чехословакией. Он отметил усиление запрета на еврейскую эмиграцию и преследование членов хельсинкских групп, назвав при этом имена Юрия Орлова и Анатолия Щаранского — из Московской хельсинкской группы, Мыколы Руденко — из Украинской, Виктора Пяткуса — из Литовской, а также имя академика Сахарова, сосланного из Москвы в Горький в самом начале года открытия Мадридской встречи. Глава американской делегации сказал также о репрессиях против

участников чехословацкого правозащитного движения «Хартия-77», указав при этом на преследование драматурга Вацлава Хавела. Он осудил решение восточногерманских властей, которые обязали желающих посетить страну ввозить не менее определенной суммы твердоконвертируемой валюты, а также обвинил в учинении препятствий свободе информации все те государства, которые практикуют глушение зарубежных радиопередач.

Вслед за американцем выступил представитель Великобритании Питер Блэйкер, который осудил вторжение советских войск в Афганистан и потребовал предоставления афганскому народу возможности самому определить собственный политический статус. Он заявил также, что репрессии против членов общественных хельсинкских групп, глушение радиопередач, преследование за веру и ограничение свободы передвижения — являются прямыми нарушениями Хельсинкских Соглашений.

В последующих выступлениях Бельгия осудила СССР за антисемитизм (в дальнейшем делегат Бельгии не раз возвращался к этой теме), Голландия и Италия указали на препятствия, которые чинят страны коммунистического лагеря своим гражданам, желающим воссоединиться с близкими, проживающими за рубежом. Западная Германия пристыдила ГДР за использования права на свободу передвижения для вымогательства валюты. А вторжение советских войск в Афганистан было подвергнуто критике всеми уже перечисленными странами (плюс Исландия, Турция, Норвегия и ряд нейтральных и неприсоединившихся стран)

В ответ Леонид Ильичев заявил, что Запад вмешивается во внутренние дела других государств (этот стандартный ответ на протяжении 36 месяцев повторялся в Мадриде всякий раз, когда советской делегации нечего было сказать в свое оправдание). Ильичев, известный своей неуступчивостью, а также способностью к красноречию, сказал в эту первую неделю, что от речей представителей западных стран исходит «ледяное дыхание анти-детанта». Британский делегат тут же с места добавил, что дыхание это идет с заснеженных гор Афганистана.

То, что происходило потом, мало чем отличалось по настроению от первой недели.

Разумеется, ни СССР, ни его партнеры по Варшавскому военному договору не ограничивались репликами о «невмешательстве» — они говорили, конечно же, о плохом обращении в Америке с индейцами и неграми и о «полицейской» роли Англии в Северной Ирландии. Особое верноподданничество проявляли представители Болгарии, защищавшие СССР — как «друга и брата, приходящего на помощь в трудную минуту» — всякий раз, когда речь заходила об оккупации Афганистана.

Надо сказать, что с самого начала встречи в Мадрид съезжались со всего мира поборники прав человека, чтобы в беседах с дипломатами, на пресс-конференциях, на демонстрациях или с помощью листовок хоть как-то пролить свет на трагическую суть политических репрессий, практикуемых в странах соцлагеря. Группа правозащитников из СССР выступила в Мадриде с требованием освободить политических заключенных в странах советского блока, создать постоянный контрольный орган для рассмотрения сообщений общественных групп «Хельсинки» о нарушениях положений Хельсинкских Соглашений, а также выработать и принять Декларацию о недопустимости уголовного преследования членов этих групп.

Группа афганцев — некоторые из них еще месяц назад сражались потив советских оккупантов — прибыла в Мадрид, чтобы рассказать дипломатам и журналистам о разрушениях и горе, которые принесли с собой советские солдаты. Многочисленные демонстрации в защиту прав поработанных народов проводили различные группы политэмигрантов — украинцы, литовцы, латыши и др.

Были в Мадриде жены и мужья тех, кого, вопреки Хельсинкским Соглашениям, не выпускают из Советского Союза, Болгарии и Румынии — в том числе не единожды Авиталь Щаранская: о судьбе ее мужа с трибуны Мадридского форума говорили представители многих стран.

Были в Мадриде и делегации еврейских общин Соединенных Штатов и шести западноевропейских стран, ходатайствующие о свободной эмиграции евреев из СССР и о

предоставлении тем, кто не собирается уезжать, права свободно изучать еврейский язык и приобщаться к своей национальной культуре.

Приехали в Мадрид для встречи с делегатами и родственники Рауля Валленберга, шведского дипломата, спасшего от нацистов десятки тысяч венгерских евреев, но арестованного в 45 году советскими оккупационными властями, и, как полагают, все еще живущего в советских застенках: родственники шведского дипломата надеялись с помощью западных делегаций получить от СССР хоть какую-нибудь информацию о Валленберге.

Неоднократно приезжали в Мадрид представители польского рабочего движения «Солидарность».

Постоянно в Мадрид на имя различных делегаций прибывали письма и телеграммы с призывами вмешаться, заступиться, помочь. Порой этот поток достигал около тысячи писем в неделю, адресованных главным образом делегации Соединенных Штатов, а также делегациям Западной Германии, Бельгии, Голландии, Франции, Великобритании, Канады и в меньшей степени всем остальным делегациям, включая советскую.

Итоговый документ, который был полностью одобрен лишь в сентябре 83 года, по сути, был сформулирован буквально через несколько месяцев после открытия Мадридской встречи. Уже к середине декабря 80 года — т. е. к концу периода, отведенного для рассмотрения выполнения обязательств по Хельсинкским Соглашениям, — требования к совещанию в Мадриде со стороны как Востока, так и Запада определились вполне четко. Тогда же и появился проект Итогового документа (а без единогласного принятия этого документа Мадридская встреча не могла завершиться), в котором демократические страны делали упор на гарантии прав личности и фундаментальных свобод, тех самых свобод, о которых более общо сказано в Хельсинкских Соглашениях.

Запад также предложил созвать в рамках Хельсинкского процесса международную конференцию «по укреплению мер доверия» т. е. такую конференцию, на которой можно будет договориться о необходимости заранее ставить в известность правительства стран-участниц СБСЕ о *всех* (а не только об *ограниченных*, как это записано в Заключительном

Акте) военных маневрах и перемещениях войск, чтобы тем самым снизить возможность «неожиданных нападений».

Единственное предложение стран Варшавского договора, заслуживающее внимания, сводилось к созыву конференции по военной безопасности и разоружению. Но и оно, по словам главы американской делегации Макса Кэмпелмана, лишено было содержания, ибо «не заключало в себе реальной программы, направленной на дальнейшее развитие сотрудничества и безопасности в Европе». Все понимали, что Общевропейская конференция по безопасности и разоружению нужна Советскому Союзу лишь для очередной пропагандистской кампании. Позднее, в феврале 82 года, министр иностранных дел Швеции выразит общую западную точку зрения с предельной ясностью, когда заявит с мадридской трибуны, что «Европе не нужна очередная конференция о разоружении, Европе нужно разоружение».

По сути сессия, последовавшая после новогоднего перерыва, вполне могла быть завершающей. Но когда в конце января 81 года делегаты вновь собрались во Дворце Конгрессов, выяснилось, что за месячный перерыв в СССР проведено было, по меньшей мере, 9 политических процессов.

Специалист по вопросам прав человека при советской делегации, генерал-майор КГБ Сергей Кондрашев — видимо, КГБ и в самом деле вплотную занимается проблемами прав человека — принялся утверждать — при дружной поддержке со стороны Болгарии, Чехословакии и ГДР — что те, кого называют «правозащитниками», на самом деле — «уголовники без стыда и совести», «накипь» и «отбросы» общества.

Следует отметить, что в то время и СССР и его партнеры наотрез отказывались обсуждать возможность созыва специальной конференции экспертов для рассмотрения вопросов прав человека.

Точно так же СССР отказывался принять условия Запада об обязательности выполнения любых решений будущей конференции «по укреплению мер доверия», включая проверку международной комиссией выполнения решений *на местах*.

Кроме того Запад выдвинул требования о том, чтобы о военных маневрах и перемещениях войск объявлялось

всякий раз, когда это происходит в любой точке европейского континента, включая европейскую часть СССР — до Урала. Советская делегация не соглашалась и с этим, утверждая, что 250-километровой полосы вдоль западных границ СССР достаточно. В противном случае, настаивала советская делегация, «зона доверия» должна расшириться и на Запад, покрывая весь Атлантический океан и восточное побережье Соединенных Штатов по меридиану, проходящему через Филадельфию.

Что касается требований стран западных демократий относительно прав человека, то это, по словам Леонида Ильичева, всего лишь «дешевая пропаганда». А член советской делегации Юрий Рыбаков в очередном выступлении долго распространялся о безработнице на Западе.

Шли недели и месяцы — перерыв на лето и снова переговоры, — а согласия относительно проекта Итогового документа все не было.

В конце 81 года Австрия, Швейцария и Швеция подготовили обновленный вариант проекта в надежде, что за время новых зимних каникул стороны изучат этот документ. В нем, правда, ряд положений о правах человека оказался опущенным — из-за опасения, что СССР все равно их не примет. Зато в новом документе полностью была отражена западная позиция о предстоящей конференции «по укреплению мер доверия».

Не следует забывать, что вопросы безопасности в Хельсинкских Соглашениях занимают не менее важное место, чем вопросы экономического сотрудничества и прав человека. Недаром Соглашения эти после многолетних переговоров вылились в 75 году в документ, который формально носит название Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Короче, новый проект Итогового документа, представленный в Мадриде в конце 81 года, поддержали все нейтральные и независимые страны, кроме Мальты, изначальные требования которой о созыве специальной конференции по безопасности в Средиземном море не были

учтены в проекте.** Однако государства Североатлантического оборонительного Союза сочли обновленный проект Итогового документа Мадридской встречи неполноценным. Главным образом потому, что в нем в недостаточной мере были учтены вопросы прав человека. Хотя следует отметить, что именно этот документ, правда с рядом существенных дополнений, и лег 15 месяцев спустя в основу окончательного проекта Итогового документа. Но, увы, когда 16 декабря 81 года документ, переведенный на 6 рабочих языков Мадридской встречи — английский, французский, немецкий, испанский, итальянский и русский, был распространен среди делегатов, к нему просто утратили всякий интерес: за три дня до этого, 13 декабря, в Польше введено было военное положение, вызвавшие единодушное возмущение Запада ущемлением гражданских и политических прав польского народа.

Состоявшееся 18 декабря последнее пленарное заседание этого этапа Мадридской встречи заполнено было выступлениями, омраченными не только событиями в самой Польше, но и тем обстоятельством, что советские войска, вооруженные наисовременнейшей техникой, были подтянуты к польской границе и пребывали в состоянии боевой готовности. У всех на уме был пример Чехословакии 68 года.

От имени правительства Соединенных Штатов глава американской делегации Макс Кэмпелман заявил с высокой трибуны, что «любая прямая интервенция иностранных

** Должен сказать, что требования Мальты, из-за упрямства которой вообще чуть не сорвалась Мадридская встреча, оказались неприемлемыми как для Востока, так и для Запада по той причине, что для участия в такой конференции нужно было бы пригласить и страны средиземноморского бассейна, не входящие в Европу, — т. е. Сирию, Ливан, Израиль, Египет, Ливию, Тунис, Алжир и Марокко, без которых нельзя решить вопроса безопасности средиземноморья. Но поскольку перечисленные страны почти ни по какому вопросу между собой не сходятся и, более того, большая часть из них крайне враждебно относится друг к другу, то планирование в рамках Хельсинкского процесса конференции, заведомо обреченной на неуспех, просто не имеет смысла. Лишь 7 сентября 83 года Мальта (последняя) одобрила Итоговый документ. — В. Ф.

войск в Польшу явится угрозой безопасности Европы, угрозой миру» и что Соединенные Штаты будут расценивать это как «акт агрессии».

Аналогичные заявления были сделаны на Мадридской встрече от имени правительств Франции, Федеративной Республики Германии, Бельгии, Великобритании, Норвегии и даже неприсоединившейся Австрии.

Роль, которую сыграли тогда сосредоточенные в Мадриде дипломатические силы, трудно переоценить, ибо Мадрид в эти дни оказался тем единственным международным форумом, на котором со всей четкостью проявилось жесткое (я бы даже сказал, ультимативное) отношение Запада к подготовленной СССР военной аванюре. Даже ООН реагировала на польские события более вяло, поскольку для многих стран Третьего мира — а число их в ООН, как известно, преобладает — европейские проблемы, даже когда эти проблемы касаются безопасности, обычно кажутся второстепенными. Нет сомнения в том, что «польская глава» Мадридской встречи заслуживает особой оценки и когда-нибудь историки воздадут ей должное.

Формально дворец Конгрессов с 18 декабря 81-го года по 9 февраля 82-го был на замке. Однако усилия делегаций по сдерживанию польского конфликта от разрастания не прекращались и за пределами Мадрида: за это время в разных столицах мира проходили десятки встреч между представителями Востока и Запада (речь, разумеется, идет о Европе), а главное — непрерывные консультации друг с другом представителей западных стран. И как логическое следствие этого, 9 февраля, когда Мадридская встреча возобновилась, на нее съехались министры иностранных дел всех стран НАТО, а также многих нейтральных и неприсоединившихся государств, чтобы на высоком правительственном уровне осудить происходящее в Польше.

Несмотря на то, что этот этап встречи оказался самым коротким — чуть больше месяца, — он был, тем не менее, чрезвычайно насыщенным. Государственный Секретарь Соединенных Штатов Александр Хэйг в своем выступлении на Мадридской встрече 9 февраля 82 года заявил:

«Не взирая на принцип I-й Хельсинкских Соглашений, призывающий к уважению права каждого государства свободно выражать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы, Советский Союз посредством угроз и шантажа, а также вмешательства во внутренние дела вступил в разговор с польскими военными с целью лишить Польшу ее фундаментальных прав».

Представители СССР, Болгарии, Чехословакии, ГДР, а также самой Польши, утверждали, будто происходящее в Польше не имеет никакого отношения ни к политическому климату в мире вообще, ни к разрядке в Европе, в частности. На подобные заявления откликнулись даже страны нейтральные и неприсоединившиеся. Заместитель министра иностранных дел Югославии Игнац Голоб счел необходимым привести с трибуны Мадридской встречи слова своего министра Врховенца, обращенные незадолго до этого к сессии Союзной скупщины в Белграде в связи с событиями в Польше:

«Нет сомнения в том, что развитие событий в любой части Европы... способно повлиять на межевропейские отношения и на общий политический климат европейского континента».

Более конкретно эту мысль развил министр иностранных дел Швейцарии Пьер Обер:

«То, что произошло в Польше, — сказал он, — равно как и то, что происходит в Афганистане, направлено против разрядки и предает надежды, которые возлагают на Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе».

Сказанные в Мадриде Государственным Секретарем Хэйгом слова о том, что пока в Польше продолжают нарушения Хельсинкских Соглашений, «работа в Мадриде не сможет продолжаться как обычно», получили недвусмысленное выражение на практике: отказываясь делать вид, будто ничего не произошло, и отклоняя дальнейшее обсуждение Итогового документа, делегации стран западной демократии не упустили ни одного случая, чтобы не потребовать немедленной отмены военного положения в Польше и предоставления польским рабочим права образовывать независимые от властей профсоюзы, а польским гражданам — свободу решать свою судьбу.

Выступая на пленарном заседании Мадридской встречи, министр иностранных дел Голландии сказал, что «репрессивные меры, которые последовали за введением 13 декабря военного положения, лишили польский народ самых элементарных человеческих и гражданских прав, а также фундаментальных свобод. Это — вопиющее нарушение международных соглашений, в частности, принципов Заключительного Акта СБСЕ, которые провозглашают «право каждого народа самому решать собственную судьбу».

Надо сказать, что политические репрессии в Польше побудили Мадридскую встречу еще больше внимания обратить на политические репрессии, практикуемые коммунистическими режимами вообще и Советским Союзом в особенности. Наиболее показательными были выступления главы американской делегации Макса Кэмпелмана. Вот несколько примеров из его заявлений:

— *10 февраля* (выступление посвящено Польше и судьбе репрессированного польского ученого, профессора Бронислава Геремека): «Мы и впредь будем заявлять со всей ясностью о своем крайнем беспокойстве, вызванном подавлением в Польше человеческих свобод, а также выражать решительный протест против угрозы Советского Союза прибегнуть к вооруженной силе против польского народа. Смысл Хельсинкских Соглашений заключается в том, что человеческое начало признано за основу при решении вопросов безопасности, сотрудничества и мира».

— *24 февраля* (из речи об использовании психиатрии в СССР для политических целей — в этом выступлении посол Кэмпелман привел 15 случаев с указанием имен репрессированных в СССР с помощью психиатрии, среди которых названы рабочий Михаил Зотов, Владимир Хайло, отец 15 детей, баптист, выразивший желание покинуть СССР, репрессированные члены Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях — Александр Подрабинек, Феликс Серебров, Ирина Гривнина, врач Анатолий Корягин, Семен Глузман, Леонид Терновский и другие): «Мы не можем не сознать, что правительство, которое систематически пренебрегает правами собственного народа, неспособно уважать права других государств, других народов... Мы призываем власти в СССР покончить с этим варварством, ибо оно недостойно великого народа».

— *26 февраля* (о разрядке и советском лицемерии — в этом выступлении Макс Кэмпелман приводит выдержку из статьи А. Миловидова и Ю. Жданова в журнале «Вопросы философии», где

говорится: «Мирное сосуществование создает оптимальные условия для классовой борьбы... Разрядка, таким образом, создает благоприятные условия для классовой борьбы», и отмечает): «Советский Союз усматривает в разрядке скорее средство, приводящее к ослаблению усилий Запада, направленных на самозащиту, нежели средство, направленное на уменьшение международной напряженности. А это, в свою очередь, позволяет Советскому Союзу осуществлять свои агрессивные замыслы».

У главы американской делегации Макса Кэмпелмана за три года Мадридской встречи было около ста выступлений, пресс-конференций и встреч с журналистами. Я привел лишь несколько выдержек из его выступлений. Но и из приведенного нетрудно составить представление о стиле работы Кэмпелмана-дипломата. О чем бы он ни говорил — во главе угла всегда стояла проблема прав человека. А ведь веками считалось, что гуманитарные идеи не для дипломатов. Но теперь эти идеи внедрились не только в государственную практику Соединенных Штатов, но (что касается Мадридского форума) и в практику всех стран западной демократии. Именно идея о том, что жизнь и свобода человека и его права стоят над правами властей и правительств — и сблизила в Мадриде страны Запада.

12 марта 1982 года — из-за полного отсутствия доброй воли и стремления к взаимопониманию со стороны коммунистических стран — Мадридская встреча прервала свою работу на восемь месяцев.

Когда 9 ноября в столицу Испании вновь съехались представители 35 стран-участниц Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, основной темой выступлений по-прежнему оставались Польша и проблема прав человека. Великобритания, Голландия, Бельгия, Канада, ФРГ и, конечно же, США, а также многие другие страны настойчиво требовали отмены военного положения в Польше, освобождения всех интернированных и политических заключенных, а также возобновления диалога между польским правительством, с одной стороны, и представителями польской церкви и рабочими, с другой. Требовали также прекращения политических репрессий в СССР, освобождения советских политзаключенных и предоставления гражданам права в обществен-

ном порядке содействовать властям в выполнении Хельсинкских Соглашений.

Советская делегация прибыла в Мадрид с новым главой: место Ильичева занял Анатолий Ковалев, второй замминистра иностранных дел СССР, опыт которого обогащен участием в переговорах на ранней стадии СБСЕ. Но и Ковалев на деле не оказался более гибким, нежели его предшественник.

Именно в это время Запад выработал и представил 16 дополнений к проекту Итогового документа, предложенного нейтральными и неприсоединившимися странами почти год назад. В одном из этих дополнений говорилось о праве рабочих образовывать независимые профсоюзы и вступать в них. В другом — предлагалось создать специальную конференцию по вопросу свободы передвижения, в частности по вопросу воссоединения семей. В отдельном дополнении говорилось о праве на деятельность общественных групп «Хельсинки». Еще в других — о больших свободах для верующих, о прекращении глушения радиопередач, о праве народов самим определять свой политический, социальный и экономический статус без вмешательства извне.

Ответом советской стороны на все эти предложения было короткое слово, которое наряду со словом «спутник» вошло во многие европейские языки, — слово «нет!». А Андропов-младший, член советской делегации, заявил, что предложения эти являются «умышленной попыткой создать трудности».

К тому времени, как Мадридская встреча подошла к третьему перерыву на зимние каникулы, никакого согласия по проекту Итогового документа достигнуто не было (правда, появился некоторый проблеск: советская делегация согласилась в принципе на проведение в 1985 году в Канаде специальной конференции экспертов по правам человека). Особенно возражал Советский Союз против включения в Итоговый документ предложений о хельсинкских группах, о праве рабочих на образование независимых профсоюзов и о проведении специальной конференции по вопросу воссоединения семей.

8 февраля 1983 года, когда встреча в Мадриде возобновила работу, советская делегация по-прежнему наотрез отказывалась включить в Итоговый документ дополнения о

правах рабочих, о расширении религиозных свобод, о деятельности общественных хельсинкских групп.

Прорыв наступил более чем через месяц: 15 марта нейтральные и неприсоединившиеся страны выступили с обновленным вариантом Итогового документа, того самого, который был представлен еще в декабре 1981 года. Правда, в нем говорилось о праве рабочих создавать независимые профсоюзы, но зато право на забастовки было опущено. В нем не было конкретного упоминания о хельсинкских группах и были опущены требования о прекращении глушения радиопередач. Тем не менее, Соединенные Штаты и другие страны НАТО заявили, что обновленный вариант вполне может служить основой Итогового документа, хотя все еще нуждается в дополнениях, — видимо, стремление сохранить единство Запада сыграло свою роль.

Не прошло и трех дней, как глава советской делегации Анатолий Ковалев сообщил, что сам Генеральный секретарь Юрий Андропов готов принять обновленный вариант проекта «в целом». То есть без дополнений.

Однако шведы, австрийцы и швейцарцы — авторы проекта — повели себя исключительно корректно, заявив, что они сами понимают неполноценность обновленного проекта и готовы обсудить любые замечания.

Советская делегация оказалась в неловком положении, ибо не могла же она поставить под сомнение решение самого Генсека Андропова. На сей раз Мадридская встреча и в самом деле стала перед неразрешимой дилеммой. Переговоры затянулись еще на несколько месяцев, пока, наконец, 17 июня премьер-министр социалистического правительства Испании Фелиппе Гонсалес не взял на себя инициативу и не пригласил на частную встречу глав всех 35 делегаций, которым и вручил собственное компромиссное предложение из четырех пунктов.

Ни Запад, ни Восток не были в восторге от этого предложения. Многие требования западных стран были опущены, а некоторые утратили конкретность. Но Запад явно устраивало предложение Гонсалеса о проведении конференции по вопросу воссоединения семей — для СССР это было явным поражением. Зато СССР устраивало то обстоятельство, что предложение это шло от *главы правительства*, что

позволяло Андропову-старшему, в случае согласия, сохранить лицо.

Неделю спустя, 24 июня, на пленарном заседании представители западных стран нехотя заявили, что они готовы принять компромиссное предложение Гонсалеса, если предложение это примет Советский Союз.

Почти месяц члены советской делегации добивались того, чтобы конференция по вопросу воссоединения семей была упомянута *не в самом* Итоговом документе, а в приложении к нему — и они, не стесняясь, поясняли, что Андропов ведь сказал «в целом», что означает: никаких исправлений. В конце-концов, после того как Запад заручился гарантией, что приложения к документу будут обладать той же силой, что и сам Итоговый документ, разрешилась и эта проблема.

На этом Мадридская встреча могла бы и завершиться, если бы не Мальта со своими требованиями о проведении конференции по безопасности на Средиземном море. Впервые за три года Мадридская встреча вступила в некую вялую стадию, когда по существу она была завершена, а формально — нет. Делегаты встречались раз в неделю и тут же расходились. Итоговый документ, в общем, был готов. И документ этот, несомненно, оказался шагом вперед — пусть небольшим шагом, но все же вперед — по сравнению даже с самими Хельсинкскими Соглашениями. Приведу лишь несколько примеров предложений, которых нет в Заключительном Акте СБСЕ:

— «право трудящихся свободно создавать и вступать в профессиональные союзы и право профсоюзов свободно осуществлять свою деятельность...»

— «люди могут играть соответствующую и положительную роль в содействии достижению» целей Хельсинкских Соглашений,

— подтверждается «*особое значение* Всеобщей Декларации прав человека, Международных пактов о правах человека и других соответствующих документов... *поощрению и развитию* всеобщего уважения прав человека и основных свобод...»

— «государства-участники... подтверждают, что подача или возобновление просьбы (о воссоединении семей) *не*

будет приводить к изменению прав и обязанностей лиц, подавших просьбу (или членов их семей), в частности в том, что касается трудоустройства, жилья, местожительства...»

— «государства-участники будут... поощрять более свободное и широкое распространение печатных материалов, периодических и непериодических, импортируемых из других государств...»

— и, наконец, целый перечень мер по улучшению условий работы иностранных журналистов, включая ввоз в страну необходимого для работы справочного материала, личного архива и тому подобное.

Важной частью Итогового документа является также и решение о проведении в рамках Хельсинкского процесса двух конференций по правам человека: одной — в Оттаве (Канада) в мае 1985 года — для обсуждения выполнения странами-участницами всего комплекса Хельсинкских Соглашений; другой — в Берне (Швейцария) в апреле 1986 года — для обсуждения проблемы свободы выезда и воссоединения семей, а также конференции по безопасности в Европе — в Стокгольме (Швеция) в январе 1984 года.

7 сентября 1983 года, когда Мадридская встреча вступила в заключительную фазу работы и в столицу Испании съехались министры иностранных дел 35 государств, мир был потрясен гибелью 269 людей, находившихся на борту корейского пассажирского авиалайнера, уничтоженного советским истребителем-перехватчиком.

Два года назад, в ноябре 1981, с трибуны Мадридского форума тогдашний глава советской делегации Леонид Ильичев утверждал, будто «право на жизнь» проникло «во все поры советского общества». Теперь же, 7 сентября 83 года, с этой же трибуны министр иностранных дел СССР Андрей Громыко заявил, что не Жизнь, оказывается, священна, а «священны границы Советского Союза». Громыко добавил, что и впредь советские вооруженные силы будут вести себя точно так же.

И снова в Мадриде Запад продемонстрировал сплоченность, выступая против духа разрушения и насилия. Министр иностранных дел Бельгии Лео Тиндемманс, выражая общее мнение стран западной демократии, сказал:

«Это бесчеловечный акт, нарушающий самые элементарные нормы отношений между цивилизованными государствами, акт, которому не может быть оправдания, если не считать за норму международных отношений цинизм и жестокость».

«Этот акт, — сказал министр иностранных дел Франции Клод Шейсон, — нельзя рассматривать в отрыве от длинного списка нарушений Советским Союзом Хельсинкских Соглашений. А в списке этом числится продолжающаяся оккупация советскими войсками Афганистана, неустанное наращивание Советским Союзом военного потенциала, превышающего интересы безопасности собственной страны и опасно нарушающего баланс вооружений в Европе. В этом списке нарушений Хельсинкских Соглашений числится также Польша, где попораны и продолжают попираяться основные права человека.»

Добавлю от себя, что в этом списке нарушений числятся и политические репрессии, систематически проводимые в Советском Союзе. Обо всем этом красноречиво свидетельствует трехлетний Мадридский форум.

Мадрид не научил коммунистические государства быть более терпимыми и не сделал их более демократическими. Но он ясно показал миру истинное лицо советского социализма. Мадрид показал также, что недостаточно подписывать обязательства, надо их еще и выполнять. Но главное — Мадрид показал со всей убедительностью, что идеи демократии и гуманизма неистребимы.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА УКРАИНСКОЙ ХЕЛЬСИНКСКОЙ ГРУППЫ

К общественности и правительствам демократических стран,
подписавших Хельсинкский Заключительный Акт

Закончила свою работу продолжавшаяся почти три года Мадридская конференция по проверке выполнения Хельсинкского Заключительного Акта. Главной темой выступлений представителей западных стран на этой конференции была резкая критика постоянных нарушений советским правительством и правительствами других стран Восточного блока прав человека. Создавалось впечатление, что на сей раз (в отличие от Белграда) демократические государства намерены решительно добиваться внесения в заключительное коммюнике, по крайней мере, положений о недопустимости нарушения личных и национальных прав граждан, о признании за общественными группами содействия выполнению Хельсинкских соглашений права свободно продолжать свою деятельность, об освобождении из заключения всех арестованных членов хельсинкских групп и связанных с ними правозащитных организаций.

Тем неожиданнее для нас было сообщение из Мадрида о том, что в заключительный документ конференции ни одно из этих требований не было внесено. На наш взгляд, принятие участниками мадридской встречи документа, который не обеспечивает защиту общественных групп «Хельсинки», — свидетельство дипломатической победы тоталитарного режима Советского Союза.

Мы уверены — сегодня всем очевидно, что прочный мир на земле невозможен без соблюдения государствами прав своих граждан.

«В 1948 году государства-члены ООН приняли Всеобщую Декларацию Прав Человека, подчеркнули их значение для поддержания мира, — писал недавно лауреат Нобелевской премии Мира акад. А. Д. Сахаров. — В 1975 году взаимосвязь прав человека и международной безопасности провозгласил Хельсинкский Акт. Среди этих прав: право граждан контролировать принятие руководителями страны тех решений, от которых зависят судьбы мира. А ведь мы даже не знаем, как и кем было принято решение о вторжении в Афганистан».

Мы убеждены, что эта истина хорошо известна и руководителям демократических стран. Но тем не менее западные государства в Мадриде согласились на разрыв неразрывной связи вопросов мира и безопасности и вопроса о правах человека — на раздельное проведение конференции по разоружению (которая послужит прикрытием агрессивной империалистической политике советского государства) и совещания по вопросам прав человека (которое

Советский Союз ни к чему не обязывает, поскольку решений этого совещания никак не будут связаны с проблемами, в которых он кровно заинтересован). Причем Европейскую конференцию по разоружению намечено провести в Стокгольме уже в январе следующего года (т. е. через 3-4 месяца), а первый форум в рамках Хельсинкского соглашения, на котором будут обсуждаться права человека, должен состояться в Оттаве лишь через 2 года. Не задушит ли КГБ к тому времени правозащитное движение вообще?

Таким образом, тема нарушения прав человека в СССР и странах Восточного блока из главной в начале совещания превратилась во второстепенную и даже третьестепенную в конце. И более того, второстепенность этой проблемы закреплена заключительным документом Мадридской встречи (точнее тем, что проблема прав человека практически не нашла в нем своего отражения).

Правда, в Мадридском коммюнике есть несколько общих фраз о проблемах, касающихся прав человека. Но чего стоят эти расплывчатые формулировки, если советские власти даже во время работы Мадридской конференции не только не прекратили, а, наоборот, ужесточили репрессии против тех, кто добровольно взял на себя обязательства содействовать выполнению Хельсинкского Акта, ожидая поддержки от общественности демократических стран?

Разгромлена Московская Хельсинкская группа, не имеют возможности действовать легально хельсинкские группы на Украине, в Литве, Армении и Грузии. За 3 года работы Мадридского совещания КГБ арестовал несколько десятков членов этих групп. В эти годы КГБ начал использовать новую (точнее, старую — сталинскую) тактику преследования правозащитников — прямо в лагерях правозащитников, которые должны выйти на свободу, приговаривают к новым срокам заключения. В 1980-82 гг. в лагерях или в ссылке вновь арестованы 7 членов Украинской Хельсинкской группы: Василь Овсиенко, Вячеслав Чорновил, Петро и Василь Сичко, Ярослав Лесив, Василь Стрильцев, Юрий Литвин. В марте этого года в лагере (впервые со времен Сталина) была арестована женщина-политзаключенная — член Украинской группы «Хельсинки» Ольга Гейко-Матусевич. В это же время КГБ начал кампанию преследования родственников правозащитников. Арестованы и осуждены на 10 лет неволи жены членов хельсинкских групп Раиса Руденко и Татьяна Осипова; брошен в концлагерь брат и сын вышеупомянутых правозащитников Владимир Сичко.

Жестокость карателей из КГБ не знает предела — в период Мадридского совещания погибли в лагерях — фактически были убиты — Юрий Кукк и Виктор Томачинский.

Отношение советского правительства к правам своих граждан копируют правящие режимы в других странах Восточного блока. Пример тому — путч Ярузельского (в декабре 1981 года — во время работы Мадридской конференции) и массовые репрессии против польского народа. И это в то время, когда начавшееся в СССР хельсинкское движение стало международным (недавно была

образована тесно связанная с «Солидарностью» Хельсинкская группа в оккупированной Ярузельским Польше).

Неужели будет считать себя связанным столь расплывчато сформулированными обязательствами правящий в СССР режим, который способен на варварский акт воздушного бандитизма — убийство 269 пассажиров и членов экипажа южнокорейского самолета, также как способен он на убийство сотен тысяч ни в чем не повинных людей в Афганистане?

Зарубежное Представительство Украинской Хельсинкской группы выражает свое недоумение в связи с тем, что демократические страны, подписав Мадридское коммюнике, вновь согласились принять иллюзию безопасности за подлинный мир и заплатить за эту иллюзию ценой свободы тех, кто, требуя выполнения Хельсинкских соглашений, действительно добивается прочного мира.

Украинская Хельсинкская группа призывает народы демократических стран обязать свои правительства:

дать отчет общественности о том, почему Мадридское коммюнике не отразило фактического несоблюдения странами советского блока Хельсинкских соглашений;

решительно потребовать от СССР и его союзников строгого соблюдения всех положений Хельсинкского Акта и немедленного прекращения репрессий против тех, кто содействует претворению его в жизнь;

в случае советского отказа немедленно выполнить эти требования, заявить, что Советский Союз и его сателлиты сделали Хельсинкское соглашение недействительным *de facto*, и возложить на эти страны всю ответственность за нежелание обеспечить мир и безопасность в Европе.

Петро Григоренко, Владимир Малинкович, Леонид Плющ, Надия Свитлычна

14 сентября 1983 года

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

П. Абовин-Егидес

В ПОГОНЕ ЗА ПАРАДОКСАМИ

(По поводу публицистики А. Зиновьева)

Больно слушать...

Куда бы в последнее время меня ни приглашали, повсюду я натыкался по существу на один и тот же вопрос западных людей, за которым сквозил уже и унылый ответ:

— А даст ли что-либо диссидентское движение в Советском Союзе? Ведь вот ваш Зиновьев пишет, что тоталитарный режим в Союзе прочен, стоит чуть ли не как скала, что народ и партия едины, что народу вашему «свобода нужна так же, как рыбе зонтик» (см. его статью в журнале «22», N 10, 1979). Ну, а если диссидентское движение — пустая затея, то к чему тогда нам поддерживать это?..

В связи с нынешней польской трагедией этот нигилизм еще более углубился:

— Если даже сплоченное, массовое польское движение так просто-грязно было розмозжено в течение одной ночи, то на что уж может уповать малочисленное диссидентство в самом СССР? Режим этот могуч, ибо в нем заинтересован сам советский народ, как пишет Зиновьев...

Зиновьев, Зиновьев...

Как только я очутился на Западе, меня попросили дать для радиостанции «Свобода» интервью о моем отношении к его творчеству. Я старался быть предельно объективным: с одной стороны, отметил ценные черты его творчества, с другой стороны, думается, нашел форму высказать деликатно то, с чем я у него не согласен. Ввиду этого интервью выглядело так: противоречия в текстах Зиновьева — кажущиеся или терминологические, но лишь в том случае, *если* (!) он согласен с такими-то толкованиями, замечаниями, уточнениями, дефинициями.

Зиновьев при неоднократных наших встречах не возразил ни на одно мое замечание, выразив лишь неудовлетворение затяжкой публикации интервью, и я, следовательно, имел основание полагать, что он с моими замечаниями согласен.

Но в дальнейшем, следя за выступлениями Зиновьева, я увидел, что он продолжает «упрямо гнуть» все то же. Малейшее возражение ему по любому вопросу уже вызывало его негодование. В таких условиях наши встречи становились все более и более тягостными и, соответственно, все более редкими...

Назревала необходимость открытой дискуссии.

Да, сатира Зиновьева феноменологически очень богата, но его работы (особенно последних лет) нафаршированы суждениями очень убогими на сущностном уровне. Хотя ему самому эти суждения кажутся парадоксами, на деле они оборачиваются обыкновенными паралогизмами и даже софизмами. И больно слышать, как многие западные люди, да к сожалению, и немало наших людей «усваивают» именно их. Не анатомия духовной энтропии в СССР, блестяще исследуемая Зиновьевым в «Зияющих высотах», запоминается этим людям, а именно его несколько софистических тезисов, множество раз повторяемых автором чуть ли не дословно во всех его последующих статьях, эссе, интервью.

Вот эти тезисы:

— При Сталине в стране установилось классическое народовластие.

— Поэтому народ и поныне интегрирован с режимом.

— Отсюда: режим этот стабилен.

— Система в СССР совершенно здоровая, нормальная.

— У диссидентов же нет положительной программы.

— Диссиденты оказавшиеся в эмиграции — политические пенсионеры, устраивающие свои эгоистические делишки.

То, что именно эти тезисы Зиновьева воспринимаются прежде всего, покажу на нескольких примерах.

На съезде лейбористов в Брайтоне, на который в числе некоторых диссидентов был приглашен и я, выпала воз-

* Уже в первом самиздатском номере «Поисков» я высказал мнение, что «о духовном растлении народа рассказала как бы вулканически вырвавшаяся наружу книга „Зияющие высоты“». И хотя по ряду вопросов с автором, как говорится, можно спорить, но по глубине перелопачивания социально-психологических пластов действительности в мировой литературе трудно найти что-либо подобное».

возможность побеседовать вначале с Бэном, а затем с Футом. В время беседы с Бэном я задал вопрос:

— Как же так: вы — социалисты — пригласили на свой съезд наряду с диссидентами-социалистами (что является шагом вперед) и *антисоциалистическую* делегацию официальных лиц из СССР (а это уже — два шага назад: ведь со времени подавления «Чешской весны» лейбористская партия не приглашала на свои съезды советские делегации).

— А что же делать?

— Но вы этим даете советскому руководству индульгенцию за афганскую трагедию: пригласив его представителей на свой съезд, вы тем самым признаете, что со времени чешских событий оно чуть ли не исправилось.

— Но что же нам остается делать?

— Тогда пригласили бы вы и делегацию «партии» Пиночета...

— ??

— Ну, да: кремлевская мафия ведь не менее фашистская, чем пиночетовская хунта.

— Но Пиночет не может уничтожить наш остров в одну ночь...

— Что верно, то верно. Так вели бы вы себе с Кремлем дипломатические переговоры, но не на съезд же приглашать. Это во-первых. А во-вторых, почему вы в таком случае призываете к одностороннему разоружению?

— Ибо в этих условиях вооружение не имеет для нас смысла: с этой великой державой — при стабильности ее режима, о чем ведь и ваш Зиновьев совершенно определенно пишет, — надо искать лишь *modus vivendi*. И к тому же все-таки Советский Союз — это союз советских социалистических республик...

— Вот это как раз и есть величайший миф, величайший софизм XX века: наша страна — *не* Союз, *не* советских, *не* социалистических и *не* республик.

— ???

После же паузы:

— Да... Вы, может быть, и правы. Но все-таки...

Но, быть может, это «все-таки» — позиция только «левых» лейбористов? Увы, нет. И Майкл Фут ответил мне примерно то же:

— Я с вами согласен, но... — и он поднял указательный палец.

— Что но? — улыбнулся я.

— Но с этим великим стабильным государством надо искать какой-то общий язык... Ибо это все-таки Советский Союз.

Ох, уже это «все-таки»!.. Оно-то и есть корень зол, бед, трагедий нашей эпохи...

А референт Фута, который сопровождал его во время визита в Москву, уточнил:

— Вы же сами пишете, что ваш режим невозможно сдвинуть, что он может, как дуб, простоять тысячу лет...

— Кто «вы»?

— Ну, ваш этот... как его... Зиновьев. Он же говорит, что у вас уже не только социализм, но и коммунизм, которого народ ждал, которого хочет и приемлет с радостью. Да и с властью народ, оказывается, интегрирован... Что же в такой ситуации может сделать кучка ваших диссидентов?.. И какой резон нам вас поддерживать? Вы должны быть реалистами. У нас свои проблемы...

Стыдно и больно было слышать подобные ссылки на Зиновьева.

К великому сожалению, то, что говорено было в Брайтоне, — не исключение. Нечто аналогичное — хотя и в другой оркестровке — услышал я на собрании социал-демократов в Мюнхене:

— Во-первых, московский режим не такой уж страшный: вот Сахарова всего лишь выслали в большой город Горький, а в Аргентине борцов за демократию выбрасывают из самолетов... да и ваш Рой Медведев пишет, что у вас налицо улучшения, прогресс и что к 2000-му году все образуется... А ваш Зиновьев ..., — говорит кто-то...

— Во-вторых, все-таки Советский Союз — это же государство трудящихся, где уничтожен антагонизм между трудом и капиталом..., — говорит другой.

Я хватаюсь в отчаянии обеими руками за голову: Боже мой, куда же деваться от этого въевшегося в подкорку современного человека «все-таки»?..

... И лишь только в Валансе — на съезде социалистической партии Франции — я почувствовал какое-то осве-

жающее дуновение. Здесь уже, слава Богу, не фигурировала гипнотическая формула «А все-таки». Собеседники искренне и горячо обсуждали вопрос о том, что на следующий съезд ни за что не следует наряду с представителями афганского сопротивления и диссидентами-социалистами приглашать и их палачей — представителей КПСС, партии, предавшей интересы рабочего класса и не раз стрелявшей в него.

Однако, увы, и тут в беседах все же были слышны реплики вроде:

— Но вот уповать на диссидентов тоже трудно: читаем же мы, что о них говорят ваши же люди, даже такой острый критик-ученый, как Зиновьев... Народ, говорит он, будет до последнего отстаивать наличный режим. Так ли это? Если так, то ведь никакого выхода...

Приехал я, наконец, и в Новый Свет — в Канаду. И что же? И здесь слышу ту же заунывную мелодию...

А в довершение всего получаю из России письмо: оказывается, среди диссидентов кое-кто пустил призыв заменить противостояние... компромиссом (С кем? С властями? Но ведь в их антиязыке «компромисс» означает полную капитуляцию их оппонентов, полный отказ от прав человека), ибо и народ-де, как пишет, например, В. Сокирко, против диссидентов... И в этой «философии отчаяния» опять-таки слышен отзвук зиновьевских «парадоксов».

Значит, разобраться с ними, с «открытиями» Зиновьева, весьма важно.

Софизмы в тоге парадоксов

Начальный тезис, который кажется Зиновьеву парадоксом, из которого вытекает цепь его других якобы-парадоксов, звучит так: «дело в том, что несмотря на все ужасы сталинизма, это было *подлинное* народовластие... в самом глубоком смысле слова, а сам Сталин был *подлинным* народным вождем» (здесь и в следующих цитатах выделено мною — П. А.-Е.) Именно вот этим Зиновьев объясняет, почему его мать до самой смерти — до 1969 г. — хранила в Евангелии портрет Сталина, несмотря на то, что пережила все ужасы коллективизации и послевоенных лет. И именно в

подобном хранении видит он знамение... народовластия. Зверства сталинизма, — продолжает Зиновьев, — были характерным выражением народовластия в тот период... У Ленина было недостаточно гнусных качеств, чтобы стать народным вождем...

Стоп! Все это кажется автору весьма оригинальным — на деле же перед нами цепь логических передержек (я не буду касаться здесь того, насколько все это оскорбительно для народа: отношение автора к его народу — это хоть и вопрос морали, но вместе с тем и вопрос, так сказать, интимный):

1) Из того, что мать Зиновьева хранила портрет Сталина, отнюдь не следует, что так делает весь народ, все крестьянство или хотя бы значительная часть его. Я, например, сберег в своей памяти совсем другие, противоположные факты: когда умер Сталин, я жил на Украине (в Черкассах) безработным и пошел на колхозный рынок посмотреть, как реагируют крестьяне на это известие. Представьте: ни слезинки! И даже совсем наоборот. Правда, не было и внешнего ликования («кто знает, что еще будет?»), но лица выражали явное облегчение. А когда я затем был председателем колхоза в Пензенской области, то слышал в адрес Сталина одни только проклятия. Слышал я их и во время войны, и в лагере — еще при жизни Тирана. Конечно, есть и такая часть населения нашей страны, которая вздыхает по Сталину, по «порядку», но только часть — и сравнительно незначительная.

Да, прав Зиновьев, что многие дети крестьян и рабочих при Сталине стали учителями, врачами, инженерами, профессорами. Т. е. возникла т. н. новая интеллигенция, что давно, кстати, известно. И именно эта часть народа и была опорой сталинизма. Но Зиновьев упускает из виду «малость»: большинство народа осталось рабочими и крестьянами, и они то и получали на трудодни 0,0; у них-то все отбирали, и сердце у них изныло от рабства, унижений, и вечно внутри клокотала горечь... Ну, а затем и сама новая интеллигенция в массе своей оказалась нищей и бесправной, и в глубине души она это чувствует. Зиновьев же делает выводы, противоречащие логике (это тем более непростительно человеку, для которого логика — его специальность): из того, что сколько-то людей хранят портрет Сталина, отнюдь не следует, что народ

воспринимает диктатуру Сталина как народовластие, как свою власть. Наоборот, колхозники и рабочие обычно говорят: «Ихняя власть. Все ихнее». Правильно утверждая, что наука должна исходить из фактов, а не из мнений, Зиновьев тут же выдает свое мнение за... истину.

2) Берем первый попавшийся в руки энциклопедический словарь и читаем: «Демократия означает народовластие, это форма государственного управления, при которой сам народ осуществляет власть». Иначе говоря, «народовластие» — это точный перевод греческого слова «демократия». С каких же пор отсутствие демократии в нашей стране (что признают все критики — в том числе и Зиновьев) означает народовластие, т.е. наличие демократии? Отсутствие есть... наличие — это же явное *contradictio in adjecto*, элементарнейшее нарушение закона противоречия, сформулированного еще, как известно, Аристотелем.

Зверства сталинизма, если они и даже сопряжены были в как-то плане с разнузданными страстями толпы, не есть народовластие, а есть народобезвластие (Ибо народ — это не толпа, не сброд, не конгломерат и даже не то же, что население. Коль есть разные понятия — «толпа», «население», «народ», — то каждое из них должно нести смысловую нагрузку, иначе они становятся лишними). У нас не только народовластия нет — у нас режим лишает население даже статуса народа, ибо строго говоря, народ можно определить как такое население, которое имеет какую-то возможность самостоятельно решать свои общие дела, чего у нас нет и в помине.

Зиновьев утверждает, что его суждение о народовластии при сталинизме есть парадокс, поскольку оно (это суждение), мол, неожиданное, оригинальное. Но что такое парадокс? Парадокс — это такое неожиданное, еще пока никем не принятое суждение, которое лишь кажется на первый взгляд невероятным, но на деле уже заключает в себе истину (все новые значительные истины вначале высказываются одним человеком и часто воспринимаются всеми другими как парадоксы: так воспринимали истины Галилея, Коперника, Эйнштейна). Однако, если всякий парадокс — неожиданное, оригинальное суждение, то, далеко не всякое неожиданное, даже оригинальное суждение — парадокс. Суждение же

Зиновьева не заключает в себе истину: оно алогично. Следовательно, перед нами не парадокс, а обыкновеннейший софизм (в лучшем случае — паралогизм). Софизм отличается от парадокса тем, что это — неправильное суждение, ложное, в то время, как парадокс, наоборот, — суждение истинное, хотя еще и не принятое. Ну, а у Зиновьева неправильное, по сути дела, выдается за непринятое, т. е. совершается обыкновенная подмена понятий. Одна из функций науки, как известно, заключается в том, чтобы распутывать сложные проблемы. Зиновьев же — в погоне за парадоксами — словно нарочно стремится все настолько запутать, чтобы уже исчезли всякие определенности...

Можно бы, конечно, пренебречь противоречием между правильным, с одной стороны, утверждением Зиновьева, что надо постоянно спасать демократию, демократическую цивилизацию от тоталитаристов-коммунистов, и его ложным, с другой стороны, утверждением, что в Советском Союзе давно существует народовластие, установленное теми же тоталитаристами, но при одном условии. При каком же? Если под народовластием понимать не власть народа как объединенной совокупности суверенных личностей, а власть Народа как синкретической Личности (т. е. некоей трансцендентной по отношению к живым личностям Субстанции, некоего «божества», подавляющего эти личности, из которых подлинный народ-то и состоит), иначе говоря, если в совокупности личностей Совокупность отрывается от того, совокупностью чего она является, и начинает противостоять самим личностям, ее же создавшим. Это означает полную инверсию субъект-объектных отношений и, следовательно, лишение народовластия его *подлинности*.

Но ведь Зиновьев говорит совсем не об этом: он просто грубо подменяет народовластие как политическую структуру, при которой каждая особь в народе имеет гарантированное право решать (право решающего голоса), т. е. быть личностью (в чем и заключен глубинный смысл демократии), разгулом низменных инстинктов, участием в репрессиях или — в лучшем случае — социальным феноменом превращения части народа в новый образованный («интеллигентский») слой. Но в таком случае и фашизм — с его разгулом

филистерских страстей толпы, которой бросили на съедение прежде всего еврейство, — есть... демократия, то бишь народовластие. Зачем же так запутывать человеческий язык, превращать его их средства общения между людьми в средство их разобщения из-за взаимного непонимания? Чтобы ввести читателя в такой алогичный лабиринт, из которого уже не выбраться?..

3) Спиноза строил свою философскую систему так: «Под субстанцией я понимаю то-то...» — и отсюда выводил логическим путем все свои схолии. Это же делает и Зиновьев. Он, например, пишет: «Под социализмом я понимаю то, что имеет место в Советском Союзе».* Так же может он сказать: «Под демократией или народовластием я понимаю то-то...» Имеет он «логическое право» это делать? Конечно. Но так в науке, от имени которой все время тщится говорить Зиновьев, быть не может; так можно строить лишь философскую систему, ибо философия — не наука: философская система — это логически стройное саморефлектирующееся мировоззрение, это индивидуальное творчество системосозидателя, она оригинальна по определению. В науке же, например в физике, не может быть, чтобы один физик говорил: «Под скоростью, под гравитацией, под атомом, под молекулой я понимаю то-то...», а другой — другое.

То же касается социологии как науки. Понятие «демократия — народовластие» имеет в ней определенный смысл, сложившийся, как сказано уже, исторически. Можно конечно, расширять или сужать понятия, но не вносить в них совершенно произвольное содержание.

4) Произвольно играет терминами — исторически эволюционирующими — Зиновьев в зависимости от того, как это выгодно для очередного псевдо-парадокса. Так, Сталин, пишет Зиновьев, вовсе не был диктатором. Почему же? Потому что в Древнем Риме под термином «диктатор» понимали не тот статус, в котором в Советском Союзе оказался Сталин? Что же за статус был у Сталина, по

* То, что действительно имеет место в Советском Союзе в социально-экономическом плане, равно как и социально-экономическую концепцию Зиновьева, мы в этой статье не рассматриваем: это — отдельная, большая тема.

Зиновьеву? Он, видите ли, народный вождь, при котором буйно рацветало опять-таки народовластие. Гм...вовсе не диктатура у нас оказывается, а — власть самодеятельного населения. Остается руками развести — и только. Оказывается, как уверяет нас Зиновьев, «без *самодеятельности* масс населения никакой сталинизм невозможен». Значит, в изуверствах Сталина и его опричников виновата...самодеятельность самого народа, а не режим, навязанный ему. Но то же говорят ведь и французские коммунисты: советский народ сам *выбрал* свой режим, и поэтому не наше дело его, этот режим, критиковать...»

Зиновьев, безусловно, прав, когда говорит, что тоталитарный режим держится не просто насилием над народом кучки жестоких злоумышленников, а что это уже система со сложными законами, которая втянула в свою орбиту огромные пласты населения (эту — давно известную мысль — он повторяет множество раз). Но при этом он тут же совершает существенную подмену понятий, что меняет всю картину: механизм уже *ставшей* системы смешивает с механизмом *становления* системы.

Да, механизм раз сложившейся системы уже действует по ее определенным законам, захватывая в свою орбиту целые пласты населения, тянущиеся шлейфом от самого верхнего звена пирамиды (и чем ближе пласты этого шлейфа к верху, тем более заинтересованы они в сохранении системы), но это не значит, что данная политическая система *возникла* сама по себе, как фатальная историческая неизбежность, и тем более не значит, что она — результат самодеятельности народа или его выбора: ему систему режима *навязали* (не спрашивая его). Другое дело, что часть народа, не разобравшись в глубинной сути режима, вначале приняла его, поверив в его девизы, в то время как другая часть народа отвергла его сразу (что вылилось в гражданскую войну, в результате которой режим был буквально штыками «подарен» всему населению).

Отвергая и высмеивая марксизм, А. Зиновьев не только идет по его стопам, но даже обгоняет его, слишком объективизируя и даже фатализируя исторический процесс (называя это наукой), игнорируя роль субъективного фактора. Так он пишет: «Негодяйство их (Сталина и К», — П. А.-Е.)...производится самим *нормальным* ходом жизни... Короче

говоря, Сталин был адекватен породившему его историческому процессу...» Тут снова «логическая» подмена: да, социально-политический процесс, начавшийся насильственным захватом власти одной партией, привел к сталинскому режиму, но сам этот захват власти не был результатом нормального хода жизни, не был исторической неизбежностью: он был результирующей стечения множества обстоятельств того исторического момента. Но исторический процесс мог сложиться и иначе, ибо нет фатально закодированного хода истории. Есть объективно обусловленные исторические тенденции, но нет имплицитно запрограммированного конкретного исторического процесса.

Да, не только народ, но и партия, и даже Троцкий, Г. Зиновьев, Бухарин и прочие «болтуны из ленинской гвардии» (как их называет А. Зиновьев) не ведали, какая в результате монопартийности большевистского режима вылупится социальная система. Раз зачатая, она уже складывалась спонтанно, объективно, но вектор, рамки этого самого складывания были заданы субъектом-демиургом власти, насильственно разогнавшим учредительное собрание, насильственно устранившим из игры все другие партии, захватившим все «командные посты».

Утверждать при этом, что все те ужасы, трагедии, кошмары, которые мы переживаем, не навязаны народу, а необходимы, неизбежны, неотвратимы — все равно, что сказать: движение Сопrotивления Злу бессмысленно, бесполезно и ни к чему не может привести. Раз Зло непреодолимо и оно есть фатальный «нормальный ход жизни», раз носители Зла «адекватны...историческому процессу», то... не трать, кума, силы и спускайся на дно. Поднимем же руки вверх: наш удел лишь подкладывать поленья на тот костер, на котором мы сами же и должны сгореть... Веселенькая история — не правда ли?

А. Зиновьев часто потрясает словом «научность». Но если все это — научность, логика, то что же тогда их отсутствие?

Молчание — знак согласия?

Из алогического тезиса о том, что режим, сформированный при Сталине, означает народовластие, вытекает — причем уже совершенно логично — другой «парадокс»

Зиновьева: что народ *интегрирован* с властью, партией, режимом, что девиз советской пропаганды «Народ и партия едины» — истина. Ведь если власть у народа, то ему это, конечно же, импонирует, и он будет отстаивать режим, который дал ему — народу — власть. А то, что у нас все чем-то недовольны, как пишет тут же соиздатель «парадоксов», то ведь это повсюду так: такова уж природа человека...

Но все дело в том, что ложна, как мы видели, сама исходная посылка, — и тогда рвется вся последующая «логическая» цепь, хотя сама по себе она в данном случае и выдерживает правила силлогистики.

Но вот опять выверт. Вместо того, чтобы уточнить, что его положение «советские люди *принимают* режим» не означает «*любят* режим», а означает «принимают скрепя сердце, принимают *пока*, молчат пока, *терпят* его пока», — вместо этого Зиновьев подсовывает суррогат парадокса: сие, видите ли, означает, что советский человек «будет *до последнего* защищать наш нынешний строй», поскольку советский человек против частной собственности, против капитализма, за социализм. Но это же явная передержка: во-первых, советский человек в глубине души давно чувствует, что нынешний социально-экономический строй у нас далек от социалистического, что этот строй не соответствует тому, о чем он, народ, мечтал, а, во-вторых, желая социализма, народ вовсе не желает тоталитарного режима (хотя и не поднялся еще на открытую борьбу с ним). Народ видит, что руководство и партия переродились (и называет дома, в которых живет номенклатура, «дворянскими гнездами», «Уолл-стритом»), предали его, рабочий класс, трудящихся, социализм.

Но чувствуя в глубине души именно так, народы наши не стали пока на путь активного сопротивления — молчат. Однако, вопреки пословице, молчание не есть знак согласия народа с властью. Из того, например, что в данный отрезок времени чешский народ притих, не следует ведь, что он согласен с режимом: свое отношение к режиму он ясно показал в дни «Пражской весны». Да, наш народ молчит значительно дольше, чем чешский или польский по многим причинам (в том числе и из-за того, что он смертельно устал от

пережитых массовых трагедий, из-за того, что испытывает информационный голод и не может в своем мышлении свести концы с концами, из-за того, что видит, как бизнесменовский Запад выдает все новые индульгенции московскому тоталитаризму — в головах наших людей это оседает так: «Ну, коли огромный, могущественный Запад боится нашего правительства, то куда уж нам? Что тогда можем сделать мы здесь, не имея ни малейшей возможности объединиться?»), но только не потому, что интегрирован с режимом, что согласен с ним: он смотрит на режим, как на проклятие, наказание, которое надо пережить...

Жупел «стабильности»

Из того «факта», что народ якобы солидарен у нас с режимом, Зиновьев, как уже отмечено выше, делает новый «парадоксальный» вывод: значит, режим сей стабилен. Но вот германская толпа неистово скандировала «Хайль Гитлер!» — значит ли это, что фашистский режим был стабилен? А ведь он дал обывателю куда больше благ, чем белую простыню, о которой пишет Зиновьев (хотя не знает, что, например, пензенские крестьяне и по сей день не ведают ни белых простыней, ни бань, ни того, что такое котлеты, — ничего, кроме похлебки, соломенного матраца и кизяков в качестве отопления). Но и фашизм продержался в Германии всего 12 лет. Ничего себе стабильность... Прежде, чем швыряться отпугивающими потенциальных участников сопротивления жупелами вроде «стабильность», нужно все же раньше определить, что сие значит. И в чем же критерий стабильности?*

** В самом деле, в чем же состоит стабильность режима? В том, что население, которому не дают проявить себя как народ, какое-то количество лет молчит, стоя на коленях? В том, что свирепствуют репрессии, из-за которых диссидентское движение, свободные профсоюзы не могут быть массовыми? В том, что, паразитируя на чужой технологии, режим создал мощную армию? Но есть более основательные критерии: стабилен тот режим, который не боится оппозиции, не боится свободы критики. Ну, а если режим воюет не против террористов, а против мысли, то стабилен ли он? Мне мои бывшие друзья-либералы в Советском Союзе говорили: «А что дает

Режим нынешний существует несколько десятков лет. Для нас, ныне живущих, это ужасно много — но говорит ли это о долговечности режима? Да, из истории видно, что деспотические режимы трудно уничтожимы, что они держались подолгу, — но ведь прежде всего потому, что они были замкнутыми. В наше время подобная изолированность государств уже невозможна: ни железный занавес, ни берлинская стена не могут обеспечить замкнутость в течение длительного времени: человечество из совокупности отдельных обществ все больше превращается в единую систему. Более того, демократическая цивилизация — *уже не слабосильный оазис в огромной тоталитаристской пустыне*, а мощная система государств, к которой тянутся и другие народы. И хотя выросла и военная мощь московского тоталитаризма, все же он не может выдержать соревнования ни в какой сфере с демократическим миром.

Да и можно ли говорить о стабильности мафиозного режима, который «силен» не своей собственной силой, а, с одной стороны, паразитированием (в сфере технологии) на теле демократического мира и, с другой стороны, разобщенностью своих отрицателей. Разобщены в определенной мере глобальные демократические силы, разобщены непростительно диссидентские группировки разных стран, разобщены диссиденты-эмигранты из СССР, разобщены диссиденты-эмигранты-русские на ряд групп и диссиденты-эмигранты-украинцы на враждующие течения.

Вот в чем (еще и в шлейфе то циничных, то дрессированных «образованцев», который тянется от вершины политической пирамиды), косвенная «сила» коллегии посредственностей, составляющих в совокупности... «мудрое» Политбюро. Сколько лет еще просуществует подобный режим, зависит не только от объективных обстоятельств, но и от нашего сопротивления, в том числе — в какой-то мере — и

Гайд-парк? Что он может изменить?» — «Но если он ничего не может изменить у нас, — отвечал я, — то почему наш режим боится его разрешить?» Да потому что сам режим наш — в отличие от Зиновьева — хорошо знает, что он нестабилен: стабилен тот режим, который гайд-парков не боится, который не возводит берлинские стены, не душит танками ни весну (чешскую), ни лето (польское).

от деятельности диссидентов-эмигрантов. Поэтому не изощряться в «изобретении» отпугивающих жупелов-эрзацпарадоксов нам подобает, а заниматься серьезной подготовкой к предстоящим крупным событиям.

Но вместо этого Зиновьев подводит читателя к своему «сверхпарадоксу»: в отличие от тех, кто приходит к выводу, что наше общество тяжело больное (каким сделал его тоталитарный режим), он вдруг вещает: нет, нет, оно совершенно здоровое и даже нормальное (а посему, кстати, и... стабильное). И самое пикантное тут состоит в том, что в этом тезисе есть, так сказать, рациональное зерно. При определенной точке отсчета все получается строго логично: каждая система, раз она уже сложилась и существует, то не иначе, как по определенным, только ей одной присущим законам. Стало быть, сама по себе, сама для себя она — нормальная, т. е. соответствует своим нормам и в виду этого здоровая. Так, раковая ткань — здоровая или больная? Для себя, сама по себе — здоровая, нормальная, но человеческий организм, в котором эта ткань образовалась, смертельно болен — для него эта ткань патогенична. Поэтому абстрактная постановка вопроса тут просто не годится. То же касается и нашего режима, как системы: сам по себе он здоров, раз функционирует по законам этой системы, но люди, живущие в нем, нравственно, психологически, духовно больны, искалечены. А ведь они-то и составляют общество; стало быть, для общества людей режим этот патогеничен, он делает его тяжело больным. Режим делает тяжело больным и нашу экономику, юриспруденцию, школу, все другие структуры общества. «Открытие» же Зиновьева, согласно которому наше общество — здоровое, ведет к выводу: коль так, то к чему бороться с наличным режимом? К чему копыя ломать? Пуцай уж существует себе на здоровье. И успокоенный читатель тихо засыпает...

Строго же говоря, поскольку понятие «болезнь» включает в себя и нормальную реакцию организма на проникновение в него патогенного фактора путем выработки иммунных тел (в результате чего организм вылечивается), то к нашему обществу неприменимо не только понятие «здоровое», но даже понятие «больное». На Западе такими иммунными телами в общественном организме являются, к примеру, незави-

симость прессы (и те, кто призывает ограничить ее свободу, не ведают, что творят), независимость судей, институт «гайдпарков», свобода опроса населения и т. д. При нашем же режиме этого нет и быть не может: он не допускает выработки каких-либо иммунных тел, направленных против него, против его пагубных влияний на общество, т. е. при нем общество просто неизлечимо. Спасение лишь в том, чтобы от этого режима *начисто* избавиться. Путь к этому лежит, как я убежден, через тотальное *гражданское неповиновение* (и уж, думаю, во всяком случае не через сочинение *новой* религии, не через новое богостроительство, о чем вдруг, окончательно запутавшись, заговорил Зиновьев) — поскольку кровопролитной гражданской войны следует избежать.

Пока я писал эту статью, был совершен антинародный переворот в Польше, пресекший шаги «Солидарности», направленные на излечение польского общества. Как разовьются дальше события, зависит от многих слагаемых. Пока же важнейший вывод из польской трагедии заключается для нас в том, что «советский» режим — как это действительно ни парадоксально — вовсе *не стабилен*: он смог пока удержать в своей орбите Польшу лишь способом, не укладываемым даже в его собственные теоретико-стратегические принципы — принципы марксизма-ленинизма: «Варфоломеевскую ночь» против «Солидарности» учинила 13 декабря не массовая организация, не «красная гвардия», не организация рядовых членов партии — они ни во что посвящены не были! — переворот против народа совершила генеральская часть партийной олигархии, используя, как роботов, подчиненные ей воинские подразделения. Московское Политбюро пошло на это именно потому, что оказалось в безысходном кризисе.

И хотя этой мерой было тяжело ранено освободительное движение в Польше, но победа тем не менее оказалась пирровой. Она не сможет спасти «советский» тоталитаризм,

не сможет предотвратить взрыва в недалеком будущем всей системы, всей империи. Конечно, нынешнее поражение, нанесенное польскому народу, приведет к временному унынию и даже отчаянию ряда борцов — особенно потенциальных — в Советском Союзе. Но сопротивление уже неистребимо—пока не ликвидированы причины, его порождающие.

Есть ли у диссидентов программа?

К вспышке же массового сопротивления в тоталитарной империи оппозиция, как упомянуто выше, должна быть готова: она должна объединиться вокруг четкой программы, приемлемой для наших народов, выражающей их коренные чаяния (эта программа должна быть детально разработана, серьезно обоснована и широко распространена). Если подобная программа не будет своевременно одобрена сознанием народа — массовые стихийные выступления могут кончиться резней и ничем иным. Имеется ли такая программа? Да, *основы* ее налицо: это цели и принципы правозащитного демократического диссидентского движения. Они содержат в себе начала демократического обновления нашего общества: требуемые этим движением элементарные права человека и национальные права, охватывающие не только политические свободы, но и такие социальные свободы, как свобода создания независимых общественных организаций, независимых профсоюзов и т. д., осуществимы только в условиях демократии, а подлинная демократия в свою очередь невозможна вне осуществления человеческих прав и личных свобод.

Что же касается программ социально-экономического уклада, то каждое течение в демократическом движении может и должно их готовить и обсуждать загодя, но лишь по мере установления демократии станет возможным (и актуальным) предлагать их нашим народам. А сейчас, думается, надо не распылять свои силы на распри между различными демократическими течениями, а консолидировать их.

Но что до всего этого Зиновьеву? Он заинтересован лишь в том, чтобы «доказать», что советские диссиденты, видите

ли, просто *не могут* иметь положительной программы. Этим «доказательствам» он посвятил целую статью, которая так и называется: «Почему советское диссидентское движение не имеет положительной программы». Поскольку диссиденты требуют от властей «соблюдать букву советского закона», то у них-де, по Зиновьеву, программа лишь негативная. «Позитивной программы, т. е. программы преобразований советского общества... диссидентское движение не имеет». (К сожалению, так думает не только Зиновьев).

Но отсутствие позитивной программы у диссидентов — лишь кажимость: диссидентское движение, можно сказать, гениально ухватило (хоть и спонтанно) *основное противоречие* нашего режима с самим собой — и на этом воздвигло всю свою платформу. Противоречие это вот в чем: режим не может удержаться, *не провозглашая* права человека, гражданские свободы, суверенные права наций, демократические и социалистические законы, и не может удержаться, соблюдая их. Отсюда: требование выполнять провозглашенные положения означает по существу требование качественного изменения режима, т. е. того, чтобы он перестал быть самим собой.

Ну, а Зиновьев? Он делает такой «логический» ход: а) «диссидентство есть движение в рамках советской формальной законности»; б) значит, «вопрос о свержении существующего социального строя перед диссидентами вообще не встает»; в) «этой установкой, таким образом, оно (диссидентское движение — П. А.-Е.) отрезает себе... выработку позитивной программы переустройства общества».

Первые два тезиса сами по себе верны, но вывод из них — уже паралогический прыжок: что же, позитивная программа может состоять только в свержении (насильственном) чего-либо? Ну, а требование реализации Конституции не есть ли позитивная программа, осуществление которой приведет к изменению режима и к перестройке общества?

Не замечает Зиновьев, что со своей формулой «свержение социального строя» он по существу остается в тине ленинского, насильственного способа решения коренных социальных проблем. Новому же, диссидентскому подходу это чуждо: наше дело добиться становления *демократического режима*, а при нем социальный строй не свергается и не

навязывается насилем, а определяется законной волей народа демократическим же способом.

Вся глубинная суть правозащитного демократического движения в том и состоит, что требование осуществления «всего лишь» записанных (декларированных) законов по существу, как мы видели, равняется требованию *преобразования* режима, ибо как только данный режим стал бы выполнять свои собственные законы, он перестал бы быть самим собой, т. е. данным режимом. Режим как раз и понял, что диссиденты разгадали его «ахиллесову пяту» и устроили ему ловушку (а не он — им, как пишет, примитивизируя ситуацию, в другом месте Зиновьев), обнажив всему миру его изнанку. Вот почему, с одной стороны, власти так яростно преследуют диссидентов а, с другой стороны, несмотря на жестокость репрессий, не могут с ними расправиться.

Диссиденты-правозащитники-демократы стоят на исторически верном пути, который ведет в новую — безнасильственную (достойную сущности человека) — эру решения социальных проблем.

Они подняли на качественно новый уровень гандизм и предвосхитили чешскую «Хартию-77» и польскую массовую «Солидарность», которая еще не сказала своего последнего слова. Подбный путь не ведет к быстрым феерическим успехам (к «триумфальному шествию»), он проходит через серию зигзагов, спадов, поражений, но конечная победа — за ним, ибо он соответствует нравственной природе человека, т.е.тому, что в конечном итоге делает человека человеком.

Зиновьев же полагает, что позитивная программа в диссидентском движении вообще невозможна и именно потому, что жизнь миллионов людей, совершающих миллиарды действий, течет по объективным законам «больших чисел», законам, «неподконтрольным, — как он правильно пишет, — никаким партийным и государственным организациям. И тем более неподконтрольным незначительной кучке инакомыслящих, именуемых диссидентами». Ну, и что? Ну и что из того, что объективные общественные законы неподконтрольны партиям или диссидентам (о которых автор пишет язвительно, с ехидным злорадством). Это, во-первых, никак не исключает наличия у последних позитивных программ. Во-вторых, Зиновьев никаких «откры-

тий» тут не делает, а лишь повторяет зады отрицаемого им Маркса: именно последний сформулировал идею, согласно которой социум функционирует как *естественно-исторический* процесс, т. е. по объективным статистическим законам, выражающим стихийно складывающуюся результирующую миллиардных действий множества целелеполагающих индивида (причем как раз Маркс и стал, наконец, бить «отбой», давать «задний ход», утверждая, что это не означает отрицания роли субъективного фактора в истории). В-третьих, писать, как это делает Зиновьев, что «прекрасные решения... насчет подъема сельского хозяйства, повышения производительности труда,.. сокращения пьянства,.. ликвидации взяточничества», *потому* не выполняются, что объективные законы жизни «неподконтрольны никаким партийным и государственным организациям» — значит освободить последних от ответственности, от вины за все то зло, что они творят в стране. Нет, не прекрасны, а уродливы те решения, которые заведомо невыполнимы, лживы.

Конечно, раз система существует, то, как мы уже говорили, законы ее функционирования объективны — но не надо же, в самом деле, путать кислое с пресным: система-то существует тем не менее только потому, что сначала ее ввела штыками определенная организация субъектов мафиозного типа, называемая номенклатурой.

Зиновьев в своем рвении доходит до убеждения, что население не станет поддерживать предложенные диссидентами позитивные преобразования в виде рабочего самоуправления, реорганизации паспортной системы, изменений в сельском хозяйстве, в легкой промышленности, в эмиграционной политике, выборной системе и т. д. «Даже в вопросах улучшения бытовых условий, — уверяет автор, — трудящиеся будут на стороне властей». Вот те и на! Еще одна веселенькая история, а? Но из чего же все это следует? Откуда он такое вывел? Оказывается: «ибо они (массы) понимают, что жизненный уровень зависит не от постановлений и программ». Верно: не от их провозглашения, а от их выполнения. Но тогда и надо организовывать жизнь общества так, чтобы была возможность этого выполнения. На этом как раз и стоят диссиденты. В требовании создать условия для становления такой структуры, которая дала бы возможность выполнять

обещанные положительные программы, и заключается программа диссидентства.

Зиновьев против Зиновьева

Странная коллизия происходит с текстами Зиновьева: в них множество интереснейших фактов, Монблан любопытнейших наблюдений и суждений, но вот основополагающие тезисы, якобы выведенные из них, являются плодом заблуждения. Можно бы это показать подробнее, анализируя эти тексты строчка за строчкой, но для этого надо исписать уйму бумаги, извести огромное количество времени и — что вовсе немаловажно — найти для этого абсолютно терпеливого читателя...

И я решил «махнуть на все это рукой» и обратиться к статье Зиновьева «Об оппозиции в коммунистическом обществе» (в сб. «Без иллюзий»), в которой о диссидентах сказано совершенно противоположное, т. е. где Зиновьев выступает явно против... Зиновьева же: «Сам факт возникновения и длительного существования диссидентского движения, — читаем мы там, — есть явление исторической значимости... Диссиденты дали образцы поведения, достойные подражания. И это подражание имеет место... Все, что связано с диссидентством, составляет один из *главных* (а часто — главный) предметов разговоров и размышлений в самых разных слоях общества... Некоторые смягчения в области культуры в последние годы явились одним из следствий диссидентского движения... Власти... вынуждаются к более гибким методам руководства... Без моральной и материальной поддержки довольно *значительной* части населения страны диссидентство не просуществовало бы и года... Без внутренней базы была бы вообще невозможна помощь Запада (диссидентству, — П. А.—Е.)». Диссидентство «влияет прежде всего и главным образом, — продолжает автор, — на определенные круги населения, а через них — на более *широкие* массы его. Нелепо ожидать, что последствия этого влияния скажутся немедленно в открытой форме...

Исторический опыт человечества дает достаточно оснований для *надежды*».

Ведь это же совершенно другой Зиновьев — не правда ли? Но как все это, нежно говоря, не клеится с его вышеприведенными вещаниями, что население ни в чем не поддерживает диссидентов, что оно будет «до последнего» сражаться за наличный режим, при котором осуществляется...«народовластие»! Да будь это народовластие, зачем же «довольно значительная часть населения» стала бы поддерживать диссидентов, утверждающих, что народовластия и в помине нет, что у народа отняты права человека? И почему тогда диссидентство оказывает влияние «на более широкие массы»? М-да. Какому же Зиновьеву верить? Воистину, «забывает» один Зиновьев, что говорил другой Зиновьев — ничего другого подозревать не хочу...

И уж абсолютно противоположно приведенной выписке то интервью Зиновьева, которое он дал полгода тому назад польскому (!) журналу «Анекс». В то время, как польская «Солидарность» по существу развила и реализовала в массовом масштабе ряд идей, выдвинутых еще в 60-х годах советскими диссидентами, и готовилась их отстаивать, Зиновьев не нашел ничего лучшего, чем «развенчать» именно диссидентство и именно в это критически-ответственное время: «Их (диссидентов, находящихся ныне на Западе, — П. А.—Е.) роль закончена, это политические пенсионеры, которые устраивают свои частные дела. Там нет никакой мысли, особенно политической (Как все то, что связано с людьми, лишенными вообще какой-либо мысли, могло оказаться «одним из главных предметов разговоров и размышлений в самых разных слоях общества»? Как эти слои всерьез размышляли о диссидентах, «лишенных... мысли»? И как при этом последние могли стать «влиятельными на определенные круги...,а через них на... народные массы»? Прелесть, что за логика! — П. А.—Е.) Их прежде всего интересует личная выгода,...научились, как надо жить на Западе... ищут славы...», «высасывают из пальца... сказки»...^{*} Какой же заряд желчи накопился в этом человеке!

^{*} Можно, конечно, утверждать, что некоторые эмигранты действительно превратились в людей, стригущих купоны на

Я не стану отправлять Зиновьева к зеркалу. Замечу лишь, что эгоцентрическое «упрямство» Зиновьева связано с тем, что он по-конформистски придерживается якобы антиконформистской формулы: «Я никому ничего не должен, и никто никому не должен», ставшей ныне очередной модой. Нет, *должен* и все мы *должны*, если хотим быть людьми! Ибо без долга нет морали, а без морали нет человека. Зиновьев по-снобистски играет на том, что он, видите ли, «наблюдатель, а не деятель»... Ну, и что? Ведь наблюдатель тоже претендует на звание человека. — аль нет?

А тому, чтобы быть человеком, — надо учиться. И прежде всего нужно учиться доброте — подлинная внутренняя свобода сопряжена с добротой. Свобода без доброты — неподлинная. Истинная Свобода и Доброта — едино суть. Только это единство делает, по-моему, человека равным своему понятию. Свободный человек без доброты — эгоцентрик, жесткий, а то и желчный. Добрый же человек без свободы — холоп, тряпка. Только синтез свободы и доброты снимает то отрицательное в человеке, что порождается в нем отсутствием этих двух компонентов, и придает подлинный смысл его жизни. К великому огорчению, Зиновьеву больше, чем ряду других из нас, не хватает именно компонента *доброты*. И, очевидно, именно это-то делает его озлобленным не только против зла, но и против явного добра, против всего и вся...

Хотелось бы в заключение этой статьи вернуться к той надежде, которую я выразил в конце моего упомянутого выше интервью, данного еще в 80-м году: «Александр Александрович, безусловно, оригинальный мыслитель и, на мой взгляд, весьма талантливый сатирик... Однако хорошо бы ему обернуть свой талант и на самоанализ, а,— добавлю теперь, — не только на то, чтобы как можно больше уязвить своего оппонента, отвечая ему, как можно злее что-то высмеять в нем.»

продолжающихся там муках диссидентов, — это, увы, факт. Но сказать, что в эмиграции роль диссидентов вообще закончена, — как можно? Это ведь чистейший вымысел. Если говорить серьезно, то история возложила на эмиграцию весьма ответственную миссию. Как она ее выполняет — это особая тема.

— «Что только не осмеяли люди?» — сокрушался Л. Толстой. Осмеять можно все что угодно. Можно легковесно острить по любому поводу. Но остроумие, являющееся ныне для многих самоутешительным сублиматом глубоководия, в действительности никак не способно заменить последнего...

Торонто, март 1982 г.

PS. Этой статье не было суждено быть опубликованной тогда, когда она была написана. Я предложил ее «Русской мысли». Главному редактору, — И. А. Иловойской, — текст понравился, и она сказала, что статья будет напечатана частями в трех номерах, — но... затем *почему-то* ее долго не публиковали, и я решил забрать статью.

За это время вышла новая книга Зиновьева «Гомо советикус» — и именно на нее появились сразу три хвалебные рецензии: в «Континенте», в «Русской мысли» и в «Обзрении». К этой книге, как и к указанным рецензиям, мы обратимся в другой раз. Пока же лишь подчеркну, что мне непонятно, как рецензенты не заметили, что эта книга наносит очередной удар движению Сопротивления: ведь если в СССР действительно сложилась новая порода людей, то никаких перспектив у этого движения нет, и стоять «советскому» режиму тысячу лет...

К счастью, гомо советикус — это миф. *Никакого* нового, советского человека *нет* — его придумали, с одной стороны, агитпроп ЦК КПСС, а с другой стороны, А. Зиновьев, как ни странно.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

- 3 *В. Стус*. Из лагерной тетради.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

- 22 *В. Малинкович*. Защищая право.

ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ

- 43 *Адам Михник*. Анализ и перспективы (*Письмо из тюрьмы*).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- 76 *Р. Сольчаньк*. Русский язык и советская политика.
99 *Из «Хроники Литовской католической церкви»*:
Церковь в советских республиках. Украина.
Проблема кардинала.
107 Глумление над национальными чувствами (*Письмо 25 крымских татар*).
114 *Е. Габович*. О ранней истории евреев на территории советской империи.

СОЦИОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА

- 127 *Т. Заславская*. О необходимости более углубленного изучения в СССР социального механизма развития экономики.

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

- 157 *Г. Шкляревский*. Ассимиляционная деятельность человека и развитие общества.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 184 Афганистан нуждается в помощи (*Интервью с французским врачом Филиппом Огойаром*).

- 192 В. Федосеев. Мадридская встреча.
- 212 Заявление Зарубежного Представительства Украинской Хельсинкской группы.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 215 П. Абовин-Егидес. В погоне за парадоксами (*По поводу публицистики А. Зиновьева*).

Условия подписки на журнал «ФОРУМ»

Цена одного номера:	Годовая подписка:
Англия — 3 фунт.	10 фунт.
Германия — 15 н. м.	50 н. м.
США — 7 ам. долл.	25 ам. долл.
Франция — 40 ф. фр.	135 ф. фр.

В других странах — расчет по курсу немецкой марки.

Адрес: Ukrainische Gesellschaft für Auslandstudien
e. V., für «Forum»

Bankkonto: Deutsche Bank A. G.
Promenadeplatz, 8000 München 2
Kto Nr. 22/20457, BLZ 70070010

Postscheckkonto PSchA München
Kto Nr. 22278-809.

Представители «Форума»

в Англии Лиана Померанцева
Liana Pomeranzev
4 Flat, 5 Sevington str.
Maida Vale, London W 9

в Израиле Израиль Клейнер
Dr. Israel Kleiner
Gilo 105/54
Jerusalem

